

Вопросы экономики и права

**№ 1
2017**

Редакционный совет:

А.П. Торшин - кандидат юридических наук, заместитель Председателя Банка России (председатель редакционного совета журнала "Вопросы экономики и права")

Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия (главный редактор журнала "Вопросы экономики и права")

А.Г. Лисицын-Светланов - доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института государства и права Российской академии наук

В.Н. Викторов - доктор экономических наук, профессор

Ю.В. Голик - доктор юридических наук, профессор

С.Н. Сильвестров - доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Мецеров - доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала "Экономические науки"

А.А. Ливеровский - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (ФИНЭК)

Редакционная коллегия:

Е.М. Ашмарина - доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия (главный редактор журнала "Вопросы экономики и права")
О.Ю. Бакаева - доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В.В. Болгова - доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права Самарского государственного экономического университета (ответственный секретарь редакции)

А.А. Павлушина - доктор юридических наук, профессор, директор института права Самарского государственного экономического университета

А.А. Алексеев - доктор экономических наук, профессор, директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета

С.А. Махоева - доктор экономических наук, зав. отделом "Региональный менеджмент" Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А.М. Михайлов - доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В.В. Симонов - доктор экономических наук, профессор, начальник инспекции Счетной палаты РФ, зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

И.А. Шулятьев - кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Финансового университета при Правительстве РФ

Подписной индекс 70180 (Агентство "Роспечать")

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.,
выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия

*Журнал включен в Перечень ВАК Минобразования России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

Главный редактор доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**
Ответственный секретарь редакции доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

Редактор *И.Н. Лошкарева*
Компьютерная правка и верстка - *О.В. Егорова*

Цена договорная

Учредитель - ООО "Экономические науки"
(125057, г. Москва, Чапаевский пер., д. 3, оф. 775)

© Вопросы экономики и права, 2017

Дата выхода издания 31.01.2017 г. Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 11,16 (12,0). Уч.-изд. л. 13,33. Заказ №

Отпечатано в издательстве ООО "24 Принт"

Научно-информационный журнал

В НОМЕРЕ:

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

Ашмарина Е.М. Экономическое право и неинституционализм	7
Ткаченко С.А. Субнациональные интеграционные процессы и их влияние на правовую систему Российской Федерации	13
Стахов А.И. О необходимости модернизации Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в условиях развивающейся системы отношений частной собственности	20
Головушкина Н. В. О понятии позитивной правореализационной процедуры	24
Головушкина Н.В. О видах позитивного правореализационного процесса (процедуры)	28
Хавжокова М.М., Хавжокова З.Б., Кокова Л.Р., Шогенова Ф.О. К вопросу уголовно-правовой оценки преступного неоказания медицинской помощи	33
Хавжокова М.М., Хавжокова З.Б., Бейтуганова З.Х., Зумакулова З.А. Невинные действия медицинских работников	38

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Королёва Е.Ю. Правовое регулирование порядка предоставления жилищно-коммунальных услуг гражданам	43
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Масаев М.У. Критерии применимости конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям	47
Дмитриева В.В. Межгосударственное сотрудничество в борьбе с международным кибернетическим терроризмом на примере Европейского союза	53

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Герасимова С.В. Оптимизация стратегической конкурентоспособности услуг в условиях неопределенности сложной структуры	61
Юрьева О.В., Кадников В.А., Соловьев Н.В. Компетентностный подход в управлении человеческими ресурсами	65

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Калышенко В.Н., Сталькина У.М. Оптимизация системы сбыта	68
Ладошкин А.И., Майорова И.А., Харитонова Е.А. Резервы снижения материальных затрат в буровых организациях	73

<i>Economic and Law Issues (English Version)</i>	79
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- ;

- ; ;

- .

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

© 2017 Ашмарина Елена Михайловна
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой правового обеспечения экономической деятельности,
действительный член Российской академии естественных наук
Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
E-mail: elena-mikhaylovna@ya.ru

Путем анализа отдельных положений правовой науки и такого направления экономической теории, как неoinституционализм, предпринята попытка выявления единообразия и различий в оценке связей и взаимозависимости между экономикой и правом, в понимании и толковании содержания понятий (например, “институты”), исследуемых правовой и экономической науками. Обосновано положение, согласно которому исследование явлений, имеющих место на стыке двух наук (права и экономики), должно проводиться в рамках науки экономического права (например, соотношение и балансирование частных и публичных экономических интересов).

Ключевые слова: экономика, право, экономическое право, институционализм, неoinституционализм, правовое государство, экономический интерес.

Ранее в статьях “Экономическое право и экономическая теория”¹, “Наука экономического права”² (и некоторых других) был сделан экскурс в генезис параллельного становления правовых комплексов (отраслей права), призванных адекватно регулировать новые сегменты экономики (экономической деятельности), и отдельных направлений экономической теории (именно особенности экономического развития порождали те или иные новые направления экономической науки, например, торговое право возникло в период становления меркантилизма; административное, налоговое и финансовое право получают развитие в период классической политэкономии; трудовое право - марксизма; право социального обеспечения - кейнсианства и т.д.).

В продолжение и развитие приведенных ранее положений отметим, что в настоящее время (эпоха глобализации, которая характеризуется обострением экономических противоречий на межгосударственном мировом уровне, возникающих в результате борьбы за сырьевые ресурсы) одним из наиболее перспективных актуальных направлений экономической теории является институционализм (неoinституционализм), представители которого с позиций экономической науки делали реальные и плодотворные попытки выявить связи и взаимозависимости между экономикой и правом. *Поднимая вопрос об эконо-*

мическом праве, мы предприняли встречную попытку, поскольку эта же материя (под иным углом зрения) достойна быть проанализирована и оценена с точки зрения права (науки экономического права). В идеале, как представляется, было бы очень полезно, образно говоря, “перевести” отдельные положения неoinституционализма на язык теории права. В настоящей же статье хотелось бы остановиться на выявлении отдельных смежных положений и понятий (с анализом их содержания), имеющих место на стыке двух наук (права и экономики), поскольку наша цель - обоснование положения о том, что *наука экономического права имеет точки пересечения с таким злободневным направлением экономической теории, как неoinституционализм.*

Действительно, правовая наука детально исследует диалектику права и государства, которые экономической теорией (институционализм и неoinституционализм) позиционируются как институты (наряду с многочисленными другими: политика, профсоюзы и т.д.).

Обратим внимание на то, что классический институционализм (неoinституционализм формируется позже) возник в конце XIX в. и оформился как отдельное направление в 1920-1930 гг. Этот исторический период характеризуется активизацией развития монополистического капитализма,

следствием чего явилось обострение антагонистических социально-экономических противоречий в развитых странах того периода. Учитывая указанную специфику исторического момента, можно отметить, что именно с конца XIX в. (практически одновременно с институционализмом) получило распространение понятие *Rechtsstaat* (правовое государство), которое подробно изучается и анализируется представителями науки теории права³. В соответствии с позицией И. Канта правовое государство следовало бы рассматривать как объединение множества людей по законам справедливости. Понятие справедливости, конечно, является оценочным, но думается, что в основе его лежит прежде всего справедливое распределение материальных благ и собственности. Не случайно идеи институционализма характеризовались поиском альтернативных неоклассицизму подходов, позволяющих смягчить социальные противоречия (представители экономической теории все больше склонялись к заключению о необходимости учета социальных последствий, вызванных сугубо экономическими проблемами).

Делая попытку обращения к правовой материи, представители нового течения (институционалисты) ввели в научный оборот понятия “институции” и “институты”. Так, “институции” (по мнению институционалистов) - это нормы, обычаи поведения в обществе; “институты” - это и закрепление норм и обычаев в виде законов, и (например) такие субъекты, как государство, профсоюзы, организации, учреждения. Отметим сразу, что исходя из положений теории права институт - это совокупность норм, регулирующих однородные отношения; понятие “институции” в праве не распространено; закрепление норм и обычаев в виде законов мы понимаем как формы права (в частности, нормативные правовые акты и другие формы); государство, профсоюзы, организации и учреждения называем институтами, но не в единообразном с формами права смысле словом ряду.

По мнению приверженцев классического институционализма, экономическое развитие представляет собой эволюцию институтов (в том числе права, государства и т.д.). Отметим, исходя из этого, что вряд ли эволюция институтов в различных странах могла происходить единообразно. Не случайно в разных государствах (Германия, Франция) и в понимании *Rechtsstaat* (право-

вое государство) вкладывались не идентичные признаки при общем положении, которое сводилось к необходимости ограничения государства как минимум своими собственными нормами права. Возможно, это не случайно, поскольку экономики этих стран эволюционировали неидентично и, будучи базисом, оказывали различное влияние на надстроечные отношения (политика, право). Предположительно, первоначально идея *Rechtsstaat* возникла именно как эволюционный процесс, в том числе с целью сбалансирования антагонистических противоречий, характерных для развитых экономик того периода⁴.

Интересно, что представителями школы классического институционализма политике и праву отводилась ведущая роль (экономика, как таковая, уходит на второй план). Кроме того, как следствие необходимости сглаживания противоречий в обществе, большое внимание уделялось экономическим интересам, а также роли государства (правительства) и профсоюзов, их функциям по защите интересов индивида.

В правовой науке также принято исследовать баланс публичных и частных интересов, но несколько иначе. Так, актуальной теорией ученых правоведов этого периода является развитие идеи правового государства (взамен государства полицейского), где предусмотрен баланс публичных и частных интересов.

В результате институционализм становится направлением, полностью противоположным неоклассицизму (отказ от частной собственности и эксплуатации, преобладание творческого труда, игнорирование математических методов анализа). Конечно, такой подход представляется несколько проблематичным и неудивительно, что во второй половине XX в. происходит постепенная трансформация классического институционализма; на смену ему приходит неoinституционализм, как течение, обобщившее некоторые положения первого и неоклассицизма. Так, с позиций неoinституционализма социальные институты (в том числе право) имеют важное значение, но ведущая роль экономики, основанной на математическом анализе с помощью стандартных инструментов микроэкономики, не отрицается.

В положениях неoinституционализма прослеживается постоянное, но своеобразное (по нашему мнению, слегка вульгарное) обращение к праву. Так, уделяется большое внимание теории общественного выбора и его основным стадиям

(конституционный выбор). Выделяется два уровня общественного выбора, а именно начальный, конституционный, выбор и постконституционный. При этом на начальном этапе (до принятия конституции) определяются права индивидов, устанавливаются правила взаимоотношений между ними (как мы понимаем, речь идет о формировании норм конституционного права); на постконституционном этапе формируется стратегия поведения индивидов в рамках установленных правил (т.е. в рамках Конституции формируются нормы иных отраслей права). По мнению неонституционалистов, Конституция - это, прежде всего, основной закон не государства, а гражданского общества. Думается, что следует согласиться с этим мнением, поскольку с позиции актуальной теории права сущность верховенства права состоит в подчинении государств праву, что установлено в их Конституциях⁵ (т.е. в интересах общества установлены правила игры, обязательные для всех, в том числе для правового государства).

Именно с помощью норм права ("правил") возможно предотвращение или нивелирование неблагоприятных последствий циклических экономических кризисов, смягчение социальной напряженности в обществе, направление в нужное русло демографических процессов и др. (все это реально осуществить, как мы понимаем, с помощью норм административного права, финансового права, гражданского права, трудового права, права социального обеспечения и т.д. Целостную совокупность основ отраслей российского права было предложено рассматривать в качестве экономического права)⁶. Вместе с тем некоторая "вульгарность" подхода неонституционалистов к праву, на наш взгляд, заключается в том, что в соответствии с юридическим позитивизмом право ограничено только нормами права (т.е. в данном случае нормами Конституции и иных отраслей права). Однако институционалисты говорили и об иных институтах, таких как обычаи, например. Данный подход к праву является синтезированным, поскольку включает одновременно собственно право и не право (обычаи, судебные прецеденты), которые (право и не право), будучи парными категориями, дополняют друг друга. Как сторонники интегративного правопонимания, мы стоим на позиции системного подхода, в соответствии с которым к элементам (формам) российского права относятся основополагающие принципы международного права, международные договоры, содержащие принципы и нормы права, международ-

ные обычаи, содержащие принципы и нормы права; основополагающие принципы российского права, нормативные правовые акты, содержащие принципы и нормы права, нормативные правовые договоры, содержащие принципы и нормы права и обычаи российского права, содержащие принципы и нормы права⁷.

Таким образом, делая попытку сформулировать некоторые промежуточные выводы, отметим следующее.

С точки зрения институционализма (в целом) основным аспектом экономического анализа является эволюция институтов (в том числе эволюция права, которую мы проследили ранее в статье "Экономическое право и экономическая теория"). При этом:

- экономика - это качественная система. В основе этой системы - экономический человек, имеющий свой экономический интерес, который заключается в том, чтобы при минимальных издержках извлечь максимальную выгоду. Однако совокупный экономический интерес социальной группы (и общества в целом) не тождествен сумме экономической деятельности людей (системный подход);

- экономика (как целое) и ее элементы (общество и институты, в том числе право) находятся в постоянном развитии и преобразовании (диалектический подход), что требует знаний не только в экономике, но и в других сферах (институтах), в том числе в праве (при этом экономика, право, политика и другие институты взаимосвязаны и взаимообусловлены);

- в процессе экономической деятельности происходит конфликт экономических интересов, поскольку при ограниченности ресурсов исходной гармонии интересов быть не может. Люди, как коллективные создания, организуются в группы для защиты интересов (при этом интересы групп не совпадают, например, интересы таких групп, как производители-потребители, импортеры - отечественные производители, работодатели-работники). Отсюда вытекает необходимость балансирования интересов. В качестве субъекта, способного разрешить противоречия (примиряющая роль), выступает государство. Можно предположить, что речь идет о балансировании частных экономических интересов публичным субъектом (государством) с помощью права.

С позиции актуальной теории права современное государство (субъект управления) не может

управлять экономикой (в целом) и перераспределением собственности (в частности) напрямую. Государственное воздействие на экономику осуществляется через право⁸ (Государство → Право → Экономика). В такой ситуации роль права постоянно возрастает. Наступает некий момент, когда уровень развития экономики (производительных сил) позволяет ставить вопрос о необходимости и возможности создания общества социальной рыночной экономики (новые производственные отношения). Государство из полицейского (Polizeistaat) постепенно трансформируется в правовое (появляются различные теории правового государства)⁹. Только такое государство способно максимально обеспечить баланс экономических интересов в обществе.

Думается, что *углубленный подход экономистов к многообразным экономическим интересам может представлять особый интерес для науки экономического права*, поскольку в теории права традиционно изучаются укрупненно публичный и частный интересы и их взаимодействие.

Неоинституционализм признает первичными интересы общества (назовем их “общественные экономические интересы”), а не интересы отдельных лиц (сугубо частные экономические интересы), поскольку интересы отдельно взятых субъектов (так же, как их правосубъектность) предопределяются общей экономической ситуацией, а не наоборот, т.е. частные экономические интересы индивида формируются под влиянием общественного развития). Отмечается также необходимость государственного воздействия на рыночную экономику.

С точки зрения институционалистов, задача экономической науки заключается не только в том, чтобы предлагать прогнозы экономического состояния и развития, но анализировать систему взаимосвязей с целью выработки рекомендаций в отношении соответствующей динамики в политике, праве, общественном сознании. Аналогично, с точки зрения правовой науки информационное значение права позволяет субъектам предвидеть результаты своего поведения. Непредсказуемость права влечет такие негативные последствия, как спекуляции (например, на валютном рынке). Другими словами, право должно быть стабильным регулятором экономических отношений. То есть право - это институт (“правила игры”), который должен развиваться (эволюционировать) не стихийно.

В современной теории институционализма под институтами понимаются “правила игры” в обществе, т.е. искусственно созданные установления, регулирующие поведение субъектов экономической деятельности, а также система мер, обеспечивающая их реализацию. При этом институты делятся на формальные и неформальные.

Под формальными институтами понимаются правила, созданные и поддерживаемые специально уполномоченными лицами, т.е. формы права, в том числе нормативные правовые акты, принятые в соответствии с конституционной процедурой законотворческого процесса, а также контроль за их соблюдением. Под неформальными институтами - обычаи делового оборота, судебные прецеденты (т.е. не право).

Какие же

() ?

1. .

1.1. Поскольку в современной теории институционализма *под институтами понимаются “правила игры”, а также система мер, обеспечивающая их выполнение*, речь должна идти прежде всего *о формах права, где установлены права и обязанности публичных и частных субъектов (в том числе в сфере контрольной деятельности и реализации мер ответственности)*.

В данной связи, как представляется, цель любого современного государства (в том числе и России) состоит в разработке и закреплении в законе единой системы форм международного и национального права, содержащей принципы и нормы права, обязательные для всех участников правоотношений, в том числе и для правотворческих органов государственной власти¹⁰. Только такой подход может привести к предсказуемости экономического развития на национальном уровне. При этом, современная концепция верховенства права предполагает системное сочетание национального и международного (в установленных Конституцией рамках) права.

1.2. *Право* эволюционирует в соответствии с эволюцией экономики, поскольку экономика (как целое) и ее элементы (*в том числе право*) находятся в постоянном развитии и преобразовании. При этом если первоначально исходной первичной субстанцией была экономика (на ее базе родилось общество, позже государство), то в на-

стоящее время можно констатировать *взаимобусловленность и взаимозависимость в системе “Экономика ← → Право (Экономическое право)”*.

Право (экономическое право) является одним из регуляторов *конфликта экономических интересов*, происходящих в процессе экономической деятельности. А именно - это *формальные институты* (“правила игры”), т.е. правила, созданные и поддерживаемые специально уполномоченными лицами (*законотворческий процесс и контроль за соблюдением права*). *К формальным институтам (в России) относится право (формы экономического права)*.

2.

Исходно экономические интересы с неизбежностью находятся в состоянии конфликта, поскольку при ограниченности ресурсов гармонии интересов быть не может. Дополняя положения правовой науки о частных и публичных интересах, в рамках науки экономического права можно предложить следующую классификацию субъектного состава лиц, реализующих экономический интерес.

Частные экономические интересы (субъекты):

- физическое лицо (“экономический человек”): в любой сфере социально-экономической жизни преследует свои личные интересы, руководствуясь экономическим принципом (сравнивает предельные выгоды и предельные издержки);

- коллективные субъекты экономической деятельности (юридические лица): аналогично, в любой сфере экономической жизни преследуют основную цель, а именно максимально возможное извлечение прибыли, сопоставляя доходы и расходы;

- отдельные социальные группы: поскольку при ограниченности ресурсов экономические интересы отдельных социальных групп не совпадают (производители - потребители, импортеры - отечественные производители, работодатели - работники и т.д.), люди организуются в группы с целью защиты интересов сообщества;

- публичные территориальные образования (в том числе государство) как участники экономической деятельности (в частности, на международном уровне). Примером может служить государственно-частное партнерство.

При реализации частных интересов все субъекты призваны действовать в соответствии с системой форм международного и

внутригосударственного (экономического) права.

Публичные экономические интересы (субъекты):

- физическое лицо (“экономический человек”): поскольку на современном этапе развития социального развития интересы общества значимы (физическое лицо живет в соответствующем социально-культурном социуме), действия отдельных взятых субъектов в значительной мере предопределяются ситуацией в экономике в целом, а не наоборот, мировоззрение формируется обществом *с помощью правовой культуры (соблюдение границ дозволенного правом поведения в интересах общества и государства)*;

- коллективные субъекты экономической деятельности (юридические лица): аналогично, преследуя основную цель предпринимательства (извлечение прибыли), понимают задачи социальной ответственности перед обществом и не выходят за рамки правового поля (в противном случае могут наступить такие неблагоприятные последствия, как меры ответственности);

- отдельные социальные группы, призванные являться субъектами, нивелирующими возникшие конфликты частных экономических интересов в публичных целях (например, профсоюзы, суды, действуя в пределах и в соответствии с системой форм экономического права);

- государство - при *балансировании частных экономических интересов в соответствии с формами (экономического) права. При этом в правовом государстве оно и само подчиняется праву.*

3.

()

3.1. *Контрактная (договорная) парадигма.* Исходя из теории общественного выбора и его основных стадий (конституционный выбор) выделяется два уровня общественного выбора: 1) начальный, конституционный, выбор (который совершается еще до принятия конституции) и 2) постконституционный. На начальном этапе определяются права индивидов, устанавливаются правила взаимоотношений между ними. На постконституционном этапе формируется стратегия поведения индивидов в рамках установленных правил (*формируются отрасли и формы права, к концу XX в. формируется экономическое право*). Решая экономические проблемы (кризисные периоды), государство стре-

мится выполнить две взаимосвязанные задачи: обеспечить нормальную работу рынка и решить (или хотя бы смягчить) острые социально-экономические проблемы. Таким образом, контрактная парадигма реализуется извне, т.е. через институциональную среду (выбор социальных, юридических и политических “правил игры”: в качестве “правил игры” могут выступать конституционное право, гражданское право, административное право и нормы других материальных отраслей российского права, основы которых образуют мегаотрасль “экономическое право”). *Контрактная парадигма реализуется извне посредством форм экономического права.*

3.2. *Необходимость прямого государственного вмешательства в рыночную экономику* возможно в случае необходимости, но при условии соблюдения правил, установленных в системе форм международного и национального права, так как в правовом государстве и само государство подчинено праву.

¹ Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57-70.

² Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как наука // Государство и право. 2016. № 3. С. 54-65.

³ См.: Ершов В.В. Верховенство права - концепция или доктрина? // Российское правосудие. 2014. № 6. С. 15.

⁴ Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как наука. С. 54-65.

⁵ См.: Ершов В.В. Верховенство права - концепция или доктрина?

⁶ Ершов В.В., Ашмарина Е.М., Корнев В.Н. Экономическое право как мегаотрасль российского права: его предмет и система // Государство и право. 2015 № 7. С. 5-16.

⁷ Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 313.

⁸ Яковлев В.Ф. Россия - правовое государство // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (13-16 апр. 2015 г.). Москва, 2016.

⁹ См.: Ершов В.В. Верховенство права - концепция или доктрина? С. 15.

¹⁰ См.: Там же.

Поступила в редакцию 30.11.2016 г.

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2017 Ткаченко Сергей Александрович

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации

117218, г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34

E-mail: tkachenko.s.a.@yandex.ru

Формирование права - это длительный исторический процесс, который проходит ряд этапов. Исходным звеном в сложном процессе формирования правовых систем выступает так или иначе идеологизированное выражение интеграционных процессов различного уровня, через которые обеспечивается согласование социально оправданной свободы конкретной личности и интересов культурно-исторической общности, в рамках которого она функционирует. Данный подход получает развитие в настоящей статье через раскрытие субнационального уровня формирования правовых систем.

Ключевые слова: право, правовая система, формирование правовой системы, правовой генезис, интеграционные процессы, экономическая интеграция.

Развитие российской государственности в последние годы свидетельствует о высоком динамизме различных интеграционных процессов на субнациональном и наднациональном уровнях, а также о вовлеченности Российской Федерации в выбор модели глобализации. Влиянию указанных тенденций на российскую правовую систему и ее взаимодействию с другими правовыми системами посвящена данная статья. При этом методологически обоснованным представляется начать с рассмотрения вопроса о трансформации российской правовой системы под влиянием субнациональных интеграционных процессов.

Указанные процессы могут иметь различные правовые формы. Задача научного исследования - типизировать их, выделив общие черты и особенности. Обоснованным представляется тезис об объединении таких форм в две группы: (1) образование нового субъекта Федерации или муниципального образования; (2) решение интеграционных задач через договорные конструкции. Развитие данного тезиса может быть продолжено на муниципальном или региональном уровне. Последнее направление представляется более целесообразным в силу своего непосредственного влияния на федеральное законодательство.

Российская Федерация, бесспорно, - уникальное государство в силу своих размера и природного разнообразия. Данное обстоятельство является ключевым при обосновании необходимости внутрироссийских интеграционных процессов на

региональном уровне, которые неразрывно связаны с проблемой оптимизации субъектного состава самой Российской Федерации. В этой связи в научной литературе обоснованно указывается на асимметричность федеративного устройства, которое выражается в большом количестве разностатусных субъектов, что стало историческим наследием советского периода¹. Первоначально в Конституции РФ нашел свое отражение максимально возможный уровень притязаний национальных и региональных элит, выразившийся в крайне неоднородном субъектном составе. Субъектами Российской Федерации были признаны бывшие автономные советские социалистические республики, входившие в состав РСФСР, края, области, автономные области и автономные округа, а также города союзного подчинения. При подготовке Проекта Конституции его разработчики проигнорировали то, что отдельные автономные округа сами входили в состав краев и областей, что повлекло появление такого феномена, как "сложноустроенные", или "сложносоставные", субъекты Федерации. Данное обстоятельство само по себе стало организационным фактором, обусловившим дальнейшие интеграционные процессы, направленные на преодоление негативных последствий этого феномена.

В 90-е гг. прошлого века Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к вопросу правового статуса сложносоставных субъектов Российской Федерации. Выра-

жая свою правовую позицию, он указывал на то, что “закрепленное Конституцией РФ вхождение автономного округа в край (область) предполагает особую государственно-правовую связь между ними. Взаимоотношения автономного округа и края (области), в состав которого он входит, отличаются от их отношений с другими субъектами Федерации. Вхождение автономного округа в край (область) обязывает оба субъекта Федерации строить свои взаимоотношения с учетом исторически сложившихся на момент принятия Конституции РФ и не противоречащих ей государственно-правовых реалий. Оно предполагает определенное распространение на основе взаимного согласия и договоренностей юрисдикции органов государственной власти края (области) на территорию автономного округа. Край (область) и входящий в него автономный округ обязаны в интересах населения поддерживать сложившиеся территориальные экономические, политические, социальные, этнические и иные отношения посредством различных форм взаимодействия, включая перераспределение предметов ведения и полномочий, их делегирование, совместное осуществление, не допуская односторонних, не согласованных друг с другом действий в сфере общих интересов края (области) и автономного округа”²². В последующем своем акте Суд признает, что “вхождение одного субъекта Российской Федерации в состав другого является реальным лишь в том случае, если происходит включение его территории и населения в состав территории и населения другого субъекта. Именно включение территории и населения автономного округа в состав края, области отличает их взаимоотношения от отношений с другими субъектами Российской Федерации”²³.

В целом же, характеризуя обстоятельства, при которых принималась действующая Конституция РФ, необходимо отметить господствующие дезинтеграционные тенденции, которые были следствием недавно состоявшегося распада СССР. Ситуация кардинальным образом изменилась с наступлением XXI в. Многочисленность субъектов Российской Федерации, их фактическое неравенство между собой, экономическая несостоятельность многих из них объективно обусловили начавшуюся внутрироссийскую региональную интеграцию, основной формой которой

стало укрупнение субъектов Федерации. В это время за укрупнение субъектов Российской Федерации неоднократно высказывались многие представители государственной власти и науки.

С технической стороны вопрос изменения субъектного состава Российской Федерации является конституционно-правовым. Так, ст. 137 Конституции РФ устанавливает, что такой состав может быть изменен путем образования нового субъекта Федерации или через принятие в ее состав нового субъекта. Общественные отношения, возникающие в связи с этим, регламентируются специальным законодательным актом - Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”. Условиями изменения субъектного состава Российской Федерации является соблюдение государственных интересов России, принципов ее федеративного устройства, прав и свобод человека и гражданина, а также учет сложившихся исторических, хозяйственных и культурных связей, социально-экономических возможностей развития российских регионов.

В 1993 г. в момент вступления действующей Конституции в силу в состав Российской Федерации входили 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область и 10 автономных округов. В период с 2004-го по 2008 г. число субъектов Российской Федерации сократилось до 83 за счет объединения краев, областей и входящих в их состав автономных округов. Так, с 1 декабря 2005 г. был образован Пермский край как результат объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа; с 1 января 2007 г. - Красноярский край - результат объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа; с 1 июля 2007 г. - Камчатский край - после объединения Камчатской области и Корякского автономного округа; с 1 января 2008 г. - Иркутская область - посредством объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа; с 1 марта 2008 г. - Забайкальский край - в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа. В 2014 г. в состав Российской Федерации

были приняты Республика Крым и г. Севастополь. Таким образом, в настоящее время в составе Российской Федерации 85 субъектов: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа.

Справедливости ради необходимо отметить, что правовой формой региональной интеграции является только образование нового субъекта Федерации путем объединения двух или более ранее существовавших субъектов. Принятие в состав Российской Федерации нового субъекта из числа иностранных государств является примером интеграционного процесса более высокого уровня - национального.

Представляя образование новых субъектов Российской Федерации через объединение ранее существовавших, необходимо отметить, что данный процесс не может рассматриваться исключительно как инициатива федерального центра. Он получил широкую поддержку в соответствующих регионах. Так, на референдуме по вопросу объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, который состоялся 7 декабря 2003 г., за объединение этих субъектов Федерации высказались 83,77 % избирателей Пермской области (явка 62,4 %) и 89,77 % избирателей Коми-Пермяцкого автономного округа (явка 65,64 %). Здесь хотелось бы заметить, что на примере Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа мы видим объединение "хронически дотационного" округа и более сильной экономической области. При этом более 80 % промышленных предприятий Округа были вертикально интегрированы в областные компании. Таким образом, в сложившихся обстоятельствах почти вся созданная в Округе добавленная стоимость оказывалась в налогооблагаемой базе Области. После объединения данный дисбаланс был во многом ликвидирован за счет специальных краевых межбюджетных трансфертов. Фактически к моменту объединения экономическая интеграция региона была налицо. Образование Пермского края стало только ее юридическим оформлением, которое позволило обеспечить относительное справедливое перераспределение бюджетных средств и иных ресурсов.

Однако утверждение, что прошедшие объединения субъектов Российской Федерации все-

гда были столь же бесконфликтные, что и в Пермском крае, неверно. Действительно, социально-экономические условия во всех случаях были весьма схожие. Однако политико-правовые обстоятельства различались в зависимости от конкретного региона. Особый интерес в этой связи представляют Иркутская область и Забайкальский край. Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ начали процесс объединения одновременно с Пермской областью и Коми-Пермяцким автономным округом. Но он завершился значительно позже, причиной чего стали "ущемленные интересы" окружной элиты, которую не устраивал будущий статус Округа, который первоначально рассматривался как обычное муниципальное образование. Кроме того, федеральный центр дал понять руководству области и округа, что все финансово-экономические притязания объединяющихся субъектов не будут удовлетворены. Как следствие - неоднократный срыв процедуры голосования в окружной думе по предложениям об объединении⁴. Здесь речь идет об очень важной политической проблеме, связанной с неопределенностью будущего статуса де-факто присоединяемых субъектов Федерации. Пытаясь не допустить объединения с Читинской областью, руководство Агинского Бурятского автономного округа также неоднократно принимало превентивные меры⁵.

Во всех прошедших объединениях субъектов Федерации, будь то Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский края или Иркутская область, край или область были более экономически развиты по сравнению с фактически поглощенными автономными округами. На момент объединения Красноярский край, Иркутская, Камчатская, Пермская и Читинская области обладали удовлетворительной бюджетной обеспеченностью, в то время как поглощенные автономные округа были дотационными. Экономике автономных округов были фактически интегрированы в экономики соответствующих краев и областей, что частично было последствием административно-территориального деления РСФСР, а в другой части стало результатом вновь возникших экономических связей. Совершенно обратная ситуация сложилась в двух оставшихся сложносоставных субъектах Федерации - Тюменской области с входящими в нее Ханты-Ман-

сийским и Ямало-Ненецким автономными округами, а также Архангельской области с входящим в нее Ненецким автономным округом. Здесь за годы “раздельно-совместного” существования автономные округа выделены из организационных и экономических интеграционных связей советского периода, приобрели собственный экономический потенциал, основанный на добыче углеводородного сырья, наладили экономические связи с другими смежными субъектами Российской Федерации. Так, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, помимо Тюменской области, стал активно взаимодействовать со Свердловской областью и Пермским краем. Ямало-Ненецкий округ вообще не имеет общей границы с Тюменской областью, но традиционно связан с Санкт-Петербургом. Ненецкий автономный округ имеет сравнимые социально-экономические связи как с Архангельской областью, так и с Республикой Коми.

Красноречивы и результаты социально-экономического развития рассматриваемых субъектов Российской Федерации. Так, в 2014 г. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа по интегрированному рейтингу социально-экономического положения опережали Тюменскую область (ХМАО - 73,927 - 3-е место среди регионов России; ЯНАО - 64,434 - 6-е место; ТО - 63,628 - 7-е место). В паре Архангельская область и Ненецкий автономный округ ситуация по данному критерию несколько иная: АО - 40,623 - 47-е место, а НАО - 38,71 - 51-е место. По иным критериям, в соответствии с которыми оцениваются результаты социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, ситуация схожая, рассматриваемые автономные округа занимают ведущие позиции в России, существенно опережая области, в состав которых они входят, либо находясь наравне с ними. Ханты-Мансийский автономный округ - Югра по объему производства занимает 2-е место в России, уступая только г. Москве, с показателем 3348 млрд руб. Объем производства Ямало-Ненецкого автономного округа - 1509 млрд руб. Данный показатель для Тюменской области только 950 млрд руб. Аналогичная ситуация и в паре “Архангельская область - Ненецкий автономный округ”. По объему производства они соотносятся 279,67 млрд руб. (Архангельская область) и 167,12 млрд руб. (Не-

нецкий автономный округ). Наиболее интересным является такой показатель, как эффективность экономики, характеризующийся в первую очередь через отношение объема производства к численности населения. По нему рассматриваемые автономные округа находятся на первых трех местах (НАО - 3869 тыс. руб./чел.; ЯНАО - 2796 тыс. руб./чел.; ХМАО - 2086 тыс. руб./чел.). Области же, в которые они входят, не находятся в числе лидеров (ТО - 670 тыс. руб./чел. - 9-е место; АО - 244 тыс. руб./чел. - 59-е место)⁶. Такое положение в вопросе соотношения уровней социально-экономического развития рассмотренных автономных округов и областей, в состав которых они входят, является устойчивым в течение последних лет⁷.

Следует отметить, что в состав Российской Федерации входит еще один автономный округ - Чукотский. Однако его правовой статус принципиально отличается от правового статуса рассмотренных автономных округов. Он не входит в состав других субъектов Российской Федерации и имеет экономические, культурные и иные связи со всеми регионами Дальнего Востока, а не только с Магаданской областью, в которую он входил в соответствии с Конституцией СССР, Конституцией РСФСР и Законом РСФСР “Об автономных округах РСФСР”. В целом же принятие Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 г. № 3056-1 “О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации”, Закона РФ от 4 июня 1992 г. № 2927-1 “Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации”, установление действующей Конституцией модели вхождения автономного округа в состав другого субъекта Российской Федерации являются правовыми формами дезинтеграции, которая была продолжением распада СССР.

Завершая рассмотрение такой правовой формы внутрироссийской региональной интеграции, как образование в составе Российской Федерации нового субъекта путем объединения двух или более существующих субъектов, представляем целесообразным остановиться на том, что, согласно ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ, образование нового субъекта влечет прекращение существования субъектов Федерации, территории которых подлежат объединению. Данное обстоя-

тельство имеет принципиальное значение для структуры правовой системы Российской Федерации, поскольку влечет утрату юридической силы законодательствами прекративших свое существование субъектов Федерации (в порядке, установленном для переходного периода) и возникновение новой субнациональной правовой системы, соответствующей новому субъекту Федерации и интегрированной в российскую правовую систему.

Если рассмотренная правовая форма субнациональной интеграции (образование нового субъекта Федерации путем объединения двух или более существующих субъектов) детально регламентирована на федеральном уровне, то вторая из обозначенных форм - договорная (квазидоговорная) конструкция - такой регламентации не имеет. Она получает свое правовое опосредование стихийно в результате длительного сотрудничества двух или более субъектов Федерации или муниципальных образований.

В настоящее время данная форма реализуется в отношениях между областями (Тюменская и Архангельская) и входящими в их состав автономными округами. Сторонами таких соглашений выступают органы государственной власти области и органы государственной власти автономного округа (округов). Они заключаются и пролонгируются при участии представителей как законодательной, так и исполнительной ветвей власти. На федеральном уровне предпосылкой их заключения стала позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который, разрешая спор между Тюменской областью и входящими в ее состав Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами о положениях Устава Тюменской области о вхождении в ее состав указанных округов, посчитал, что «наиболее правильным в сложившейся ситуации урегулирование самими субъектами Российской Федерации имеющихся между ними разногласий, поскольку Конституция Российской Федерации отдает предпочтение именно этому основанному на равноправии способу, и для такого решения вопроса имеются все необходимые предпосылки...»⁸.

Следствием процитированной позиции Конституционного Суда Российской Федерации в 1997 г. стало заключение сроком на 5 лет Договора между органами государственной власти Тюменской

области, Ханты-Мансийского автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа. Новый договор между данными субъектами Федерации был заключен в 2004 г. и в дальнейшем был неоднократно пролонгирован. В настоящее время его действие продлено до 13 декабря 2020 г. Архангельская область и Ненецкий автономный округ свои противоречия не выносили на рассмотрение Конституционного Суда. Первый Договор между их органами государственной власти был заключен на 2 года в 1994 г., а затем в 1996 г. был заключен новый Договор об отношениях между Архангельской областью и Ненецким автономным округом со сроком действия 4 года. В дальнейшем такие договоры заключались сроком на 1-2 года.

Договорные конструкции, существующие между Тюменской и Архангельской областями и входящими в их состав автономными округами, должны соответствовать положениям ст. 26.6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в которой закреплены общие принципы разграничения полномочий внутри сложносоставных субъектов Российской Федерации. Законом расширяются юрисдикционные пределы для области включением в них вопросов, составляющих предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ), полномочия по которым «на всей территории области...», в том числе на территории автономного округа, осуществляются органами государственной власти области, если иное не установлено федеральным законом. Органам государственной власти автономных округов остаются лишь полномочия по предметам ведения собственно субъекта Федерации (ст. 73 Конституции РФ), если договором между ними и органами государственной власти области не будет установлено иное. При этом ряд полномочий по предметам совместного ведения может остаться у органов власти автономных округов, но только если органы власти области выразят согласие на заключение об этом договора с органами округа.

Интересно, что все современные случаи правового опосредования внутрироссийских интеграционных процессов связаны со сложносоставны-

ми субъектами Российской Федерации. Примеры, когда интегрируются самостоятельные регионы, отсутствуют. Только на экспертном уровне обсуждается возможность их объединения, например, несколько лет назад вставал вопрос об образовании нового субъекта Федерации на основе Тюменской и Курганской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. Такое субнациональное образование отличалось бы существенным экономическим потенциалом, отразившим синергетический эффект от объединения природных ресурсов Югры, промышленного и научного комплекса Тюмени и агропромышленного - Курганской области. Кроме того, за счет перераспределения ресурсов был бы решен вопрос бюджетного обеспечения дотационной Курганской области. Схожие модели рассматривались применительно к Центрально-Черноземной зоне с центром интеграции в Воронеже. Однако практической реализации такие проекты не получили.

Применительно к муниципальному уровню в качестве законодательной меры, направленной на стимулирование субнациональных интеграционных процессов, следует упомянуть двухуровневую модель местного самоуправления, установленную Федеральным законом "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации". Так, согласно его ст. 10 местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. В городских округах в соответствии с законами субъекта Российской Федерации местное самоуправление может осуществляться также на территориях внутригородских районов. Наделение муниципальных образований статусом городского, сельского поселения, муниципального района, городского округа, городского округа с внутригородским делением, внутригородского района, внутригородской территории городов федерального значения осуществляется законами субъектов Российской Федерации. Границы территорий муниципальных образований устанавливаются и изменяются законами субъектов Российской Федерации.

Завершая рассмотрение правового опосредования интеграционных процессов субнациональ-

ного уровня, необходимо акцентировать внимание на том, что данный уровень, в первую очередь, обеспечивает решение распределительно-перераспределительных задач.

На муниципальном подуровне решению таких задач способствует сама двухуровневая модель местного самоуправления, установленная Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", предусматривающая вхождение городских и сельских поселений в состав муниципальных районов. Кроме того, следует выделить организационно-правовые формы такой интеграции: (1) изменение границ муниципальных образований (ст. 12 указанного закона), если в его результате происходит их укрупнение; (2) преобразование муниципальных образований путем их объединения (п.п. 1-4 ст. 13 указанного закона). Интеграционные процессы на муниципальном уровне также могут опосредоваться через формы, предусмотренные в гл. 9 "Межмуниципальное сотрудничество" указанного закона.

На региональном подуровне правовое опосредование интеграционных процессов не получило такой систематизированной законодательной регламентации, которая имеет место на муниципальном. Анализ правотворческой и правореализационной практики последних десятилетий позволяет выделить две организационно-правовых формы такой интеграции: (1) образование нового субъекта Российской Федерации путем объединения двух или более граничащих между собой субъектов Федерации, которое осуществляется в соответствии с Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ "О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации"; (2) заключение в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" между субъектами Российской Федерации договоров, предполагающих совместную реализацию властных полномочий, а также распределение бюджетных доходов и расходов, связанных с этим.

¹ См., например: *Емельянов А. С.* Конституционная реформа: юридические, политические и экономические аспекты укрупнения субъектов Российской Федерации // Публично-правовые исследования. 2006 (1). Ежегодник Центра публично-правовых исследований / гл. ред. А.Н. Козырин. Москва, 2006. С. 19-39.

² Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 1996 г. № 73-О // СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3837.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3581.

⁴ См., например: *Железнова Ю., Еловский Д.* Усть-Ордынцы “продали округ” неокончательно // Коммерсант. Восточная Сибирь. 2004. № 90. С. 8; Провалили референдум // Панорама округа. 2000. № 114-115.

⁵ См., например: Укрупнение субъектов - тема надуманная // Агинская правда. 2003. 9 сент.

⁶ См.: Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2014 году //

Россия сегодня. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20150616/610658857.html>.

⁷ См.: Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2013 году // Россия сегодня. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20140523/610617608.html>; Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2012 году // Россия сегодня. URL: http://riarating.ru/regions_study/20130610/610567066.html; Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2011 году // Россия сегодня. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2012.pdf; Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2010 году // Россия сегодня. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2011.pdf; Рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2009 году // Россия сегодня. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2010.pdf.

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 1996 г. № 73-О // СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3837.

Поступила в редакцию 03.12.2016 г.

**О НЕОБХОДИМОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

© 2017 Стахов Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом административно-правовых исследований
Российский государственный университет правосудия
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
E-mail: elena-mikhaylovna@ya.ru

Раскрываются коллизии и правовые неопределенности процессуальных и материальных норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вызывающие необходимость его модернизации в условиях развивающейся системы отношений частной собственности. Выдвигается предложение организовать законотворческую работу по модернизации КоАП РФ, нацеленную на обеспечение гармонизации законодательства об административных правонарушениях с законодательством, регламентирующим порядок осуществления государственного контроля и надзора органами исполнительной власти, а также иными уполномоченными административно-публичными органами.

Ключевые слова: административная ответственность юридических лиц, административная ответственность индивидуальных предпринимателей, производство по делам об административных правонарушениях, обязательные требования, контрольно-надзорные органы исполнительной власти.

К необходимости модернизации Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) в условиях развивающейся системы отношений частной собственности в России подталкивают существующие коллизии и правовые неопределенности целой группы процессуальных норм КоАП РФ (в частности, ст. 4.1.1, примечание к ст. 28.1, ч. 3. ст. 26.2, 24.1, 28.5 КоАП), а также многочисленные бланкетные материальные нормы гл. 5-16 КоАП РФ, устанавливающие административную ответственность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за нарушение разнообразных обязательных требований, выявляемых уполномоченными органами исполнительной власти, а также органами местного самоуправления в ходе осуществления проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые системно начиная с 2005 г. подвергаются в Российской Федерации административно-процедурной регламентации на основании Постановления Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 “О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг”.

Следует подчеркнуть, что бланкетные нормы, предусмотренные в гл. 5-16 КоАП РФ, позволяют в правоприменительной деятельности административно-публичных и судебных органов конструировать многотысячные составы административных правонарушений за счет объективной стороны данного деяния, описанной в многочисленных подзаконных нормативных правовых актах, содержащих разнообразные условия, ограничения, запреты, обязанности, в совокупности образующие те или иные обязательные требования, например, “требования по обеспечению безопасности дорожного движения”¹, “требования промышленной безопасности”², “требования пожарной безопасности”³, “требования в области охраны окружающей среды (природоохранные требования)”⁴, “требования к условиям осуществления деятельности, связанной с оборотом наркотических и психотропных веществ”⁵ и др.

В силу имеющейся законодательной конструкции данные нормы КоАП РФ отличаются чрезмерно высокой неопределенностью, которая, в свою очередь, создает благодатную почву для чрезмерного использования административного принуждения в отношении юридических лиц и ин-

дивидуальных предпринимателей, хотя на необходимость снижения которого указывает Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

Описанная ситуация усугубляется тем, что ст. 1.3, 1.3.1, 28.3 КоАП РФ наделяют административно-юрисдикционными полномочиями, связанными с осуществлением государственного контроля и надзора, неоправданно широкий круг субъектов (в частности, это должностные лица органов исполнительной власти, а также иных государственных органов, государственных учреждений, уполномоченных осуществлять государственный контроль (надзор), должностные лица органов местного самоуправления), для которых в КоАП РФ не устанавливаются какие-либо положения, обязывающие данных должностных лиц соответствовать очевидным квалификационным требованиям ни в части профессионального (юридического) образования, ни в части повышения квалификации или профессиональной переподготовки.

Примечательно, что факты неисполнения или ненадлежащего исполнения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями обязательных требований, выявленные в соответствии с административными контрольно-надзорными процедурами уполномоченными органами исполнительной власти, иными административно-публичными органами, могут служить основаниями привлечения к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и одновременно квалифицироваться как основания для применения к ним иных административно-принудительных мер. Контрольно-надзорные органы исполнительной власти чаще всего применяют такие иные административно-принудительные меры, как выдача разнообразных предписаний об устранении нарушений обязательных требований⁶, приостановление действия лицензии⁷, приостановление реализации товара⁸, принудительный отзыв продукции⁹ и др. При этом если процедуры привлечения к административной ответственности достаточно детально регламентированы нормами КоАП РФ, то процедуры применения иных мер административного принуждения, связанные с нарушениями обязательных требований, до настоящего времени в России не регламентированы и не систематизированы, за исключением единичных сфер государственного контроля и надзора (например, сферы налогового контроля)¹⁰.

Вместе с тем результаты проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляемых в соответствии с административными контрольно-надзорными процедурами органами исполнительной власти, иными административно-публичными органами, признаются, согласно ч. 3. ст. 26.2 КоАП РФ, допустимыми в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях, выявляемых в ходе таких проверок. При этом порядок оценки относимости и допустимости доказательств, собираемых в соответствии с административными контрольно-надзорными процедурами за рамками производства, регламентированного КоАП РФ, до настоящего времени законодателем не определен. Административные контрольно-надзорные процедуры сбора доказательств, допускаемых по делам об административных правонарушениях, разработаны законодателем наиболее полно лишь в отдельных сферах государственного контроля и надзора (например, в сфере антимонопольного контроля и надзора).

Отмечая низкий уровень систематизации и процедурной регламентации мер административного принуждения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в случаях выявления нарушений обязательных требований и подчеркивая сопряженное с чрезвычайно высоким уровнем неопределенности оснований применение данных мер, необходимо отметить, что в примечание к ст. 28.1 КоАП РФ введены ограничения по возбуждению дел об административных правонарушениях, выявляемых в ходе административных контрольно-надзорных процедур, которые, по сути, противоречат основным задачам производства по делам об административных правонарушениях, сформулированных в ст. 24.1 КоАП РФ, а также положениям ст. 28.5 КоАП РФ, которые системно нацеливают контрольно-надзорные органы на своевременное выяснение обстоятельств каждого дела об административных правонарушениях и на немедленное возбуждение дела об административном правонарушении в случае выявления данного деликта. В ч. 1 ст. 24.1 КоАП одной из основных задач производства по делам об административных правонарушениях признается полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела. В соответствии с данной задачей в ч. 1 ст. 28.5 КоАП устанавливается общее правило, согласно которому протокол об административном правонару-

шении составляется немедленно после выявления совершения административного правонарушения. Вместе с тем в примечании ст. 28.1 КоАП возможность возбуждения дела об административном правонарушении, обнаруженном в ходе проведения проверки при осуществлении государственного контроля (надзора) или муниципального контроля, предоставляется после оформления акта о проведении такой проверки. Общий срок проведения такой проверки может составлять 20 рабочих дней в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), и муниципального контроля»¹¹. Федеральными законами, регламентирующими отдельные сферы (отрасли) государственного контроля (надзора), устанавливаются иные, более длительные сроки проведения проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (до 30 и более рабочих дней)¹¹.

По мере развития отношений частной собственности в России в КоАП РФ сегодня закономерно сформировалась группа процессуальных норм, устанавливающих специальные правила назначения административных наказаний юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (ст. 4.1 - 4.1.1 КоАП РФ), которые требуют их дальнейшего развития в гармонии с административными контрольно-надзорными процедурами. В частности, правила замены административного штрафа на предупреждение, предусмотренные ст. 4.1.1 КоАП РФ, не гармонизированы с процедурами выдачи и проверки исполнения предписаний об устранении нарушений обязательных правил и поэтому страдают существенной правовой неопределенностью, которая в судебной практике усложняет разбирательство по данной категории дел, приводит к конкурирующим судебным решениям. До настоящего времени в КоАП РФ отсутствует институт деятельного раскаяния юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, гармонизированный с административными контрольно-надзорными процедурами, который позволил бы в большей степени индивидуализировать административную ответственность указанных лиц.

За защитой своих прав и законных интересов, связанных с административными контрольно-надзорными процедурами, проверяемые юридические лица, их руководители и иные должност-

ные лица, а также индивидуальные предприниматели и их представители обращаются в суд, используя нормы КоАП РФ, КАС РФ, АПК РФ. В итоге в судах общей юрисдикции и арбитражных судах образуются две категории административных дел, по сути, аналогичного содержания - дела об оспаривании предписаний об устранении нарушений обязательных требований и дела об административных правонарушениях, выявляемых в ходе осуществления государственного и муниципального контроля (надзора), по которым в силу изложенных выше коллизий и правовых неопределенностей КоАП РФ могут быть приняты конкурирующие, взаимоисключающие решения.

Следует также подчеркнуть, что в соответствии с процедурами, предусмотренными КоАП РФ, административно-публичный орган передает материалы дела об административном правонарушении судье и не признается обязательным участником судебного разбирательства по делу об административном правонарушении. При таком подходе судебный орган, по сути, подменяет орган исполнительной власти или иной административно-публичный орган по делу об административном правонарушении, выступает следующей, передаточной инстанцией административно-публичного органа, так как без участия данного органа применяет меры административного принуждения в отношении физического или юридического лица, которое совершило административное правонарушение, выявленное указанным органом. Представляется, что такого рода процедура судебного разбирательства по административному делу не соответствует конституционному принципу разделения властей и не обеспечивает надлежащий уровень реализации прав, свобод и законных интересов лиц в административно-правовой сфере.

В целях обеспечения надлежащей эффективности и результативности судебной реформы, проводимой в стране, а также своевременного встраивания КоАП РФ в развивающуюся систему отношений частной собственности предлагается организовать законотворческую работу по модернизации КоАП РФ, нацеленную на обеспечение гармонизации законодательства об административных правонарушениях с законодательством, регламентирующем порядок осуществления государственного контроля и надзора органами исполнительной власти, а также иными уполномоченными административно-публичными органами.

¹ О безопасности дорожного движения : федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ [с посл. изм. и доп.]. Ст. 11, 12, 15, 16, 18, 20 // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

² О промышленной безопасности опасных производственных объектов : федер. закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 2 // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

³ О пожарной безопасности : федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 69-ФЗ : [с посл. изм. и доп.] // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

⁴ Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 1 // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁵ О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 10 // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

⁶ См.: О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального

контроля : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 294-ФЗ. Ст. 17; О защите конкуренции : федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. Ст. 23; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ. Ст. 50; и др.

⁷ См., например: О лицензировании отдельных видов деятельности : федер. закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 20 // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

⁸ См., например: О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 50 // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

⁹ См.: О техническом регулировании : федер. закон от 27 дек. 2002 г. № 184-ФЗ : [с посл. изм. и доп.]. Ст. 40 // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

¹⁰ См., например, гл. 14 Налогового кодекса РФ.

¹¹ См., например: О промышленной безопасности опасных производственных объектов. Ст. 16.

Поступила в редакцию 06.12.2016 г.

О ПОНЯТИИ ПОЗИТИВНОЙ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОЙ ПРОЦЕДУРЫ

© 2017 Головушкина Наталья Владимировна
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: vasten@mail.ru

Предпринята попытка охарактеризовать понятие и признаки позитивной правореализационной процедуры в праве, обозначить существующие подходы к ее определению, а также выявить место позитивной правореализационной процедуры в системе правовых процедур и юридического процесса в целом.

Ключевые слова: позитивная правореализационная процедура, позитивный правореализационный процесс, правовая процедура, юридический процесс, юрисдикционный процесс.

Позитивные правореализационные процедуры, несмотря на сложность указанного названия, опосредуют претворение в жизнь норм права в “обычной” позитивной деятельности субъектов права, т.е. деятельности, не связанной со спорами и применением мер принуждения.

Позитивных правореализационных процедур огромное множество, они затрагивают практически все сферы жизнедеятельности лиц. Это и всевозможные позитивные процедуры в области публичного права (регистрация прав на недвижимое имущество, назначение пенсии, лицензирование, рассмотрение обращений лиц, осуществление закупок для государственных и муниципальных нужд, контрольно-надзорные процедуры и тому подобная деятельность), и огромный пласт процедур в частноправовой сфере (заключение гражданско-правовых договоров, трудовых соглашений, процедуры в корпоративном праве и т.п.).

Естественно, что содержание большинства существующих процедур выступало объектом исследования в рамках различных отраслевых наук.

Общетеоретические же исследования позитивных правореализационных процедур в праве не получили должного отражения в науке. На сегодняшний день не имеется ни одной монографической работы, посвященной непосредственно общеправовым аспектам позитивных правореализационных процедур.

И если теоретическим аспектам позитивных процедур в публичной сфере уделялось внимание (это касается, прежде всего, административных, бюджетных, налоговых и тому подобных правоприменительных процедур), то общетеоретические исследования позитивных процедур в част-

ноправовой сфере до настоящего времени не достигли должного уровня. Присутствует некоторая недооценка их роли. Хотя в последние годы появляются работы, посвященные и указанной тематике¹.

Вместе с тем существующая тенденция процессуализации права в полной мере затрагивает все сферы позитивной деятельности субъектов права, как публичной, так и частной. Количество процессуальных норм растет.

От качества теории и практики процессуального (процедурного) регулирования напрямую зависят реализация прав и обязанностей субъектов права, отсутствие произвола, формализма, бюрократизма и других аналогичных социальных явлений, несущих негативный заряд. Указанное определяет актуальность изучения общетеоретических аспектов позитивных процедур в праве.

Определение позитивной правореализационной процедуры напрямую зависит от содержания категории “правовая процедура” и ее соотношения с категорией “юридический процесс”. Поэтому, прежде чем приступить к раскрытию понятия и признаков позитивной правореализационной процедуры, необходимо определить точку зрения автора на содержание указанных категорий и их соотношение друг с другом.

Анализ существующих в настоящее время взглядов на понятие и содержание категорий “правовая процедура” и “юридический процесс” позволяет сделать вывод, что единообразное понимание их отсутствует.

Большинство правоведов характеризуют правовую процедуру как определенный порядок, последовательность действий, установленные нормативными актами.

Так, к примеру, О.В. Яковенко определяет правовую процедуру как “особый нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности, направленный на реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями”².

И.В. Панова говорит о правовой процедуре как форме упорядочивания юридической деятельности и правовых документов³.

Т.Ю. Баришпольская под юридической процедурой понимает систему складывающихся в определенной последовательности правовых отношений, направленных на достижение правового результата, который может выражаться в формировании юридических норм, образовании и прекращении субъектов права, предупреждении правонарушений либо в возникновении, реализации или прекращении определенного правоотношения, а также в иных последствиях⁴.

Как определенный порядок, последовательность действий характеризуется и “юридический процесс”.

К примеру, та же И.В. Панова указывает, что юридический процесс как разновидность социального процесса является нормативно установленной формой упорядочения юридической деятельности (действий) и правовых документов (актов), которая включает в себя судебные процессы (судопроизводства) и правовые процедуры⁵.

Если с внешней, “формальной”, стороны процедура и процесс всегда представляют собой порядок, последовательность, систему действий и отражают тем самым динамику права, то относительно круга правовых явлений, которые можно отнести к понятию процедуры и процесса (т.е. их объема и содержательной стороны), единства среди исследователей нет.

В самом общем виде можно говорить о двух концепциях юридического процесса, оказывающих влияние на понимание правовой процедуры.

Согласно “узкой” концепции под юридическим процессом понимаются, прежде всего, судебные процессы и иная юрисдикционная деятельность, т.е. деятельность специально уполномоченных органов, направленная на разрешение споров и применение мер принуждения (рассмотрение дел об административных правонарушениях и тому подобная деятельность). Вся иная “процедурная” “организационная” деятельность в указанном случае именуется правовой (юридической) процедурой.

Так, еще в 70-е гг. XX в. С.С. Алексеев писал, что, наряду с понятием “процессуальная форма”, которое нужно сохранить для характеристики процедуры в области правосудия, необходимо введение в науку более широкой и емкой категории - “юридическая процедура”, которая охватывала бы всякую длящуюся юридическую деятельность⁶.

Таким образом, термин “правовая процедура” зачастую используется для отграничения процесса как юрисдикционной деятельности от всей иной - “позитивной” деятельности (в противовес “негативной” юрисдикционной).

Согласно “широкой” концепции процесс - это не только юрисдикционная деятельность, но и вся позитивная правореализационная деятельность, а также правообразовательная деятельность. То есть категория “процесс” охватывает любые динамические явления в праве, а понятия “процесс” и “процедура” совпадают⁷.

В данной связи весьма показательна точка зрения А.А. Павлушиной, которая, исследуя юридический процесс с разных позиций, указывала, что суть теории юридического процесса “не в обозначении совокупности юридических процедур, осуществляемых по разным правилам, единым термином - “юридический процесс”, или “юридическая форма”, или “материальные и процессуальные процедуры”. А в том, что “юридический процесс” - важное научное обобщение, объединяющее все процедуры по общности их сущностных принципов. Это “унифицированное понятие” процессуального права - как науки, как общепроцессуальной теории. Юридический процесс - это все возможные процедурные, процессуальные проявления права и ограниченные рамками права. Искать иные “содержательные” определения юридического процесса не представляется плодотворным, поскольку он есть не что иное, как форма”⁸.

Автор, поддерживая точку зрения А.А. Павлушиной и придерживаясь широкого взгляда на юридический процесс, полагает, что для обозначения той его части, которая лежит за пределами юрисдикционной деятельности, возможно использовать как понятие “позитивная процедура”, так и понятие “позитивный процесс”, имея в виду, что по сути своей это категории одного порядка, охватывающие один и тот же круг правовых явлений.

Таким образом, определив точку зрения на понятие правовой процедуры и ее соотношение с

юридическим процессом, возможно перейти к анализу признаков позитивной правореализационной процедуры или позитивного правореализационного процесса.

Позитивной правореализационной процедуре присущи как общие признаки, характерные для любого процесса в целом, так и специфические особенности, позволяющие говорить о позитивных правореализационных процедурах как о самостоятельном виде процесса.

Естественно, являясь разновидностью юридического процесса, позитивная правореализационная процедура обладает всеми признаками, присущими ему. К указанным признакам можно отнести:

- динамичный характер процедуры;
- стадийность;
- наличие производств;
- направленность на достижение юридического результата;
- урегулирование процессуальными нормами права;
- направленность на реализацию материальных норм права.

Наряду с общими для любого процесса признаками (свойствами) необходимо выделить признаки, характеризующие непосредственно позитивный правореализационный процесс.

Прежде всего это *направленность* на урегулирование позитивной деятельности субъектов права, т.е. деятельности, не связанной с разрешением споров и применением мер принуждения и не связанной, однако, с созданием правовых норм (то, что отличает позитивный правореализационный процесс от юрисдикционного и правотворческого, стоящих с указанным видом процесса в одном классификационном ряду).

Еще одним признаком позитивной правореализационной процедуры является *возможность регламентации процедуры не только на законодательном уровне, но и на индивидуальном* самими участниками процедуры или третьими лицами для участников процедуры. К примеру, регламентация сторонами договора процедуры исполнения обязательств по нему, регламентация бюджетным учреждением в положении о закупках, способов и процедур закупки товаров, работ, услуг в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁹.

Следующий признак позитивной правореализационной процедуры - *возможность ее осуще-*

ствления непосредственно самими участниками процедуры без специально уполномоченных на то субъектов.

Так, для юрисдикционного процесса характерно участие третьих лиц, непосредственно не заинтересованных в результате процесса, но уполномоченных на его осуществление (к примеру, судебных органов, органов, уполномоченных на рассмотрение дел об административных правонарушениях и т.п.). Позитивные же процессы могут осуществляться как опосредованно (например, проводимые уполномоченными органами торги в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, процедуры регистрации прав на недвижимое имущество, процедуры лицензирования, регистрации актов гражданского состояния, регистрации создания, реорганизации и прекращения юридических лиц и т.п.), так и непосредственно любым дееспособным участником процесса (к примеру, процедуры торгов в частноправовой сфере, процедуры в корпоративном праве, совершение сделок).

Еще одной особенностью позитивной правореализационной процедуры является то, что рассматриваемая процедура может быть использована, *как правило*, для реализации только «своих» норм материального права, т.е. только тех норм, для реализации которых процедура устанавливалась.

Данный признак был отмечен В.Н. Протасовым, который, рассматривая ту область права, которую мы в настоящей статье именуем позитивной правореализационной процедурой (в терминологии В.Н. Протасова - материальная процедура), указывал, что «каждая материальная процедура «прикреплена» к соответствующему регулятивному правоотношению, будучи обязательным условием его нормальной реализации. Содержание материальной процедуры определяется содержанием «своего» основного правоотношения, поэтому она не может быть использована для реализации «чужого». Например, процедура осуществления избирательного права не может являться формой обмена жилых помещений»¹⁰.

В то же время, к примеру, гражданский процесс может быть использован для обеспечения реализации норм не только гражданского, но и других отраслей права (семейного, трудового, земельного и т.д.).

Из указанного правила есть исключения. Они касаются позитивных правореализационных про-

цедур, носящих межотраслевой характер и используемых для реализации норм различных отраслей права. В качестве примера можно привести процедуры торгов, используемые для реализации норм гражданского, административного, земельного, исполнительного и многих других отраслей права. Еще одним примером может выступить процедура добровольного (поскольку речь идет о позитивных процессах) возмещения вреда, причиненного земельным участкам и иным природным ресурсам, реализующая нормы гражданского, земельного и иных отраслей права, регламентирующих использование природных ресурсов.

Говоря о позитивных процедурах, многие авторы выделяют такие, спорные, на наш взгляд, признаки, как менее детальная по сравнению с юрисдикционными процессами правовая регламентация¹¹, “менее категоричные и строгие требования”¹², “меньшая сложность своей организации”¹³ и т.п.

Полагаем, что и среди юрисдикционных, и среди позитивных процедур можно встретить как относительно простые, так и сложные по своей регламентации формы. Различия между ними носят качественный характер, а не определяются тем, какое количество норм участвует в их регламентации.

К примеру, объем и подробность регламентации конкурентных процедур, предусмотренных законом о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд¹⁴, а также подзаконными актами, принятыми во исполнение данного закона, сопоставимы по объему и детальности регулирования с любым процессуальным кодексом. Сказанное свидетельствует о том, что рассматриваемый признак не может являться существенным для позитивных процедур.

Обозначив основные особенности позитивных правореализационных процедур, можно дать определение указанному виду процесса.

Итак, под позитивной правореализационной процедурой (позитивным правореализационным процессом) следует понимать определенный (законодательно и/или индивидуально) порядок деятельности субъектов права, осуществляемой в рамках позитивного развития

правовых отношений (т.е. не связанной с рассмотрением споров и применением мер принуждения), который направлен на реализацию материальных норм права в целях достижения правового результата.

¹ См., к примеру: *Баширова С.Г.* Юридические процедуры в частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007; *Якубовская Л.Р.* Юридические процедуры в правовом регулировании деятельности акционерных обществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

² *Яковенко О.В.* Правовая процедура : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7.

³ *Панова И.В.* Юридический процесс. Саратов, 1998. С. 22-23.

⁴ *Баршительская Т.Ю.* Гражданские процесс и процедура: понятие, служебная роль, проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1988. С. 8.

⁵ *Панова В.В.* Указ. соч. С. 22.

⁶ *Алексеев С.С.* Право в нашей жизни. Свердловск, 1975. С. 120-121.

⁷ Здесь необходимо отметить, что ряд сторонников “широкого” понимания юридического процесса относят к нему не всю правореализационную деятельность, а ограничивают ее сферой правоприменения.

⁸ *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса и ее значение для развития российской правовой системы в переходный период // Правовое государство и гражданское общество в переходный период : материалы Всерос. науч. конф. // Вестник Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. Серия “Право”. Нижний Новгород, 2002. № 1 (5). С. 52-60.

⁹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4571.

¹⁰ *Протасов В.Н.* Юридическая процедура. Москва, 1991. С. 9.

¹¹ *Солдатова О.Е.* Юридический процесс (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 13.

¹² *Баширова С.Г.* Указ. соч. С. 9.

¹³ *Соколов Т.В.* Процесс vs процедура: синонимичные понятия или различные правовые явления? (теоретические аспекты) // Юрид. записки. 2014. № 2. С. 27.

¹⁴ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон Рос. Федерации от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

О ВИДАХ ПОЗИТИВНОГО ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА (ПРОЦЕДУРЫ)

© 2017 Головушкина Наталья Владимировна
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: vasten@mail.ru

Статья посвящена видам позитивного правореализационного процесса (процедуры). Предлагается определение позитивной правореализационной процедуры, рассматриваются возможные критерии классификации, анализируется значение классификации для исследования общетеоретических проблем позитивного правореализационного процесса.

Ключевые слова: юридический процесс, правовая процедура, позитивный правореализационный процесс, позитивная правореализационная процедура, виды позитивных правореализационных процедур.

Большое значение для претворения в жизнь правовых норм имеет институт юридического процесса (правовых процедур), в отношении которого на протяжении вот уже нескольких десятилетий ведутся общетеоретические научные дискуссии. Предложено огромное количество определений юридического процесса и правовой процедуры, отражающих различные аспекты их сущности. Дискуссии эти носят во многом терминологический характер: можно ли называть процессом ту область динамических явлений в праве, которая не связана с разрешением споров и применением мер принуждения, т.е. область позитивной реализации правовых норм? Или же юридический процесс - это только юрисдикционная деятельность¹, а все процедурное, что лежит за ней, относится не к процессу, а к процедуре?

Автор, поддерживая сторонников так называемого широкого понимания юридического процесса, полагает, что “процесс” и “процедура” обозначают в праве явления одного порядка. Исходя из этой посылки, будет строиться дальнейший анализ позитивных правореализационных процедур.

Огромный пласт отношений среди правовых процедур занимают позитивные правореализационные процедуры. Они опосредуют претворение в жизнь правовых норм в рамках позитивного развития правовых отношений, т.е. без прерывания их различными правонарушениями и тому подобными правовыми аномалиями. К позитивной правореализации относится и вся сфера позитивной правоприменительной деятельности (административные, бюджетные, налоговые и тому подобные процедуры), и сфера позитивной правореализации

в частноправовых отношениях (процедуры заключения договоров, проведения частноправовых торгов, процедуры в корпоративном праве и т.п.).

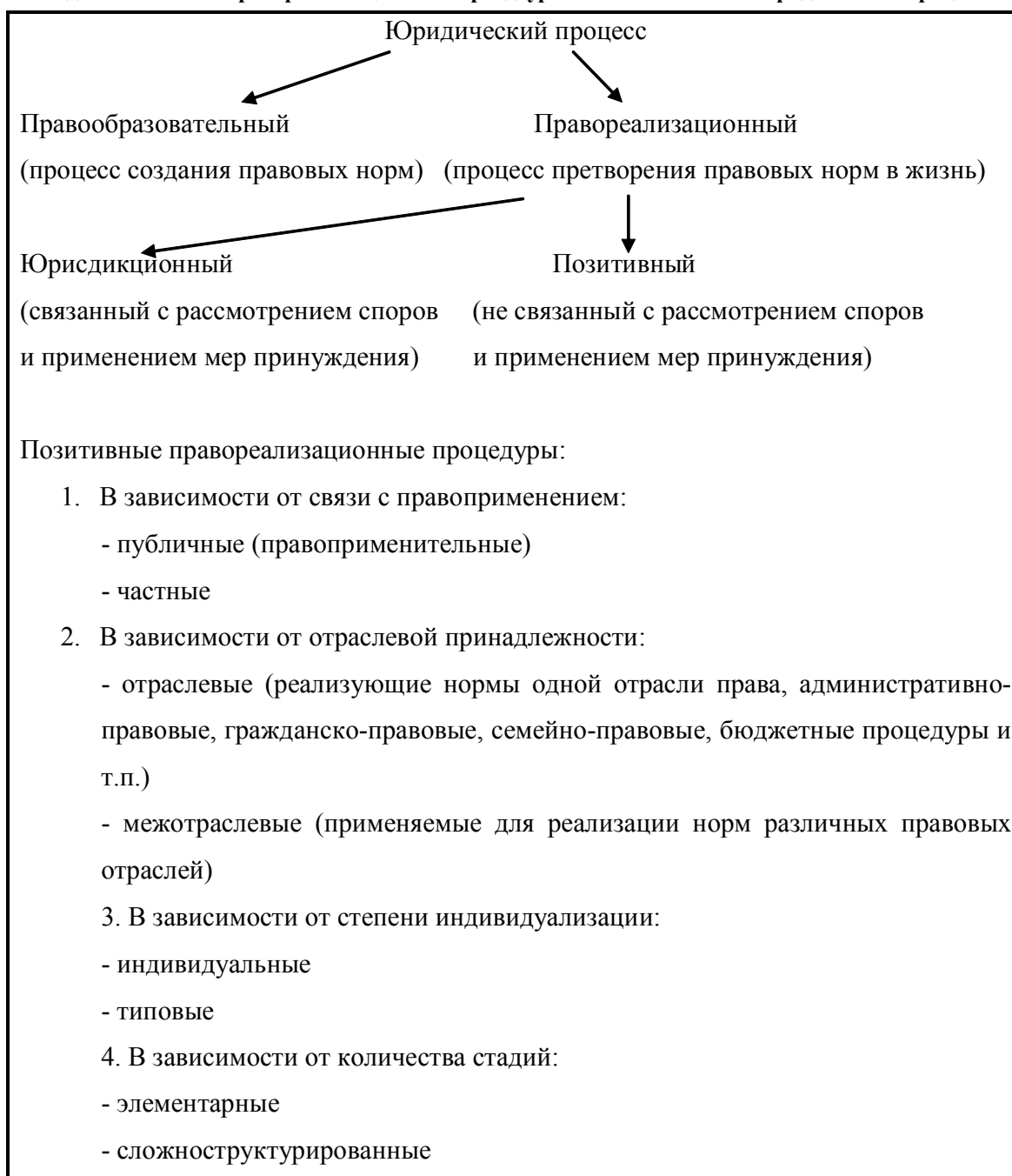
Бесспорно, что правореализационные процедуры, наряду с правообразовательными, составляют суть правовых процедур (юридического процесса) в целом. А позитивная правореализационная процедура - разновидность правовой процедуры, которая стоит в одном классификационном ряду с юрисдикционной правореализационной процедурой (юрисдикционным процессом).

Границу между юрисдикционными и позитивными процедурами можно провести по критерию наличия или отсутствия спора. Спор в процессуальном смысле есть комплексное понятие, принадлежащее в том числе и процессуальному праву и означающее состояние рассмотрения и разрешения материально-правового спора (конфликта) о праве или о факте с равным или властным субъектом или последних между собой. И лишь в юрисдикционном правоприменительном процессе он разрешается третьим незаинтересованным органом, специально созданным или избранным сторонами материально-правового спора, акты которого по делу могут быть принудительно исполнены².

Схематично место позитивной правореализационной процедуры в системе юридического процесса представлено следующим образом (см. таблицу).

Под **позитивной правореализационной процедурой (позитивным правореализационным процессом)** автор предлагает понимать определенный (законодательно и/или индивидуально)

Виды позитивных правореализационных процедур и их место в системе юридического процесса

порядок деятельности субъектов права, осуществляемой в рамках позитивного развития правовых отношений (т.е. не связанной с рассмотрением споров и применением мер принуждения), который направлен на реализацию материальных норм права в целях достижения правового результата.

Общетеоретическому анализу позитивных правореализационных процедур не уделяется достаточно внимания в юридической литературе. Это же касается и вопроса упорядочения указанного вида процесса.

Вместе с тем доктринальное исследование видов позитивных правореализационных процедур имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как является предпосылкой и необходимой основой повышения качества правового регулирования процедур различной отраслевой принадлежности.

Рассмотрим некоторые виды позитивных правореализационных процедур, используя, на наш взгляд, наиболее существенные для их понимания и характеристики основания классификации.

В зависимости от принадлежности к сфере частного или публичного права и от связи с правоприменением можно выделить:

- публичные позитивные правореализационные процедуры;
- частные позитивные правореализационные процедуры.

Публичные позитивные правореализационные процедуры иными словами можно называть позитивными правоприменительными процедурами, поскольку обязательным участником в них выступает субъект, наделенный властными полномочиями. К ним относятся позитивные административные (регистрационные, лицензионно-разрешительные, сертификационные процедуры, процедуры получения и предоставления информации и т.п.), налоговые, бюджетные процедуры, процедуры в праве социального обеспечения и тому подобные процедуры.

Частные позитивные правореализационные процедуры осуществляются без участия в них лиц, наделенных властными полномочиями. К ним можно отнести процедуры совершения сделок, процедуры добровольного возмещения вреда, заключение соглашений в семейном праве, различные процедуры корпоративного права и т.д.

В основе указанной классификации в большей степени лежит формальный признак - наличие или отсутствие субъекта, обладающего властными полномочиями.

Однако не только критерием наличия властного субъекта отличаются публичные позитивные процедуры от частных. По мнению А.А. Павлушиной, “важным для теории процессуального права, требующим научного признания обстоятельством, определяющим “существование и существо” частного юридического процесса, является то, что процессуальное право, как и право материальное, также имеет свою собственную “частную” часть, определяемую не только по составу участников, но и по источнику регулирования”³.

Так, соглашением сторон могут быть установлены процедуры исполнения обязательств по договору, особый порядок его изменения и расторжения, предварительным договором может предусматриваться порядок заключения основного договора и т.д.

Преобладающий метод правового регулирования оказывает непосредственное влияние и на содержание процедур. Содержание публичных

позитивных правореализационных процедур регулируется законодательно. В свою очередь, частные правореализационные процедуры могут быть урегулированы субъектами процесса самостоятельно, к примеру, различного вида соглашениями.

Для частных позитивных правореализационных процедур характерна большая степень диспозитивности по сравнению с публичными, что предопределяется преобладающим в частноправовой сфере методом регулирования отношений.

В литературе предлагаются и другие критерии разграничения публичных и частных процедур, пересекающиеся в отдельных аспектах с вышеуказанными. С.Г. Баширова предлагает разграничивать указанные процедуры по двум основным признакам (параметрам) - “в зависимости от того, как решается вопрос о вступлении субъекта в юридическую процедуру (это для него императив либо он самостоятельно или по согласованию с иными такими же субъектами разрешает этот вопрос) и как регламентируется содержание юридической процедуры, точнее, кто устанавливает это содержание (сам субъект по своей воле либо это уже четко и неизменно сделано в правовых нормах)”⁴.

Действительно, преобладание в публичном праве императивного метода регулирования влияет на то, что “вступление в процедуру” является обязательным как минимум для одного участника процедуры - лица, наделенного властными полномочиями, тогда как в частном праве вопрос об инициировании процедуры чаще всего зависит от воли субъектов, непосредственно заинтересованных в ней.

В зависимости от наличия отношений власти подчинения в публичных позитивных процессах можно выделить публичные позитивные процедуры, в которых участвующие субъекты не находятся в отношениях власти подчинения и взаимодействуют друг с другом на равных началах. В качестве примера можно привести процедуры заключения межгосударственных, межведомственных соглашений. А также публичные позитивные процедуры, в которых присутствуют отношения власти подчинения. К этой категории относится большинство позитивных правоприменительных процедур, в которых одной из сторон является властный орган (лицензионные, регистрационные процедуры и т.п.).

Еще одним вариантом классификации позитивных правореализационных процедур является

классификация в зависимости от их *содержания, характера или сфер деятельности, лежащих в основе процедуры.*

Одним из первых классифицировать юридический процесс с его содержательной стороны предложили авторы теории юридического процесса, которые выделяли законодательный (правотворческий), правоприменительный, контрольный и учредительный юридический процесс⁵. В настоящее время с учетом современного уровня развития законодательства, теории и практики его применения, в том числе уровня развития непосредственно теории юридического процесса, в части позитивной правореализации по рассматриваемому классификационному критерию можно выделить сертификационные, лицензионные, регистрационные, аттестационные, контрольные процедуры, процедуры предоставления прав на земельные участки, процедуры по назначению пенсии, избирательные процедуры, процедуры заключения частноправовых соглашений и многие другие процедуры. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Павлушиной, которая, рассматривая правоприменительный процесс по видам производимой в ходе него деятельности, отмечала, что “этот признак ближе к сущностной разнице в процедуре, поскольку независимо от осуществляющего тот или иной вид деятельности органа, характер процедуры во многом определяется именно характером деятельности”⁶, лежащим в ее основе.

Еще одним критерием классификации позитивных правореализационных процедур является их *отраслевая принадлежность*. По указанному основанию можно выделить процедуры в гражданском, семейном, земельном, финансовом, административном и других отраслях права.

Несмотря на всю очевидность указанного критерия, далеко не все позитивные правореализационные процедуры можно “привязать” к конкретной отрасли права. Хотя на этот счет существует иная точка зрения. В свое время В.Н. Протасов, рассматривая виды правовых процедур, указывал, что общеотраслевой характер могут носить только “процессуальные процедуры” - гражданский, административный, уголовный процессы (т.е. юридический процесс в его юрисдикционном значении), все остальные процедуры (материальные, в терминологии автора) являются внутриотраслевыми⁷. Полагаем, что и среди неюрисдикционных процедур существуют

процедуры, “обслуживающие” не одну отрасль права.

Наглядный пример тому - процедура торгов, регламентируемая различными правовыми отраслями (гражданским, административным, земельным, исполнительным и т.д.). С использованием, по сути, одного и того же механизма торгов реализуются нормы различной отраслевой принадлежности.

Еще одним примером может выступить процедура добровольного (поскольку речь идет о позитивных процедурах) возмещения причиненного земельным участкам и иным природным ресурсам вреда, регламентируемая, помимо гражданского, земельным и иным природоресурсным законодательством.

В зависимости *от степени индивидуализации* позитивных правореализационных процедур можно выделить следующие их разновидности:

- индивидуальные - разработанные для конкретного случая, рассчитанные чаще всего на однократное применение (к примеру, регламентированная договором процедура приемки-передачи вещи и т.п.). Формирование данных процедур, как правило, отдано законодателем на усмотрение самих субъектов процесса;

- типовые - содержащиеся в нормативно-правовых актах процедуры, рассчитанные на неоднократное применение субъектами процесса (процедуры назначения пенсии, заключения брака, регистрации прав на недвижимое имущество и т.п.).

Интерес представляет и классификация позитивных правореализационных процедур в зависимости от *количества стадий*, содержащихся в процедуре. По указанному критерию можно выделить процедуры:

- элементарные, представляющие собой, как правило, комплекс простых действий, к примеру, процедура приемки товара, оформляемая соответствующим актом, процедура регистрации перемены имени лица, достигшего возраста 14 лет, и т.п.;

- сложноструктурированные, включающие в себя несколько стадий и носящие, как правило, пролонгированный характер, к примеру, процедуры налоговой проверки юридических лиц, принятия бюджета, назначения пенсии и т.п.

Безусловно, перечень проанализированных в статье видов позитивных правореализационных

процедур не является исчерпывающим, поскольку исчерпывающим образом охватить все их многообразие не представляется возможным и необходимым. Тем не менее рассмотрение, на взгляд автора, наиболее важных для раскрытия сущности позитивных правореализационных процедур критериев классификации является значимым условием для повышения качества теории правовых процедур и их правового регулирования.

¹ Автор придерживается точки зрения, что под юрисдикционной деятельностью понимается деятельность суда и иных уполномоченных органов по разрешению споров и применению мер принуждения.

² Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Германия, 2012. С. 347.

³ Там же. С. 313.

⁴ Баширова С.Г. Юридические процедуры в частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 102.

⁵ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 29, 65.

⁶ Павлушина А.А. Указ. соч. С. 326.

⁷ Протасов В.Н. Теоретические основы правовой процедуры : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993. С. 27-28.

Поступила в редакцию 06.12.2016 г.

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПНОГО НЕОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

© 2017 Хавжокова Маргарита Мухамедовна

© 2017 Хавжокова Залина Борисовна

кандидат юридических наук, доцент

© 2017 Кокова Лиана Руслановна

доцент

© 2017 Шогенова Фатима Олеговна

кандидат экономических наук, доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

E-mail: mkhavzhokova@mail.ru, rado10101@rambler.ru, Shogenova75@mail.ru,

vettik.k@mail.ru

Статья посвящена анализу наиболее важных и спорных вопросов уголовно-правовой оценки неоказания медицинской помощи больному. Особое внимание уделено квалификации преступно-неправомерных деяний медицинских работников.

Ключевые слова: здоровье человека, медицинская помощь, преступное бездействие, уголовная ответственность.

Упоминание об ответственности врачей за неоказание медицинской помощи относится еще к древним временам. Известен рассказ Плутарха о том, что в IV в. до н.э. врач Глаукус в Греции оставил без помощи тяжелобольного и отправился в театр. Когда об этом узнал Александр Македонский, он приказал распять Глаукуса на кресте. В России, начиная с Уложения о наказаниях (1885), была установлена уголовная ответственность за неявку медицинского работника по приглашению к больному. В советское время эта формулировка была заменена на более общую - неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать по закону или специальному правилу (ст. 128 УК РСФСР 1960 г.). Данная правовая конструкция была воспринята УК РФ 1996 г. за тем исключением, что формально-материальный состав был превращен в материальный (ст. 124 УК РФ).

Общественная опасность неоказания помощи больному в настоящее время недооценивается, о чем свидетельствует высокая латентность рассматриваемых деяний.

Начать следует с объекта преступления. Следует подчеркнуть, что в теории уголовного права встречаются неоднозначные подходы к определению объекта неоказания помощи боль-

ному. В юридической литературе отсутствует однозначное определение здоровья как объекта преступления.

Так, Е.В. Безручко рассматривает его “в качестве определенного физического состояния организма, которое обеспечивает физическую и социальную полноценность человека, обеспечивает возможность полноценно участвовать в социальных связях общества, пользоваться благами жизни”¹.

Под здоровьем человека в медицине понимается “состояние уравновешенности функций всех органов и его организма с внешней средой, при котором отсутствуют какие-либо болезненные изменения”².

С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова рассматривают здоровье как “правильную, нормальную деятельность организма, его полное физическое или психическое благополучие”³.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что здоровье как объект неоказания помощи больному представляет собой состояние организма в определенных временных рамках независимо от качества его функционирования, которое обеспечивает социальную полноценность человека. Что же касается ч. 2 ст. 124, то, исходя из ее конструкции, можно предположить: не-

посредственным дополнительным объектом состава неоказания помощи больному являются как здоровье, так и жизнь человека.

Обращаясь к анализу фигуры потерпевшего, следует отметить, что закон им называет “больного”, однако это понятие не имеет однозначного юридического и медицинского толкования.

В русском языке под больным понимается “человек, пораженный какой-нибудь болезнью”.

На основании характера и объема осуществляемой деятельности предлагаем выделять следующие виды медицинской помощи:

1) специализированная медицинская помощь - медицинская помощь, оказываемая врачами-специалистами при заболеваниях, требующих специальных методов диагностики, лечения и использования сложных медицинских технологий. Виды специализированной медицинской помощи устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере здравоохранения;

2) специализированная высокотехнологичная медицинская помощь - специализированная медицинская помощь, осуществляемая с использованием уникальных или ресурсоемких технологий;

3) экстренная медицинская помощь - медицинская помощь, оказываемая гражданину безотлагательно при непосредственной угрозе его жизни, а также при иных состояниях здоровья, требующих незамедлительного медицинского вмешательства;

4) плановая медицинская помощь - медицинская помощь при состояниях здоровья, не требующих безотлагательного медицинского вмешательства и позволяющих без ущерба для здоровья гражданина оказать медицинскую помощь с отсрочкой по времени.

Неоказание любой из перечисленных выше разновидностей медицинской помощи образует состав преступления, предусмотренный ст. 124 УК РФ, при наступлении перечисленных в статье последствий.

С объективной стороны рассматриваемое деяние совершается только путем бездействия.

Полное отсутствие помощи больному позволяет квалифицировать преступно-неправомерное деяние медицинского работника. Бездействие последнего может выражаться либо в неявке больного по вызову, либо в отказе принять его в лечебное учреждение, либо в отсутствии помощи, которую медицинский работник мог оказать

по собственной инициативе человеку, о заболевании которого ему стало известно из других источников (так называемый, активный вызов).

Думается, отличие неоказания помощи от иных форм бездействия заключается лишь в объеме обязанностей. Закон или специальное правило возлагает на определенное лицо обязанность оказать помощь, устранить последствия опасности, а не саму опасность. Данное положение носит принципиальный характер, особенно в случаях квалификации деяний по ст. 124 УК РФ.

Законодатель, дифференцируя уголовную ответственность за деяния, предусмотренные ст. 124 УК РФ, учитывает объективные и субъективные особенности бездействия-невмешательства. Последнее вызывает уголовно-правовую репрессию только тогда, когда опасность угрожает жизни и здоровью потерпевшего и помощь может быть оказана без риска для себя и других лиц.

В случаях, предусмотренных ст. 124 УК РФ, виновный не оказывает необходимой при болезнях, травмах, отравлениях и родах медицинской помощи, направленной на спасение жизни человека, облегчение страданий и на лечение.

При неоказании помощи бездействие-невмешательство может быть выражено в следующих формах:

1) неявка медицинского работника по вызову. В рассматриваемых случаях субъектом могут выступать врач независимо от его специальности, акушер или фельдшер, нанимающиеся медицинской практикой. При этом обязанность оказывать помощь вытекает как из существа их профессии, так и из содержания правовых норм.

Следует отметить, что уголовная ответственность за неоказание помощи наступает при обращении больного, его представителя либо других лиц за медицинской помощью⁴. В исключительных случаях медицинский работник обязан оказывать помощь и без такого обращения.

Поскольку из анализа диспозиции рассматриваемой статьи вытекает, что помощь больному должна быть оказана лично обязанным лицом, постольку в случаях его неявки и оказания помощи посредством передачи указаний или направления другого специалиста оно подлежит уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ;

2) отказ принять больного, пострадавшего или роженицу в больницу. Бесплатная стационарная помощь оказывается в следующих случаях:

- при острых заболеваниях и обострениях хронических болезней, отравлениях и травмах, требующих интенсивной терапии, круглосуточно-го медицинского наблюдения и изоляции по эпидемиологическим показаниям;

- при плановой госпитализации с целью проведения диагностики, лечения и реабилитации, требующих круглосуточного медицинского наблюдения, в том числе в детских и специализированных санаториях;

- при патологии беременности, родах и аборт-тах;

- в период новорожденности.

При оказании скорой медицинской помощи, стационарной медицинской помощи и медицинской помощи в дневных стационарах всех типов предоставляется бесплатная лекарственная помощь в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В рамках базовой программы обязательно-го медицинского страхования предоставляется амбулаторно-поликлиническая и стационарная помощь при заболеваниях⁵;

3) неоказание помощи больному в лечебно-профилактическом учреждении. Характерно, что бездействие-невмешательство в этих случаях может проявляться в различных формах: от полного невыполнения своих обязанностей по оказанию медицинской помощи до частичного их выполнения. Особо следует выделить случаи заведомо неверного диагноза, когда пациент признается не нуждающимся в помощи;

4) невызов специалиста обязанным лицом, которое оказалось некомпетентным из-за недостатка знаний или по иным причинам. В случаях, когда вызванный к больному медработник не может ввиду специфики своей специальности, недостатка знаний или по другим причинам оказать неотложную помощь, он обязан дать больному или окружающим его лицам соответствующие указания по вопросу о вызове другого медработника или транспортирования больного в лечебно-профилактическое учреждение;

5) непредоставление лечебно-профилактическим учреждением или аптекой медикаментов. Эту разновидность бездействия-невмешательства считаем целесообразным выделить в отдельную группу.

В основе криминализации неоказания помощи больному лежит общественная опасность бездействия обязанного лица при необходимости

оказания именно медицинской помощи. На это указывает и законодатель, специально оговаривая, что бездействие виновного должно осуществляться в отношении больного. Однако представляется, что использование данного термина является недостаточно удачным и не позволяет относить к потерпевшим иных лиц, нуждающихся в медицинской помощи (пострадавшие в результате травм, роженицы и др.). В этой связи целесообразно внести в статью специальное указание на медицинский характер помощи и исключить термин “больной”⁶. Это не изменит сущностного содержания нормы, и она по-прежнему будет являться выделенным в специальную норму частным случаем оставления в опасности.

Для наступления уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ необходимо, чтобы у обязанного лица отсутствовали уважительные причины для неоказания помощи.

“Уважительные причины” - понятие оценочное, и в каждом случае суд подходит индивидуально к решению вопроса о том, является ли причина уважительной⁷. Исходя из нормативного анализа и в соответствии с теоретическими основами уголовного права можно предположить, что в качестве уважительных причин во всех без исключения случаях могут выступать:

- обстоятельства, исключающие преступность деяния. Как правило, речь идет о крайней необходимости (помощь другому тяжелобольному);

- непреодолимая сила (действия внешних факторов или посторонних лиц, препятствующих оказанию помощи).

В теории уголовного права к уважительным причинам относят также: болезнь самого медицинского работника; отсутствие медикаментов, инструментов, средств транспортировки больного; некомпетентность медицинского работника при условии, что им была оказана вся возможная помощь в пределах его собственной квалификации и предприняты меры для вызова соответствующего (профильного) специалиста или предприняты меры для профильной госпитализации⁸.

По нашему мнению, нет оснований для выделения перечисленных выше факторов в самостоятельную группу уважительных причин, поскольку каждый из них является не чем иным, как обстоятельством непреодолимой силы или крайней необходимости.

Состав ст. 124 УК РФ сформулирован по принципу материального. По ч. 1 ст. 124 УК РФ

ответственность за неоказание помощи больному без уважительных причин наступает в случае, если бездействие-невмешательство повлекло причинение средней тяжести вреда больному, а по ч. 2 - при наступлении последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти больного. Для квалификации преступлений, имеющих в своей основе материальный состав, необходимо устанавливать причинную связь между деянием виновного и наступлением общественно опасных последствий. Однако применительно к случаям неоказания помощи больному эта задача представляется достаточно сложной⁹. Дело в том, что с точки зрения теории детерминизма, причинная связь между бездействием и последствием имеется лишь тогда, когда на субъекте лежит юридическая обязанность действовать. Противоправное бездействие, бездействие юридически обязанного действовать определенным образом лица, в общественном отношении является столь же казуальным, как и противоправное действие. По-видимому, точно такое же бездействие необязанного лица не является причиной наступившего общественно вредного результата. Развивая дальше эту позицию, можно прийти к полному отрицанию объективного характера причинной связи¹⁰. Утверждение, что обязательным условием наличия причинной связи между бездействием и наступившими последствиями является обязанность действовать, ставит решение вопроса о наличии или отсутствии объективной детерминационной связи в зависимость от такой субъективной (точнее, нормативной) категории, как обязанность, которая изменяется вследствие совершенствования нормативной базы государства. Вызывает возражение также то обстоятельство, что авторы вообще допускают возможность бездействия вызывать последствия в объективной действительности. Они игнорируют такое неотъемлемое свойство причины, как ее активность¹¹. Бесспорным является тот факт, что активностью может обладать только действие. Бездействие по своей сущности не способно вызывать тот или иной результат, оно не может также воспрепятствовать развитию каких-либо процессов, явившихся следствием иных факторов.

На указанном основании можно заключить, что бездействие и явления объективной действительности не могут состоять между собой в причинной связи. Применительно к рассматриваемым нами случаям неоказания помощи больно-

му и причинение ему вреда средней тяжести не состоят в отношениях "причина-следствие". Между ними, безусловно, имеется определенная связь, но она не имеет ничего общего с причинностью.

По нашему мнению, состав неоказания помощи больному представляет собой особую конструкцию преступления против жизни и здоровья, предусматривающую уголовную ответственность за те случаи, когда жизнь и здоровье находились в опасности, но фактически наступившие последствия не состояли в причинно-следственной связи с бездействием в силу отсутствия у последнего свойства активности¹². Вместе с тем между бездействием и последствием имеется определенная объективная связь, не зависящая от определенных правовых или моральных обязанностей. Эта связь представляет собой отношение допущения.

Важным обстоятельством является тот факт, что объективная связь при бездействии зависит от особенностей, навыков и знаний конкретных лиц, а не от наличия обязанностей¹³. Неоказание помощи больному не является исключением. Установление уголовной ответственности в этом случае вытекает не из установления обязанностей, а из возможностей указанных в законе лиц оказать посильную медицинскую помощь в силу специальной подготовки и наличия необходимых медикаментов и технических средств.

Поскольку объективная связь между бездействием и последствиями в деяниях, предусмотренных ст. 124 УК РФ, все же имеется, постольку в случае неоказания помощи больному предел уголовной ответственности определяется наступившими последствиями.

Обращаясь к анализу субъективной стороны и субъекта рассматриваемого деяния, следует отметить, что в теории и практике уголовного права эти вопросы не вызывают дискуссий. В этой связи остановимся лишь на наиболее принципиальных моментах¹⁴. В случае неоказания помощи больному имеет место двойная форма вины: умысел (как прямой, так и косвенный) в отношении бездействия-невмешательства и неосторожность в отношении последствий.

В целом, исследование проблемы преступного неоказания медицинской помощи убеждает нас в том, что целесообразно усовершенствовать уголовный закон в части установления уголовной ответственности за неоказание помощи больно-

му. В частности, теоретически и практически обоснованным представляется исключение из названия и диспозиции ст. 124 УК РФ указания на больное лицо. Вместе с тем в целях упорядочения судебной практики в норме следует указать на медицинский характер помощи.

¹ *Безручко Е.В.* Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

² *Авдеев М.И.* Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. Москва, 1998.

³ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 2013.

⁴ Вопросы формирования гражданского правосознания в современном обществе / И.А. Геляева [и др.] // Вопросы экономики и права. 2015. № 1. С. 26-30.

⁵ Классификация юридических фактов в трудовом праве / З.Б. Хавжокова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2015. № 10. С. 7-9.

⁶ *Ногерова З.Э., Хавжокова З.Б.* Выплата вознаграждения автору при создании и дальнейшем использовании пародии на его произведение // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2015. № 9-10 (37). С. 31-36.

⁷ *Хавжокова З.Б.* Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Московская академия экономики и права. Москва, 2009.

⁸ Российское уголовное право : учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. Москва, 2014.

⁹ Классификация ...

¹⁰ *Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А.* Защита нематериальных благ путем компенсации морального вреда // Вопросы экономики и права. 2014. № 5. С. 20-24.

¹¹ Состояние преступности несовершеннолетних на современном этапе по материалам Кабардино-Балкарской Республики / Ф.О. Шогенова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2015. № 10. С. 10-12.

¹² К вопросу об опровержении сведений, умаляющих честь и достоинство гражданина / З.Б. Хавжокова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2015. № 5. С. 7-10.

¹³ *Хавжокова З.Б.* Проблемы разграничения юридической ответственности в области защиты чести, достоинства и деловой репутации: вопросы квалификации // Право и образование. 2009. № 9. С. 167-174.

¹⁴ Роль и значение молодежи в структуре гражданского общества / З.А. Зумакулова [и др.] // Вопросы экономики и права. 2015. № 1. С. 21-25.

Поступила в редакцию 05.12.2016 г.

НЕВИНОВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

© 2017 Хавжокова Маргарита Мухамедовна

© 2017 Хавжокова Залина Борисовна

кандидат юридических наук, доцент

© 2017 Бейтуганова Залина Хажмуратовна

© 2017 Зумакулова Зарема Ахматовна

кандидат юридических наук, доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

E-mail: mkhavzhokova@mail.ru, rado10101@rambler.ru, beituganova7890@gmail.ru,

musukova_malika@mail.ru

Анализируются случаи неправомерного причинения вреда жизни и здоровью пациента при медицинском вмешательстве. Особое внимание уделяется проблеме правильного понимания термина “врачебная ошибка”.

Ключевые слова: врач, пациент, жизнь, здоровье, причинение вреда, медицинский казус, врачебная ошибка.

Как показывает медицинская практика, даже самое незначительное отступление от правил и методики лечения нередко приводит к крайне тяжелым последствиям для здоровья и жизни пациента. Правильная медицинская и юридическая оценка таких неблагоприятных последствий представляет исключительные трудности, так как медицинская деятельность лишь в незначительной мере поддается регламентации специальными правилами и инструкциями, которые просто не в силах отразить всего многообразия медицинского вмешательства, тем более применительно к особенностям индивидуального течения заболевания каждого больного.

Все медицинские действия, связанные с неблагоприятным исходом для жизни и здоровья пациента, традиционно подразделяются на наказуемые (неосторожные и умышленные преступления) и ненаказуемые (врачебные ошибки и несчастные случаи) деяния.

Термин “врачебная ошибка” по существу является медицинским. Попытка введения данного понятия в сферу правовой регламентации предпринимается многими авторами, однако осуществляется не всегда удачно.

Одним из первых проблемой врачебных ошибок занялся Ю.С. Зальмуни. Суть ошибок он видел в неправильных действиях при наличии добросовестного отношения врача к своим обязанностям. “В отличие от ошибок, - отмечает автор, -

наказуемые упущения врача являются результатом его недобросовестного, непродуманного легкомысленного поведения. Иными словами, первые - это ошибки добросовестные и допустимые, вторые - недобросовестные и недопустимые”¹. Как мы можем видеть, Ю.С. Зальмуни отождествляет различные по содержанию понятия в рамках одного термина - врачебная ошибка - и трактует последний в узком и широком смысле².

Такая позиция с точки зрения грамматического толкования является, несомненно, обоснованной. Согласно толковому словарю под ошибкой понимается “неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность”. Под такое определение подпадают и врачебные преступления, и так называемые “врачебные ошибки”. Но, помимо данных понятий, ошибкой можно назвать и несчастные случаи, так как правильно примененные правила медицины в конкретном случае оказываются несоответствующими объективным закономерностям человеческого организма, т.е. являются объективно ошибочными. Это утверждение в корне противоречит данному Ю.С. Зальмуниному определению, согласно которому ошибкой могут признаваться только упущения врача (добросовестные и недобросовестные)³.

О спорном характере высказанной позиции свидетельствует также тот факт, что введением в правовую сферу нового понятия - “ошибка врача” - недопустимо заменять им традиционные

уголовно-правовые категории, а именно: “преступление” и “невиновное причинение вреда”.

Многие исследователи, напротив, настаивают на недопустимости расширенного толкования “врачебная ошибка”, категорически возражая против отнесения к ней иных неправильных действий, не связанных с добросовестным заблуждением врача. В частности, И.Ф. Огарков отмечает, что “под врачебной ошибкой должно подразумеваться только добросовестное заблуждение врача, когда допущенные им промахи возникли при добросовестном отношении к своим обязанностям”⁴.

На основании всего вышеизложенного закономерным видится следующий вопрос: какое (широкое или узкое) определение врачебной ошибки предпочесть и стоит ли вообще развивать их конкуренцию? Ответ на него заставляет обратиться не столько к медицинским категориям, сколько к юридическим.

Как известно, ст. 28 УК РФ регламентирует вопрос невиновного причинения вреда. Согласно закону деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее:

- не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия);
- либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было и не могло их предвидеть;
- либо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Последнее из обстоятельств некоторые авторы называют психиказусом. Они аргументируют свою позицию тем, что “употребление термина “казус” для невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию не оправдано, так как есть существенные отличия между невиновным причинением вреда, определенным в ч. 1. ст. 28 УК РФ, и невиновным причинением вреда, определенным в ч. 2 ст. 28 УК РФ”⁵.

Думается, каждое из представленных выше обстоятельств применительно к медицинским действиям, связанным с неблагоприятным исходом для жизни и здоровья пациента, образует врачебную ошибку в ее узком понимании. На основании данного обстоятельства можно предположить, что

нет смысла в поиске приоритета правовых категорий перед медицинскими, а также в дополнении категориального правового аппарата неоднозначными терминами, такими как “врачебная ошибка”, если в самом уголовном законодательстве содержится институт невиновного причинения вреда, который в полной мере охватывает все случаи добросовестных медицинских упущений.

Очевидно, что право не должно оперировать неизвестными ему категориями, особенно при наличии собственных понятий, их заменяющих. Отсюда действия медицинских работников, не соответствующие требованиям медицины и причинившие вред жизни и здоровью пациента, в уголовном праве являются не чем иным, как случаями невиновного причинения вреда (казуса) при отсутствии вины со стороны врача. Для простоты и ясности дальнейшего изложения предлагаем называть их “медицинский казус”. Как показывает практика, при правовой оценке врачебных упущений наибольшие сложности вызывает проблема разграничения преступных действий и медицинского казуса.

Ю.П. Эдель относит к медицинскому казусу небрежность, несовершенство медицины и неопытность хирурга⁶. Таким образом, в суждениях Ю.П. Эделя понятию “небрежность” отводится та же роль, что и понятиям “несовершенство медицины”, “неопытность хирурга” и т.д. Однако известно, что небрежность - одна из форм вины, свидетельствующая о нарушении обязанности и неиспользовании возможности предвидения лицом последствий своих действий, т.е. “понятие собирательное, формирующееся как результат оценки тех или иных поступков”, а несовершенство медицины, недостаток опыта и знаний, невежество врача и т.д. - причины, обусловившие то или иное действие, которое само по себе еще нуждается в оценке для признания его уважительным, для суждения о характере психического отношения лица, о наличии или отсутствии его вины. Эту непоследовательность своей позиции Ю.П. Эдель пытается устранить, делая следующую оговорку: “Термин “небрежность” мы применяем не как юридическое понятие, обозначающее одну из форм неосторожной вины. В группе случаев неправильного врачевания по небрежности мы отнесли случаи неправильного лечения или диагностирования, которые возникли вследствие нерадивости врача, несерьезного и безответственного отношения к своему долгу и без-

душного отношения к больному”⁷⁷. О том, какая путаница происходит в результате приведения к одному знаменателю разнозначных понятий, можно судить и по другому высказыванию Ю.П. Эделя: “Все, что возникло в результате небрежности,- пишет автор, - и даже добросовестное заблуждение врача, основанное на явном невежестве, не может быть признано врачебной ошибкой и является врачебным преступлением”⁷⁸. Выходит, что не только ненаказуемая врачебная ошибка является добросовестным заблуждением, но и преступление может быть совершено при наличии добросовестного отношения к своим обязанностям, т. е. при отсутствии небрежности и при отсутствии, соответственно, вины.

Одни авторы полагают, что неопытность врача является уголовно значимым основанием для признания его действий медицинским казусом. Другие, напротив, определяют неопытность как признак врачебного преступления. Прежде чем присоединиться к той или иной точке зрения, следует разрешить принципиальный вопрос: “Является ли установление факта неопытности врача и его низкой квалификации достаточным и допустимым основанием для правовой оценки совершенного им деяния?”⁷⁹.

По нашему мнению, применительно к лицам, осуществляющим свою профессиональную деятельность, владение определенным комплексом знаний является не правом, а обязанностью. Именно такой подход к медицинской деятельности может предполагать определенные гарантии безопасности жизни и здоровья пациентов.

Для признания действий медицинских работников казусом недостаточно констатировать факт незнания требуемых методик и низкой квалификации. Как справедливо отмечает Ф.Ю. Бердичевский, “необходимо выяснять, во-первых, входило ли знание этих положений в юридическую обязанность лиц. И если входило, то, во-вторых, можно ли несоблюдение такой обязанности рассматривать как исключительный случай, происшедший по не зависящим от специалиста обстоятельствам”¹⁰. Автор приводит следующий интересный пример судебной практики: “Материалами дела о смерти в роддоме Я. было установлено, что при начавшейся у Я. родовой деятельности акушерка Д. не установила поперечного положения плода, что врач-акушер А., не распознав неполного разрыва матки, избрала противопоказанный при этом способ оперативного вме-

шательства и вместо чревосечения приступила к извлечению плода через родовые пути, в результате чего произошел полный разрыв матки и от кровотечения Я. скончалась. Согласно заключению экспертизы “неправильные действия врача А. должны быть объяснены недостаточно внимательным и тщательным обследованием ею роженицы, а также недостаточно высокой квалификацией А. как акушера-гинеколога”¹¹.

Из фабулы дела можно заключить, что действия Д. являются не чем иным, как медицинским казусом. Д., будучи акушеркой, не обязана была обладать знаниями врача, а потому не обязана была диагностировать патологию беременности у Я. Ее незнание извинительно, а действия не носят преступного характера. Напротив, исключительно преступный характер имеют действия врача-акушера А.

Таким образом, можно утверждать, что незнание и низкая квалификация врача не являются основаниями для признания его профессиональных упущений медицинским казусом. Скорее, напротив: если недостающий медицинскому работнику объем знаний входил в его юридическую обязанность, то осуществленные им действия, повлекшие причинение вреда жизни и здоровью пациента, должны признаваться преступными.

В медицинской литературе существует множество классификаций врачебных ошибок.

Так, в зависимости от того, в какой сфере или на каком этапе оказания медицинской помощи они были допущены, выделяются¹²: диагностические, лечебно-тактические, лечебно-технические и организационные.

Несмотря на кажущееся разнообразие, предложенные выше классификации по своей сути одинаковы и основываются на характере медицинской деятельности. Именно поэтому при анализе медицинских казусов может использоваться любая из них. Методологически более обоснованным является, на наш взгляд, объединение различных видов казуса в два больших блока:

- диагностические казусы;
- казусы лечения.

Диагностические казусы являются наиболее распространенными. Объективными условиями их возникновения выступают следующие факторы¹³:

- скрытое (атипичное) течение заболевания;
- действия и состояния самого больного (например, отказ от госпитализации, от прохождения обследования, алкогольное или наркотичес-

кое опьянение при повреждениях черепа, когда существенно затрудняется неврологическое обследование пациента);

- несовершенство применяемых методов исследования, отсутствие необходимой диагностической аппаратуры и др.

Многие авторы в числе объективных предпосылок диагностических казусов называют недостаточную подготовку и опыт врача. Они аргументируют свою позицию тем, что “медицина является не только точной наукой, но она, вместе с тем, - искусство. От этого искусства, от знания, ума и чутья врача зависит очень многое, а так как врачи бывают людьми самых разнообразных дарований и опыта, то, конечно, очень и очень трудно установить рамки требований в каждом конкретном случае соприкосновения врача с больным”¹⁴.

Невиновное причинение вреда медицинским работником имеет место в случаях, когда он в силу недостаточного развития медицинской науки, особенностей протекания скрытых форм заболевания или иных обстоятельств не осознает общественной опасности медицинского вмешательства и не может ее осознавать либо, что еще более важно, не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, не должен и не может их предвидеть. Важным и ключевым в данном утверждении является фраза: “не должен предвидеть общественно опасные последствия”¹⁵.

Таким образом, причинение вреда жизни и здоровью пациента, явившееся следствием недостаточной для специалиста данного уровня и специализации подготовки, должно признаваться профессиональным преступлением, если в действиях медработника не содержится обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Причины казусов лечения во многом совпадают с причинами диагностических казусов, однако вместе с тем они обладают определенной спецификой. Неправильное лечение в большинстве случаев обусловлено неверным диагнозом, несовершенством методов лечения, а также техническими погрешностями при сложных операциях.

Рассмотрим наиболее типичные примеры казусов лечения.

Как показывает практика, недостаточно обоснованные лечебные мероприятия чаще наблюдаются у акушеров-гинекологов. При патологических родах, например, нередко оказываются

непоказанными наложение щипцов и операционный поворот на ножку. При мертвом плоде вместо положенной операции перфорации головки иногда производят операцию наложения щипцов¹⁶.

В хирургии чаще всего имеют место случайные надрезы или разрезы сосудов, нервов, мочеточников, а также случайный захват иглой соседних петель кишок, прорезывание и соскальзывание лигатур и другие технические погрешности.

Определенной спецификой обладают случаи невиновного причинения вреда, возникшие в силу несоответствия психофизиологических качеств медицинского работника требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Подобные ситуации было бы справедливо называть медицинскими психиказусами. Как правило, они имеют место в ситуациях, когда в процессе длительной сложной операции хирург вследствие усталости совершает ошибку, приводящую к гибели больного. Сюда же можно отнести случаи ненаходчивости врача в связи с овладевшей им во время оказания помощи растерянностью и даже острым страхом на почве непредвиденных осложнений (так называемый “операционный транс”)¹⁷.

Близко к медицинским казусам примыкают несчастные случаи. Однако если невиновные упущения в профессиональной медицинской деятельности достаточно освещены в медицинской и правовой литературе, то проблеме несчастных случаев уделяется крайне мало внимания. Более того, многие авторы вообще отождествляют эти понятия.

Данная точка зрения представляется нам неприемлемой хотя бы по тому основанию, что она полностью противоречит определению термина “случай”¹⁸. Как известно, под случаем традиционно понимаются события и явления, не зависящие от воли и сознания лица.

Применительно к медицинской деятельности несчастный случай можно обозначить как неблагоприятный исход медицинского вмешательства в результате случайного стечения обстоятельств.

К сожалению, в настоящее время в медицинской практике нет четких представлений о несчастном случае.

Как справедливо отмечает А.П. Альгин, “некоторые юристы и медики склонны придавать понятию “случай” довольно широкий смысл, усматривая в ряде неосторожных действий и врачебных ошибок, как причину их возникновения, стечение непредвиденных обстоятельств. Такое положение является, безусловно, недопустимым”¹⁹.

К несчастному случаю можно отнести ситуацию, когда при диагностической пункционной биопсии почки был поврежден сосуд, развилось массивное кровотечение и больной умер²⁰. При аутопсии установлено, что повредили аномальный сосуд, у миллионов людей расположенный совсем в другом месте или не встречающийся вообще, а процедура была выполнена по всем существующим правилам.

Между тем различия между несчастными случаями и врачебными ошибками можно провести на основе нескольких критериев.

Во-первых, медицинский казус является хотя и невиновным, но упущением во врачебной деятельности, браком в работе медицинского работника, а несчастный случай - это наступление неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пациента вследствие случайного стечения обстоятельств.

Во-вторых, если говорить об объективной стороне, деяния медицинских работников, которые надлежит квалифицировать как несчастный случай, означают отсутствие противоправности, т. е. врач или медсестра полностью соблюдали все правила проведения диагностики и лечения, но в силу непредвиденных обстоятельств неблагоприятные последствия все же наступили. Медицинский казус, напротив, предполагает несоблюдение или неполное соблюдение установленных требований при проведении медицинских процедур в силу объективных или субъективных причин. Он представляет собой действия или бездействие медперсонала, которые являются противоправными либо не соответствуют нормам профессиональной этики.

И наконец, в-третьих, медицинский казус и несчастный случай различаются тем, что первый может повлечь неблагоприятные последствия либо создать угрозу для их наступления, а второй всегда предполагает их наличие.

Подводя итог, отметим, что к случаям неправомерного причинения вреда целесообразно относить медицинский казус и несчастный случай. Употребляемое же в медицинской литературе понятие «врачебная ошибка» является противоречивым по содержанию и неприемлемым при оценке действий медицинского персонала, вызвавших неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациента.

¹ *Зальмунин Ю.С.* Врачебные ошибки и ответственность врачей (по материалам Ленинградской судебно-медицинской экспертизы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1950.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Огарков И.Ф.* Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Москва, 1966.

⁵ *Теслицкий И.В.* Невиновное причинение вреда по психофизиологическому основанию в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

⁶ *Эдель Ю.П.* Врачебные ошибки и ответственность врача (на судебно-медицинском материале) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1975.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Хавжокова З.Б.* Проблемы разграничения юридической ответственности в области защиты чести, достоинства и деловой репутации: вопросы квалификации // *Право и образование*. 2009. № 9. С. 167-174.

¹⁰ *Бердичевский Ф.Ю.* Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. Москва, 1970.

¹¹ *Хавжокова З.Б.* Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Московская академия экономики и права. Москва, 2009.

¹² См.: *Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А.* Защита нематериальных благ путем компенсации морального вреда // *Вопросы экономики и права*. 2014. № 5. С. 20-24; Состояние преступности несовершеннолетних на современном этапе по материалам Кабардино-Балкарской Республики / Ф.О. Шогенова [и др.] // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 10. С. 10-12.

¹³ Роль и значение молодежи в структуре гражданского общества / З.А. Зумакулова [и др.] // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 1. С. 21-25.

¹⁴ *Эштитейн Т.Д.* Правовое положение и судебная ответственность врачей. Казань, 2003.

¹⁵ К вопросу об опровержении сведений, умаляющих честь и достоинство гражданина / З.Б. Хавжокова [и др.] // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 5. С. 7-10.

¹⁶ Классификация юридических фактов в трудовом праве / З.Б. Хавжокова [и др.] // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 10. С. 7-9.

¹⁷ *Ногерова З.Э., Хавжокова З.Б.* Выплата вознаграждения автору при создании и дальнейшем использовании пародии на его произведение // *Научная дискуссия: вопросы юриспруденции*. 2015. № 9-10 (37). С. 31-36.

¹⁸ Вопросы формирования гражданского правосознания в современном обществе / И.А. Геляева [и др.] // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 1. С. 26-30.

¹⁹ *Альгин А.П.* Новаторство, инициатива, риск. Санкт-Петербург, 2004.

²⁰ *Брусиловский А.Е.* Медицинские ошибки по судебным делам. Харьков, 2005.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ ГРАЖДАНАМ

© 2017 Королёва Екатерина Юрьевна

Смоленский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
214030, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Нормандия-Неман, д. 21

E-mail: ekaterina_ket@list.ru

Одной из проблем, препятствующих качественному предоставлению жилищно-коммунальных услуг, являются недостатки законодательного регулирования данного процесса. В статье рассмотрены особенности взаимодействия поставщика и потребителя жилищно-коммунальных услуг в рамках договорных отношений. Указаны существующие недостатки нормативно-правового регулирования данного вида отношений.

Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги, потребитель, исполнитель, качество услуг.

В настоящее время в связи с неоконченностью процесса реформирования существуют проблемы в обеспечении граждан жилищно-коммунальными услугами (ЖКУ). Данные проблемы имеют экономический, социальный и правовой аспекты. Причиной возникновения одной из проблем является наличие недостатков правового регулирования вопросов предоставления потребителям ЖКУ. В данной статье мы рассмотрим особенности правового сопровождения процесса предоставления ЖКУ гражданам - физическим лицам.

В юридическом аспекте отношения по предоставлению гражданам ЖКУ построены на основе договорной модели. Сторонами договора выступают потребитель и исполнитель. Согласно Правилам предоставления коммунальных услуг¹ исполнитель - юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, предоставляющие потребителю коммунальные услуги, а потребитель - лицо, пользующееся на праве собственности или ином законном основании помещением в многоквартирном доме, жилым домом, домовладением, потребляющее коммунальные услуги. Поскольку чаще всего потребителями выступают жители многоквартирных домов (МКД), мы имеем дело с договором с множественностью лиц (со стороны потребителя). В роли исполнителя, согласно ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ), могут выступать: управляющая организация (УО), товарищество собственников жилья (ТСЖ) или сам собственник помещения². Кроме того, на практике в роли исполнителя может выступать жилищно-строи-

тельный кооператив (ЖСК) или застройщик, который сам создает ТСЖ для управления МКД.

Потребитель и исполнитель, по сути, должны заключать между собой договор о предоставлении ЖКУ. Но с учетом особенностей данного вида услуг и наличия конкретного способа управления МКД мы имеем дело с двумя видами договоров. Один из них (договор управления МКД) заключает собственник с управляющей организацией или ТСЖ. Договор управления многоквартирным домом может быть заключен собственниками помещений в МКД или органом управления товарищества собственников жилья, жилищного, жилищно-строительного или иного специализированного потребительского кооператива с управляющей организацией, выбранной в установленном жилищным законодательством РФ порядке для управления многоквартирным домом (п. 9 Правил). При этом управляющая организация не вправе отказаться от внесения в заключаемый с ней договор управления многоквартирным домом условий о предоставлении коммунальных услуг того вида, оказание которых возможно с учетом степени благоустройства многоквартирного дома, а равно не вправе отказать в предоставлении таких коммунальных услуг³.

Другой договор (договор о предоставлении ЖКУ) заключает управляющая организация (УО) /ТСЖ с ресурсоснабжающей организацией (РСО). Договор о предоставлении коммунальных услуг заключает РСО с товариществом или кооперативом с собственниками жилых помещений в многоквартирном доме, в котором создано товарищество или кооператив (п. 9 Правил). При этом товарищество или кооператив не вправе отказать соб-

ственнику помещения в многоквартирном доме как являющемуся, так и не являющемуся его членом в заключении договора о предоставлении коммунальных услуг того вида, оказание которых возможно с учетом степени благоустройства многоквартирного дома, а равно не вправе отказать в предоставлении таких коммунальных услуг⁴.

Если в качестве способа управления домом выбрано непосредственное управление, то собственники заключают договор на поставку коммунальных услуг непосредственно с РСО (п. 17 Правил).

Согласно условиям договора управления МКД исполнитель обязуется предоставлять потребителю все виды ЖКУ в соответствии с установленными ГОСТами показателями качества, а потребитель, в свою очередь, обязуется принять и оплатить данный вид услуг в полном объеме.

Договор о предоставлении коммунальных услуг заключает исполнитель с соответствующими РСО. Согласно условиям данного договора РСО обязуется предоставлять исполнителю коммунальные услуги в установленных договором объемах в строго определенное время, а исполнитель обязуется принимать и оплачивать данный вид услуг. Причем коммунальные услуги должны соответствовать установленным показателям качества.

Следует отметить, что потребитель получает от исполнителя весь набор ЖКУ. При этом для поставки коммунальных услуг (отопление, горячая вода, электроэнергия, вода, газ) исполнитель заключает договоры с РСО. Услуги по обслуживанию жилищного фонда (содержание мест общего пользования, текущий ремонт, вывоз мусора, обслуживание лифта) исполнитель оказывает либо собственными силами, либо заключает договор с организациями, предоставляющими такие услуги. В случае непосредственного управления собственники заключают подобные договоры как с РСО, так и с обслуживающими организациями самостоятельно, без посредников.

В настоящее время на практике существует и такая схема, согласно которой МКД управляет ТСЖ или товариществом общественного самоуправления (ТОС), а договоры на обслуживание дома заключают с управляющей организацией, поскольку ТСЖ или ТОС не имеют возможности оказывать такие услуги и не всегда существуют организации, специализирующиеся на предоставлении подобных услуг.

Поскольку договор на управление МКД, предполагающий получение потребителем всего набора ЖКУ, по сути сходен с договором возмездного предоставления услуг, потребитель имеет право на получение услуг надлежащего качества, в определенных объемах в строго установленное время. Соответственно, исполнитель обязан эти услуги предоставить. В то же время потребитель обязуется оплатить данные услуги в полном объеме, если ему оказана услуга надлежащего качества: коммунальные услуги соответствуют требованиям ГОСТов (см. Национальный стандарт. Услуги ЖКХ), а обслуживание МКД осуществляют в соответствии с Правилами технической эксплуатации⁵.

Правилами предоставления коммунальных услуг (гл. X) установлен порядок действий потребителя и исполнителя в случае предоставления коммунальных услуг (КУ) ненадлежащего качества. Потребитель, который контролирует качество потребляемой услуги, в случае возникновения проблемы с поставкой КУ (повреждение инженерных сетей, авария, отклонения в температуре, давлении, отсутствие ресурса) обязан сообщить об этом в аварийно-диспетчерскую службу исполнителя. Исполнитель фиксирует данный факт в соответствующем журнале и принимает меры по устранению возникшей проблемы. О результатах осуществления данных мер и о возобновлении поставки КУ он обязан сообщить потребителю. Правилами установлено нормативное время, на которое может быть приостановлена подача коммунального ресурса без пересчета его стоимости. Если период отсутствия ресурса превышает нормативно установленное время, то исполнитель обязан произвести пересчет стоимости предоставленных услуг. В данном случае ответственность за уведомление исполнителя о некачественном предоставлении услуг лежит на потребителе. Если соответствующий сигнал не поступил, то исполнитель не имеет возможности своевременно отреагировать на возникшую ситуацию. Следует отметить, что существует граница раздела элементов внутридомовых инженерных систем и централизованных сетей инженерно-технического обеспечения. Ответственность за состояние внутридомовых инженерных систем лежит на исполнителе, а за состояние централизованных сетей - на РСО. В первом случае убыток от некачественного оказания КУ несет исполнитель, а во втором - РСО. Но потребите-

лю, в любом случае, должен быть произведен перерасчет стоимости КУ.

В случае неполной и несвоевременной оплаты потребителем КУ (в течение 2 месяцев - п. 118 гл. XI Правил) исполнитель имеет право прекратить предоставление КУ. Исполнитель обязан опломбировать механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в многоквартирном доме за пределами или внутри помещения, которым пользуется потребитель-должник, и связанное с предоставлением ему коммунальных услуг.

Однако приостановление или ограничение предоставления коммунальных услуг не является расторжением договора, содержащего положения о предоставлении коммунальных услуг.

В п. 121 Правил сказано, что ограничение или приостановление исполнителем предоставления коммунальной услуги, которое может привести к нарушению прав на получение КУ надлежащего качества потребителем, полностью выполняющим обязательства, установленные законодательством РФ и договором, содержащим положения о предоставлении коммунальных услуг, не допускается за исключением случаев, указанных в Правилах предоставления коммунальных услуг (подп. а, б, д п. 115 и подп. б п. 117).

На практике чаще всего отсутствует техническая возможность отключения недобросовестного потребителя от внутридомовых инженерных систем, что делает данную норму законодательства неисполнимой.

Хотелось бы обратить внимание на то, что действующим законодательством довольно подробно урегулированы вопросы предоставления КУ со стороны исполнителя. Но потребитель приобретает также услуги по обслуживанию МКД от исполнителя либо непосредственно от соответствующей организации. Требования к качеству данных услуг установлены Правилами технической эксплуатации жилищного фонда. Но расчет размера платы за данный вид услуг исполнитель осуществляет самостоятельно и затем согласовывает величину тарифа с потребителем. Цену услуги устанавливают по соглашению сторон. Но потребителю не всегда понятен механизм расчета величины платы за данный вид услуг. Если обратиться к конкретным примерам, то в Сафоновском городском поселении Смоленской области управляющие организации выбирают способ расчета платы за оказанные услуги самостоя-

тельно, причем у каждой УО он свой. Одна из УО устанавливает размер платы за содержание лифта в зависимости от площади квартиры собственника. Причем плату вносят все собственники МКД, даже те, которые не пользуются данной услугой. Плата за вывоз твердых бытовых отходов (ТБО) также установлена в зависимости от площади квартиры. Договорный порядок урегулирования разногласий между УО и собственниками практически не действует, так как УО устанавливает плату в одностороннем порядке.

Следует также отметить, что законодательством установлен лишь порядок расчета платы за наем жилого помещения, но не по видам конкретных услуг. Для определения стоимости конкретной услуги установлен договорный порядок. Чтобы сделать более понятным для потребителя порядок установления стоимости услуги, необходимо предварительно утверждать ее величину на общем собрании собственников МКД, где у потребителей будет возможность получить ответ на неясные вопросы и урегулировать существующие разногласия. Обращаясь к приведенным выше примерам, рациональнее устанавливать плату за содержания лифта тем потребителям, которые действительно пользуются данной услугой. Размер платы устанавливать в зависимости от количества человек, проживающих в квартире. Плату за вывоз ТБО логичнее определять также в зависимости от количества человек, проживающих в квартире.

В нормативном правовом акте (НПА) не полностью урегулирован вопрос о порядке сбора средств на проведение капитального ремонта МКД. В п. 37 Правил содержания общего имущества МКД⁶ установлено, что при принятии общим собранием собственников помещений решения об оплате расходов на проведение капитального ремонта многоквартирного дома в соответствии со ст. 158 Жилищного кодекса РФ размер платы за проведение капитального ремонта определяется с учетом предложений управляющей организации о сроке начала капитального ремонта, необходимом объеме работ, стоимости материалов, порядке финансирования ремонта, сроках возмещения расходов и других предложений, связанных с условиями проведения капитального ремонта. В п. 38 этих же Правил указано, что при управлении многоквартирным домом управляющей организацией собственники помещений, находящихся в государственной или муниципальной

собственности, в соответствии с ч. 4 ст. 155 Жилищного кодекса РФ несут расходы на содержание и ремонт общего имущества с учетом внесения платы за содержание и ремонт жилого помещения нанимателями жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда.

Согласно гл. 2 Методических указаний по расчету ставок платы за наем и капитальный ремонт⁷ отчисления на капитальный ремонт включают в ставку платы за содержание и ремонт жилья (техническое обслуживание), которую вносят ежемесячно. При этом нет возможности выделить из общей суммы средства на капитальный ремонт. Причем плата за наем дифференцирована в зависимости от потребительских качеств жилья.

Капитальный ремонт, согласно п. 21, проводится по решению общего собрания собственников, которые также оплачивают расходы на проведение ремонта. При этом предварительно должен быть организован сбор средств в необходимом объеме. Как ТСЖ, так и управляющая организация имеет право создавать фонд для осуществления капитального ремонта и затем проводить его по решению собственников. В настоящее время в городском округе “Город Смоленск”, например, проведение капитального ремонта МКД находится под контролем органов исполнительной власти. Для сбора средств на осуществление ремонта создана некоммерческая организация. При этом предполагается, что сбор средств и капитальный ремонт МКД будут осуществляться централизованно в масштабах всего города.

Для обеспечения прозрачности расходования средств на капитальный ремонт лучшим вариантом послужит формирование соответствующих фондов при ТСЖ или управляющей организации. В данном случае собственникам будет понятно, что собранные средства будут потрачены конкретно на ремонт их МКД, причем организовать проведение ремонта они могут в любое время.

Порядок начисления сумм на общедомовые нужды (ОДН) также вызывает много вопросов у потребителей. Несмотря на то, что в Правилах предоставления коммунальных услуг гражданам содержится порядок расчета ОДН, потребителям не всегда понятны указанные в квитанциях значения. Принятое в 2017 г. Постановление Правительства РФ № 1498 “О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме” от 26 де-

кабря 2016 г. урегулировало вопросы расчета нормативов потребления коммунальных ресурсов на общедомовые нужды⁸.

Таким образом, в данной статье нами рассмотрены проблемы обеспечения прав потребителей на получение соответствующих установленным требованиям качества ЖКУ, возникающие из-за недостаточно полного правового регулирования порядка предоставления ЖКУ. Устранение существующих недостатков обеспечит потребителям возможность разрешения проблемных вопросов и защиты своих нарушенных прав.

¹ О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям жилых помещений в многоквартирных домах и жилых домов (вместе с Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов): постановление Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 // Российская газета. 2011. 1 июня (№ 116).

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ : [ред. от 28 дек. 2016 г.] : [с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2017 г.] // Российская газета. 2005. 12 янв. (№ 1).

³ О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям жилых помещений в многоквартирных домах и жилых домов...

⁴ Там же.

⁵ Услуги жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами. Коммунальные услуги. Общие требования : ГОСТ Р 51617-2014. Национальный стандарт Российской Федерации : [утв. Приказом Росстандарта от 11 июня 2014 г. № 544-ст]. Документ опубликован не был.

⁶ Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность : постановление Правительства РФ от 13 авг. 2006 г. № 491 // Собр. законодательства РФ. 2006. 21 авг. (№ 34). Ст. 3680.

⁷ Об утверждении “Методических указаний по расчету ставок платы за наем и отчислений на капитальный ремонт жилых помещений, включаемых в ставку платы за содержание и ремонт жилья (техническое обслуживание), муниципального государственного жилищного фонда” : приказ Минстроя РФ от 2 дек. 1996 г. № 17-152. Документ опубликован не был.

⁸ О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме : постановление Правительства РФ от 26 дек. 2016 г. № 1498 // Российская газета. 2017. 13 янв. (№ 6).

КРИТЕРИИ ПРИМЕНИМОСТИ КОНВЕНЦИИ УНИДРУА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ФАКТОРИНГОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ

© 2017 Масаев Магомед Усманович

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

E-mail: masaevml@rambler.ru

Рассматриваются вопросы, связанные с критериями применимости Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям к конкретным факторинговым контрактам.

Ключевые слова: факторинг, Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям, финансирование под уступку денежного требования.

С присоединением¹ Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям (далее - Конвенция о факторинге)² для национального правопорядка и правоприменительной практики стали актуальными вопросы, связанные с критериями применимости указанной конвенции, тем более что в официальном переводе есть некоторые особенности, о которых пойдет речь далее.

Значение данной Конвенции для развития факторинговой деятельности сложно переоценить, несмотря на неоднозначность позиций, высказанных в правоприменительной практике в отношении нее ранее. Так, в период³, когда Конвенция о факторинге не являлась обязательной в отношении России, в национальном судебном сообществе действовал обоснованный и единообразный подход, согласно которому вышеуказанная конвенция обязательной силы на территории Российской Федерации не имела⁴, и по большей части суды игнорировали возможность ссылок на нее сторон - участников судебного разбирательства. Однако в практике судов встречались и иные позиции в отношении Конвенции. В частности, при рассмотрении вопросов, связанных с факторингом, арбитражный апелляционный суд констатировал следующее. В российском законодательстве отсутствуют нормы права, регулирующие последствия изменения договора цедентом и должником после направления должнику уведомления об уступке права требования. Однако из системного толкования норм права следует, что изменения, внесенные в договор после получения должником уведомления, не будут иметь юридической силы в отношении цессионария, если он не даст на эти изменения своего согласия. По мнению суда, рассматривавшего дело, именно

такой подход был закреплен в Конвенции о международном факторинге, и, несмотря на то, что Россия ранее не являлась участницей данной Конвенции, для целей толкования норм права закрепленные в ней подходы могли быть приняты, что в данном случае обоснованно и сделал арбитражный апелляционный суд⁵.

С учетом изложенного целесообразно рассмотреть вопросы о вступлении в силу изменений, внесенных данной Конвенцией. По общему правилу федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении 10 дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу⁶. Федеральный закон № 86-ФЗ о присоединении Российской Федерации к Конвенции был опубликован на официальном интернет-портале правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>) 5 мая 2014 г. и, так как иной порядок вступления его в силу не предусматривался, он стал обязательным с 16 мая 2014 г. Конвенция вступила в силу с 1 мая 1995 г.⁷ по правилам ее ч. 1 ст. 14 (в первый день месяца, следующего за истечением шестимесячного периода после сдачи на хранение депозитарию третьего по счету документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении к Конвенции). В отношении Российской Федерации, согласно ч. 2 ст. 14 Конвенции о факторинге (содержащей аналогичные правила о вступлении в силу в отношении государств-участников, присоединившихся к Конвенции после вступления в силу непосредственно самой Конвенции), она стала обязательной с 1 марта 2015 г.

Согласно ч. 1 ст. 4 Конвенции о факторинге при ее толковании должны приниматься во внимание ее предмет и цели, сформулированные в преамбуле, ее международный характер и необходимость развивать единообразие в ее применении, а также соблюдение принципа добросовестности в международной торговле. Конвенция о факторинге применяется в случаях, когда: основанием для возникновения уступленных прав служит основной договор, заключенный между поставщиком и его должником, являющимися резидентами различных государств - участников названной Конвенции, если государство, в котором находится фактор, также является ее участником, либо если и основной договор, и договор факторинга регулируется правом государства - участника Конвенции о факторинге. Таким образом, основополагающими критериями разграничения в сфере применения Конвенции о факторинге и национального права выступают: во-первых, международный характер самой уступаемой задолженности, во-вторых, факт принадлежности основного договора и договора факторинга праву одного из договаривающихся государств - участников Конвенции⁸.

Стоит обратить внимание на то, что в оригинальном тексте Конвенции о факторинге для определения международного характера сделки используется привязка "places of business", из чего следует, что местонахождения коммерческих предприятий - участников такой сделки должны быть в различных государствах⁹. В официальном же русском переводе текста Конвенции о факторинге законодателем был использован налоговый термин "резидент" для определения международного характера таких сделок, который отсылает для установления его содержания к налоговому праву Российской Федерации.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации¹⁰ международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Аналогичное правило содержится также в ст. 7 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)¹¹. Применительно к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, указанное означает, что, если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, это исключает возможность определения на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегули-

рованным такими материально-правовыми нормами¹².

Следовательно, при толковании и определении того, подпадает ли факторинговый контракт под действие названной Конвенции, следует руководствоваться соответствующими положениями налогового права Российской Федерации. Данный подход отвечает, в частности, положениям ст. 1187, 1191 ГК РФ, ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹³. Вместе с тем на территории других государств возможно иное установление содержания данного термина, так как из оригинального текста Конвенции не следует, что международный характер соответствующих сделок на ее основе раскрывается именно через резидентство лица.

Кроме того, нужно учитывать, что в соответствии с п. 1 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ)¹⁴ институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в НК РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено названным кодексом. Во-первых, такие понятия совпадают далеко не всегда, а во-вторых, по смыслу ст. 7 НК РФ за отсутствием международных договоров по вопросам налогообложения оснований для применения налогового права в ином порядке или значении, чем это предусмотрено НК РФ, не имеется. При этом различия налогового права не в последнюю очередь связаны с тем, что налоговые последствия влекут не сами гражданско-правовые сделки, а совершаемые в их исполнение финансово-хозяйственные операции (налогозначимые факты)¹⁵, отражаемые в бухгалтерском учете. Следовательно, процесс налогообложения, с которым тесно связано понятие "резидент", ориентировано на формируемый финансовый результат, возникающий из совокупности финансово-хозяйственных операций, совершенных в соответствующем отчетном периоде¹⁶.

Основной целью коллизионного регулирования (определения права, применимого к обязательствам участников соответствующих отношений) является обеспечение правовой определенности и предсказуемости с тем, чтобы не допустить постоянных изменений на протяжении исполнения обязательств помимо воли самих сторон таких обязательств, например, на конкретный момент времени в зависимости от того, какие из них остаются неисполненными¹⁷. Вследствие этого возникает вопрос, насколько

с точки зрения права и правовой определенности было обоснованным обращение законодателя к налоговой терминологии при принятии Конвенции о факторинге, которая отсылает для разрешения вопросов частного характера и интереса к нетипичным для международного частного права понятиям, относящимся к сугубо публичным отраслям права. Данный вопрос представляется логичным с учетом того, что имеются устоявшиеся, более понятные и предсказуемые подходы в определении местонахождения и компетентного правопорядка, которому подчиняется то или иное иностранное лицо на основании, например, личного закона юридического лица.

Важность установления юридического статуса участника обусловлена не формальными требованиями, а необходимостью решения конкретных вопросов, например, установления правоспособности и дееспособности (определенных ее элементов) соответствующего субъекта. Согласно п. 2 ст. 1202 ГК РФ на основе личного закона юридического лица устанавливается информация о существовании конкретного юридического лица в соответствующей юрисдикции, о его организационно-правовой форме, его правоспособности, в том числе вопрос о том, кто от имени юридического лица обладает полномочиями на приобретение гражданских прав и принятие на себя гражданских обязанностей и др.¹⁸ По общему правилу личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено такое юридическое лицо. Информация по вопросам о том, где было учреждено лицо, устанавливается в случае спора на основе официальных документов, исходящих от государственных властей государства национальности юридического лица. Согласно п. 30 Постановления Пленума ВАС РФ № 8¹⁹ юридический статус иностранного юридического лица подтверждается, как правило, выпиской из торгового реестра страны происхождения. Юридический статус иностранных лиц может подтверждаться и иными эквивалентными доказательствами, признаваемыми в качестве таковых законодательством страны учреждения иностранного лица.

Вместе с тем из существующей судебной практики не следует однозначного вывода о возможности использования документов об инкорпорации в качестве подтверждающих постоянное местонахождение иностранного лица, контрагента²⁰. Следовательно, можно сделать вывод и о том, что использование документов об инкорпорации, ссылка на факт учреждения в иностранном государстве также не будет являться самостоятельным обоснованием для

оправдания возможности применения Конвенции о факторинге с учетом ее официального перевода. Из судебной практики по налоговым спорам следует, что для подтверждения факта резидентства необходимо представлять именно документы о резидентстве, как правило, это всевозможные сертификаты, справки и т.п.²¹, для чего нужно проходить через те или иные процедуры²². При этом сами по себе вопросы о резидентстве могут быть предметом судебного разбирательства. Возможны ситуации, когда имеются конкурирующие друг другу документы о резидентстве, сами по себе подходы, которые складываются в рамках практики по налоговым спорам, могут судами не применяться при разрешении споров, связанных с Конвенцией о факторинге. Данные факторы в целом отрицательно влияют на стабильность оборота и не способствуют разрешению коллизионных вопросов, возникающих в связи с данной Конвенцией.

Анализируя вопрос о том, что имелось в виду и к чему хотел прийти законодатель при присоединении к Конвенции с изменением ее формулировок в рамках официального перевода, автор приходит к следующему. Для ответа на данный вопрос необходимо понять, каким образом раскрывается содержание оригинального текста Конвенции, использующего термин “коммерческое предприятие” и его значение. В доктрине высказывалось мнение, согласно которому данный термин “коммерческое предприятие” сложился в рамках международного договорного права²³, в том числе он используется Конвенцией Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (далее - Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров)²⁴, участником которой является и Российская Федерация²⁵. Сам термин неоднозначен, поскольку его содержание может раскрываться как с субъективной точки зрения, так и с объективной, а споры о том, какого подхода следует придерживаться, не утихают в доктрине до сих пор²⁶.

В свою очередь, правоприменительная практика ориентирует следующим образом. Исходя из смысла ст. 1 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров договор купли-продажи может считаться международным, если коммерческие предприятия контрагентов располагаются в различных государствах. Соответственно, если коммерческие предприятия сторон договора купли-продажи расположены в одном и том же государстве, такой договор не признается международным и не подпадает под сферу действия Конвенции. При

этом термин “коммерческое предприятие” в Конвенции подразумевает постоянное место осуществления деловых операций и коммерческим предприятием может являться место нахождения главной конторы юридического лица, а также его представительства, филиала. Если место деятельности представительства филиала продавца или покупателя тесно связано с договором купли-продажи и его исполнением, именно их следует рассматривать как коммерческое предприятие для целей ст. 1 Конвенции²⁷.

В другом случае²⁸ арбитражный суд подчеркнул, что, поскольку истец и ответчик были зарегистрированы на территории разных государств, а товары по контрактам подлежали перемещению через таможенную границу Российской Федерации, деятельность таких лиц является внешнеэкономической, а сами контракты - внешнеэкономическими сделками. Вследствие этого суд пришел к выводам о том, что участники данного спора выступали в качестве субъектов международной торговли, они заключили контракт, который по своей природе является договором международной купли-продажи. Одновременно данные лица стали участниками публичных правоотношений (объектом “дополнительного внимания” со стороны государства), которые регулируются таможенным законодательством, законодательством о валюте и валютном контроле и иным публичным законодательством. Примечательно и то, что в данном случае суд, характеризуя стороны в качестве субъектов международной торговли, разъяснил, что они несут ответственность за поддержание не только своей деловой репутации, но и репутации государства, как субъекта международных отношений, т.е. представляют в какой-то мере государство своего происхождения в трансграничном обороте.

Следовательно, для вывода о применимости Конвенции о факторинге определяющее значение, как представляется, и в ее оригинальном (привязка к “коммерческим предприятиям”), и в ее официальном (привязка к “резидентству”) значении имеет именно трансграничный характер внешнеэкономической сделки, что свидетельствует о предъявлении дополнительных повышенных требований к участникам такой сделки, а равно к самой сделке и составляющим ее элементам. Внешнеэкономические сделки²⁹ - это, в первую очередь, те сделки, которые подпадают под действие Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ “Об основах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности”³⁰.

Данный вывод, как представляется, также подтверждается практикой разрешения налоговых спо-

ров, связанных с соглашениями об избежании двойного налогообложения, в рамках которых для разрешения возникающих коллизий используется такой термин, как “постоянное представительство”. Как правило, под “постоянным представительством” понимается место (коммерческой) деятельности, через которое лицо с постоянным местопребыванием в одном договариваемом государстве, являющееся или не являющееся юридическим лицом, осуществляет коммерческую деятельность в другом таком же государстве³¹. Данный термин обычно подразумевает: 1) место управления; 2) отделение; 3) контору; 4) фабрику; 5) мастерскую; 6) шахту, нефтяную или газовую скважину, карьер или любое другое место добычи природных ресурсов; 7) строительную, монтажную или сборочную площадку и много чего еще, если такое размещение или представительство не связано с выполнением сугубо технических, вспомогательных и иных подобных функций.

Вместе с тем для квалификации коммерческой деятельности как деятельности через постоянное представительство не имеет значения факт регистрации, например, филиала или представительства компании в Российской Федерации³² либо за рубежом. Не имеет значения и то, является ли такая организация юридическим лицом в соответствии с компетентным правом³³, связано ли представительство с конкретным объектом прав в распоряжении такого лица. Важно, есть ли вообще некое иностранное лицо и его статистическое коммерческое представительство (фиксированное место деятельности), что в совокупности можно рассматривать как представительство внешнеэкономического субъекта³⁴. При этом, согласно той же Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, которой может подчиняться в иных случаях основной договор в рамках факторинговой трансграничной сделки, где также была использована привязка к “коммерческим предприятиям”, особенно отмечается, что ни национальная принадлежность сторон, ни их гражданский или торговый статус, ни гражданский или торговый характер договора не принимаются во внимание при определении ее применимости³⁵.

Наконец, в Конвенции о факторинге также приведены и темпоральные критерии, по условиям которых она применяется к требованиям по договорам факторинга, возникшим на основании основных договоров, заключенных на момент или после даты вступления в силу Конвенции, т.е. с 1 мая 1995 г., если договоры факторинга отвечают аналогичным требованиям по срокам их заключения³⁶. Кроме того, Кон-

венция о факторинге будет также имеет силу в отношении договоров факторинга, заключенных до указанной даты, если его стороны договорились о распространении обратной силы в отношении них, она будет считаться действительной - ею будет охватываться, соответственно, предшествующий период договорных отношений³⁷. Содержание данного конвенционного положения указывает на то, что наличие в таком договоре оговорки о применении условий заключенного договора к отношениям, возникшим до его заключения, не изменяет порядок определения момента, с которого сам договор считается заключенным³⁸. А с точки зрения национального права Российской Федерации это именно оговорка об обратном действии Конвенции о факторинге.

Необходимо отметить, что положениями Конвенции о факторинге не предусмотрено иных критериев, на основе которых разрешаются вопросы о возможности ее применения или неприменения к отношениям по факторингу и отнесения обязанностей на их участников по ее соблюдению.

¹ Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям : [заключена в г. Оттаве 28 мая 1988 г.] // Собр. законодательства РФ. 2015. 13 апр. (№ 15). Ст. 2198. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

² О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям : федер. закон № 86-ФЗ // Российская газета. 2014. 7 мая (№ 101). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс" (Далее - Федеральный закон № 86-ФЗ).

³ В период от даты открытия Конвенции о факторинге к подписанию и ее вступления в силу для Российской Федерации: с 28 мая 1988 г. по 1 марта 2015 г.

⁴ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 1 окт. 2013 г. по делу № 33-6273. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 мая 2014 г. № 15АП-7716/2014 по делу № А32-34442/2013. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁶ О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ : [ред. от 25 дек. 2012 г.]. Ст. 6 // Российская газета. 1994. 15 июня (№ 111). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁷ Прокофьев А. С. Факторинг: российское законодательство и Конвенция УНИДРУА // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 2.

⁸ Конвенция о факторинге. Решение МКАС при ТПП РФ от 9 авг. 2005 г. по делу № 152/2004. Ст. 2. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁹ URL: <http://www.unidroit.org/instruments/factoring>.

¹⁰ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.] : [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства РФ. 2014. 4 авг. (№ 31). Ст. 4398. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : [ред. от 3 июля 2016 г.] : [с изм. и доп., вступ. в силу с 2 окт. 2016 г.] // Собр. законодательства РФ. 1994. 5 дек. (№ 32). Ст. 3301. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ : [ред. от 3 июля 2016 г.] : [с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2016 г.]. Ч. 3, ст. 1186 // Парламентская газета. 2001. 28 нояб. (№ 224). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : [ред. от 22 нояб. 2016 г.] // Парламентская газета. 2002. 27 июля (№ 140-141). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : [ред. от 3 июля 2016 г.] : [с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2016 г.] // Российская газета. 1998. 6 авг. (№ 148-149). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс". (Далее - НК РФ).

¹⁵ О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве : постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 25 : [ред. от 6 июня 2014 г.]. П. 8 // Вестник ВАС РФ. 2006. Сентябрь (№ 9). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹⁶ Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений главы 30 Налогового кодекса Российской Федерации : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17 нояб. 2011 г. № 148. П. 9 // Вестник ВАС РФ. 2012. Январь (№ 1). Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹⁷ Решение МКАС при ТПП РФ от 13 марта 2014 г. по делу № 102/2013. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2016 г. № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

¹⁹ О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса : постановление Пленума ВАС РФ от 11 июня 1999 г. № 8. П. 30 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 8. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

²⁰ Определение ВАС РФ от 24 окт. 2012 г. № ВАС-13457/12 по делу № А32-30502/2010. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 мая 2016 г. № Ф08-3115/2016 по делу № А32-8522/2015. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²² О процедуре подтверждения статуса налогового резидента Российской Федерации : информационное сообщение ФНС РФ. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²³ Власова Н.В. Коллизионное регулирование добровольного представительства в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 8. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров : [заключена в г. Вене 11 апр. 1980 г.] // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁵ О Перечне действующих международных договоров, в исполнении которых участвуют арбитражные суды РФ : письмо ВАС РФ от 16 авг. 1995 г. № ОМ-230. П. 6 // Вестник ВАС РФ. 1995. № 11. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁶ См.: Международное частное право : учебник / П.Б. Айтов [и др.] ; под ред. Р.А. Курбанова, А.С. Лалетиной. Москва, 2015. С. 13-14, 96-97. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Осокина Е.Ю. О некоторых проблемах применения новых положений ГК РФ о промышленной собственности // Право и экономика. 2015. № 2. С. 3-4. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁷ См.: Постановление ФАС Уральского округа от 14 мая 2009 г. № Ф09-3015/09-С1 по делу № А50-16997/2008-А05. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 июля 2009 г. № 18АП-5499/2009, 18АП-5645/2009 по делу № А47-8171/2008. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁸ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 авг. 2012 г. по делу № А08-2152/2011. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

²⁹ В настоящее время в рамках масштабной реформы Гражданского кодекса РФ термин “внешнеэкономическая сделка” был из него исключен.

³⁰ Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 164-ФЗ : [ред. от 13 июля 2015 г.] // Собр. законодательства РФ. 2003. 15 дек. (№ 50). Ст. 4850. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

³¹ Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал : договор между РФ и США от 17 июня 1992 г. // Собр. законодательства РФ. 1999. 19 апр. (№ 16). Ст. 1938. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы : [заключено в г. Гонконге 18 янв. 2016 г.]. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Мальты об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы : [заключена в г. Москве 24 апр. 2013 г.]. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Соглашение между Российской Федерацией и Великим Герцогством Люксембург об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество : [заключено в г. Москве 28 июня 1993 г.] : [ред. от 21 нояб. 2011 г.] // Собр. законодательства РФ. 1997. 3 нояб. (№ 44). Ст. 5021. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

³² Постановление Президиума ВАС РФ от 11 янв. 2002 г. № 3646/01 по делу № А40-36632/00-14-551. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

³³ Ст. 1202, 1203 ГК РФ.

³⁴ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158. П. 9. Размещено на сайте ВАС РФ 26 июля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

³⁵ Ч. 3 ст. 1 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров.

³⁶ Ст. 21 Конвенции о факторинге.

³⁷ Ч. 2 ст. 425 ГК РФ, ч. 3 ст. 1210 ГК РФ.

³⁸ См.: Конвенция о факторинге. Ч. 2 ст. 4; Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59. П. 8 // Вестник ВАС РФ. 2001. № 4. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 205-КГ16-37. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс”.

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ КИБЕРНЕТИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© 2017 Дмитриева Вера Владимировна

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34
E-mail: dmitrieva-vv@list.ru

Выполнен анализ отличия международного кибернетического терроризма от иных видов компьютерных преступлений. Определено понятие международного кибернетического терроризма. Приведены основные формы межгосударственного сотрудничества стран Европейского союза в борьбе с международным кибернетическим терроризмом. Дана оценка эффективности такого сотрудничества.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, международный кибернетический терроризм, кибертерроризм, киберпреступность, Европейский союз, межгосударственное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом.

Как угроза международного терроризма в целом, так и угроза международного кибернетического терроризма в частности приобретают все большее значение в наши дни. События террористических акций во Франции, Турции, Египте и других странах в 2015-2016 гг. отражают актуальность вопросов обеспечения международной безопасности и достижения наиболее эффективного межгосударственного сотрудничества.

Интернет обладает свойством экстерриториальности и позволяет регистрировать доменное имя сайтов в одном государстве, а распространять информацию посредством использования данного сайта по всему миру. Такая деятельность на пространствах Интернета может способствовать формированию общественного мнения и, как результат, влиять на отдельные социальные процессы. Это естественным образом открывает дополнительные возможности для террористической деятельности.

Все большую роль в процессе осуществления своих преступных действий террористические группировки отводят техническому обеспечению с использованием электронных средств коммуникации для вербовки новых членов в свои ряды, запугивания общественности, нарушения работы государственных и банковских компьютерных систем, компьютерных систем международных органов. И если ранее основной целью преступников было нарушение работы национальных компьютерных систем для достижения личных целей, то сегодня террористы активно используют глобальные компьютерные сети для

охвата как можно большей аудитории в целях запугивания и, как итог, достижения своих локальных и международных политических целей.

Отличительной особенностью компьютерных преступлений от иных преступлений являются сложность и быстрота действий, которые впоследствии приведут к нарушению прав отдельных лиц, интересов государств и международных сообществ, и сравнительно невысокая вероятность пресечения готовящихся нарушений. Так, в литературе выделяют два вида компьютерных нарушений: непосредственную атаку на компьютерные системы и использование компьютерных данных. И если меры, направленные на пресечение первого вида преступлений, заключаются в дополнительном техническом и программном оснащении компьютерных систем и подготовке квалифицированных кадров, то в случае с использованием компьютерных данных недобросовестные лица могут годами производить пополнение своих информационных носителей, прежде чем владелец информации, чьи права были нарушены, обнаружит несанкционированную утечку¹.

Технические сложности зачастую приводят не только к спланированным, но и к случайным ошибкам в работе систем. Так, регулярно возникают ситуации, при которых снижается работа сети Интернет, происходит блокировка спутниковых сигналов, случаются аварии в работе транспортных систем, которые приводят к летальным исходам.

Все сказанное создает уязвимости, которыми могут воспользоваться лица, обладающие специ-

альными знаниями, для применения компьютерных систем в непредусмотренных целях. К слову, небезызвестный сценарий поражения иранской атомной станции вирусом STUXNET в 2010 г., чудом не приведший к катастрофическим последствиям, планировался и для терактов в Европе в 2016 г.²

Активное развитие технологий требует все более детальной проработки вопросов защиты информации, создания эффективной национальной правовой базы, а также взаимодействия государств на международном уровне.

К настоящему моменту понятие кибернетического терроризма не получило своего закрепления в международном договоре, который был бы согласован большинством стран.

Одним из основополагающих документов в отношении киберпреступности стала Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. (далее - Конвенция), разработанная Советом Европы, а также Дополнительный протокол 2003 г. К международному договору присоединились 54 страны, в том числе США и Великобритания. В Конвенции были нормативно закреплены и систематизированы правонарушения в кибернетическом пространстве, включая: подлог с использованием компьютерных технологий; мошенничество с использованием компьютерных технологий; правонарушения, связанные с детской порнографией; правонарушения, связанные с нарушением авторских и смежных прав.

В то же время за пределами нормативного регулирования Конвенции остались многие другие действия в сфере киберпространства, наносящие ущерб информационным отношениям и их субъектам. Так, не было закреплено понятие международного кибернетического терроризма. Вместе с тем сам документ позволяет осуществлять взаимодействие государств в борьбе с преступлениями в информационной сфере.

Терроризм представляет собой действия, создающие опасность гибели людей, причинения значительного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, является преступлением против общественной безопасности³. Международный терроризм характеризуется трансграничностью, угрожая безопасности сразу нескольких стран. А в случае использования сети Интернет границы охватываемой сферы и вовсе стираются. Под угрозой оказывается весь мир. Согласно Федеральному закону "О противодействии терроризму" от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ под террористической деятельнос-

тью понимается деятельность по подстрекательству, планированию и финансированию терроризма, вербовке и обучению террористов, пропаганде. Под террористическими актами понимается непосредственное совершение действий, приведших (или могущих привести) к гибели лиц, причинению урона жизненно важной инфраструктуре или наступлению иных общественно опасных последствий. Этот подход представляется правильным и для описания международной террористической деятельности. Все это применимо и к кибернетическому терроризму. В сети Интернет террористы общаются, осуществляют планирование, вербуют новых сторонников, обучают новобранцев, проводят пропаганду терроризма, захватывают отдельные компьютерные системы и выводят их из строя.

Для того чтобы разобраться в данной проблеме, остановимся на понятии кибернетического терроризма и постараемся разграничить кибернетический терроризм и киберпреступность. К сожалению, международное право пока не знает точного определения этого понятия. Ряд отечественных и зарубежных ученых при этом имеют свое особое мнение. Так как терроризм зародился задолго до появления Интернета, а единого определения терроризма так и не было выработано международным сообществом, дать четкое определение кибернетического терроризма представляется затруднительным. Однако существует ряд отличительных особенностей. Так, судья Стейн Шельберг из Норвегии указывает на то, что кибертерроризм включает в себя и терроризм, и киберпреступность. Он отмечает, что кибертерроризм сопряжен с "координированными компьютерными атаками на жизненно важную информационную инфраструктуру страны"⁴. В.А. Голубев определяет кибернетический терроризм как "преднамеренную, политически мотивированную атаку на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему и сети"⁵, которая сопряжена с возникающей опасностью для жизни или здоровья людей. Такая атака направлена на запугивание населения (и даже, как результат, на достижение военного конфликта). Террористы могут угрожать применением насилия для поддержания состояния страха с целью достижения политических целей, а также с целью привлечения внимания к деятельности террористической организации. Кроме того, Голубев отмечает, что характерной особенностью кибертерроризма является его гласность и широкое освещение кибертеррористических актов.

Существует подход, согласно которому киберпреступников разделяют по характеру их мотиваций. Так, американские ученые, Аллан Фридман и Питер Сингер, помимо террористов в сети Интернет, выделяют среди хакеров, совершающих преступления, активистов и патриотов. Если первые используют компьютер и свои навыки для достижения целей своей группы, как правило политических, то вторые совершают противоправные действия на основании национальных и патриотических идей. Так, к активистам они относят ставшую уже известной в мире группу Анонимус⁶. В этом ключе есть основания согласиться с авторами. Действия Анонимус не были направлены на применение насилия или причинение вреда жизни и здоровью отдельных лиц. Группа лишь осуществляла блокировку отдельных правительственных сайтов.

Таким образом, представляется, что международный кибернетический терроризм характеризуется следующими аспектами:

- осуществляется в электронных системах передачи данных и обладает свойством экстерриториальности;

- обладает гласностью и широко освещается для охвата как можно большей аудитории;

- направлен на запугивание и поддержание состояния страха среди как можно большей массы населения;

- имеет целью достижение политических интересов (при этом их достижение осуществляется посредством применения насилия и запугивания насилием);

- сопряжен с угрозой жизни и здоровью людей, жизнедеятельности отдельных государств;

- поражает наиболее значимые объекты инфраструктуры стран мира.

Важность урегулирования возникающих вопросов в данной сфере требует вовлечения всех сторон международного сообщества. При этом сотрудничество государств в борьбе с международным кибернетическим терроризмом осуществляется в основном на региональном уровне.

Здесь уместно сказать об отграничении понятия “борьба” от понятия “противодействие”, которое также часто используется в уголовном праве. Так, согласно Федеральному закону “О противодействии терроризму” от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ под противодействием терроризму понимается деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по предупреждению терроризма,

выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта, минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма. При этом в литературе выделяют позицию, согласно которой термин “борьба” более применим к социальному явлению, “противодействие” же - к отдельному социально опасному акту⁷. Представляется, что термин “борьба” будет более корректен в отношении межгосударственного взаимодействия, которое должно быть направлено: на выработку национальных принципов и норм, развитие сотрудничества правоохранительных органов отдельных стран, а также на противодействие отдельным социально опасным актам. При рассмотрении проблемы межгосударственного взаимодействия в борьбе с международным кибернетическим терроризмом в данном случае будут пониматься: развитие и унификация национального уголовного законодательства стран, разработка и осуществление межгосударственного взаимодействия по линии правоохранительных органов и непосредственное отражение происходящих кибертеррористических атак.

Значительный вклад в развитие национального законодательства и создание межгосударственного взаимодействия в борьбе с международным кибернетическим терроризмом вносит Европейский союз.

Представляется, что сотрудничество в борьбе с международным кибернетическим терроризмом невозможно без сближения и, в ряде случаев, без унификации национальных правовых систем в части установления уголовной ответственности за использование киберпространства в террористических целях. Однако законодательства стран Европейского союза не только разнятся в части установления ответственности за преступления в киберпространстве, зачастую законодатель не предусматривает ответственности за кибертерроризм. Чаще всего такие преступления квалифицируют как кражу и использование компьютерной информации, несанкционированное проникновение в компьютерные системы. То есть в большинстве случаев аспект “террористической деятельности” теряется. В то же время ряд стран выработали свою, уникальную систему выявления и преследования таких преступлений. В частности, уголовное законодательство Германии знает следующие составы преступлений: атака программного и аппаратного обеспечения (включая хищение (компьютерной) информации (section 202a), перехват данных (section 202b), подготовка к хищению (компьютерной) ин-

формации и перехвату данных (section 202c)⁸. Кроме того, Уголовный кодекс Германии вводит понятия “подделка компьютерных данных” и “компьютерный саботаж” (sections 303a, 303b)⁹. Названные деяния наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Согласно Закону Великобритании о неправомерном использовании компьютерных технологий (Computer Misuse Act) 1990 г. лицо совершает преступление, когда использует компьютер для выполнения функции с намерением получить доступ к программе или данным, хранящимся на каком-либо компьютере, если такой доступ является неправомерным, и лицо, осуществляющее такие действия, знает об этом (section 1 (1) Computer Misuse Act)¹⁰. За совершение этого преступления предусмотрено наказание в виде штрафа или заключения на срок до 6 месяцев. Отражая важность угроз, исходящих из киберпространства, английский законодатель затронул вопросы использования компьютерных систем в террористических целях в Законе о терроризме (Terrorism Act) 2000 г. Согласно документу правоохранительные органы вправе считать террористическими действия, которые “серьезно вмешиваются или серьезно нарушают работу какой-либо электронной системы”¹¹.

Аналогичное закрепление на уровне уголовного кодекса получили противоправные действия в киберпространстве в других странах. Так, Нидерланды указали, что любое лицо, которое умышленно и незаконно перехватывает и записывает с помощью технического устройства данные, не предназначенные для него, и обрабатывает или передает посредством радиосвязи либо с помощью компьютерного устройства или системы, подлежит тюремному заключению на срок не более одного года или штрафу (section 139c)¹².

В Бельгии в марте 2005 г. была создана рабочая группа по проблеме киберпреступности в рамках плана действий по борьбе с радикализмом, принятом на уровне Правительственного комитета разведки и безопасности (Ministerial Intelligence and Security Committee)¹³. Как итог, понятия преступлений в сфере киберпреступности были включены в Закон о киберпреступности 2000 г. и нашли свое отражение в уголовном кодексе страны. Среди них: компьютерный подлог, компьютерное мошенничество и преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и данных, хра-

нящихся, или обрабатываемых, или передаваемых ими.

Однако, несмотря на то, что на уровне некоторых государств уже ведется работа по определению понятия кибертерроризма, в большинстве своем национальные законодательства рассматривают борьбу с кибертерроризмом как борьбу с преступностью в сфере киберпространства в целом.

Отдельно стоит упомянуть об Эстонии, которая среди других стран Европейского союза занимает одно из ведущих положений в области разработки мер, направленных против кибертерроризма. Согласно данным, предоставленным страной в отчете о киберпреступности Совета Европы 2007 г., Эстония более всех стран Европейского союза пострадала от массированных кибератак в 2007 г., что подтолкнуло правительство к разработке защитных мер¹⁴. В этой связи именно в Эстонии был развернут Центр киберзащиты (далее - Центр) Организации Североатлантического договора (НАТО) в Таллине, которому был присвоен статус международной военной организации. Центр играет важную роль в обучении и обеспечении безопасности стран альянса. В работе Центра принимают участие 18 стран, в том числе 14 стран Европейского союза: Эстония, Германия, Франция, Великобритания, Словакия, Италия, Литва, Латвия, Испания, Венгрия, Чехия, Польша, Голландия, Греция. Австрия и Финляндия участвуют в работе Центра в статусе партнеров.

Рассмотрим деятельность институтов Европейского союза в борьбе с международным кибернетическим терроризмом.

В 2004 г. в соответствии с регламентом ЕС № 460/2004 (Regulation (EC) No 460/2004) было создано Европейское агентство по безопасности сетей и информационной безопасности (The European Network and Information Security Agency, далее - ENISA) со штаб-квартирой в г. Ираклион (Крит)¹⁵. В рамках деятельности данной организации проводятся учения по обеспечению кибернетической безопасности. В состав ENISA входят: аппарат управления, группы постоянных представителей от стран-участниц, по одному офицеру по связям от каждой из стран-участниц, а также временные рабочие группы по отдельным специальным вопросам. Офицеры связи стран-участниц совместно образуют объединение национальных офицеров по связям (National Liaison Officers Network). Целями ENISA, в числе прочего, являются: приобретение опыта прогнозирования угроз и защиты информа-

ции; выработка политики продвижения сетевой и информационной безопасности в качестве приоритетных направлений политики Европейского союза; укрепление сотрудничества на уровне Европейского союза между государствами-членами; усиление воздействия ENISA посредством совершенствования управления ее ресурсами и более эффективного взаимодействия с заинтересованными сторонами, включая государства-члены и институты Союза, а также на международном уровне¹⁶.

ENISA реализует программы повышения осведомленности по вопросам кибербезопасности, проводит межгосударственные учения по вопросам кибербезопасности. При проведении этих мероприятий к работе привлекаются также следующие организации: Европейское оборонное агентство (European Defense Agency), Институт Европейского союза по изучению вопросов безопасности (European Union Institute for Security Studies), Спутниковый центр Европейского союза (European Union Satellite Centre), Евроюст, Европол, Исполнительное агентство по образованию, аудиовизуальным средствам и культуре (Education, Audiovisual and Culture Executive Agency) и др. Также к работе привлекается созданный в 2013 г. Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (European Cyber Crime Centre), который является органом Европола в Европейском союзе (штаб-квартира в Гааге) и координирует трансграничную правоохранительную деятельность по борьбе с компьютерной преступностью, выступает в качестве центра технической экспертизы по данному вопросу.

К настоящему моменту ENISA разработал ряд основополагающих документов в борьбе с кибертерроризмом. Так, были разработаны пошаговое руководство по созданию групп компьютерной безопасности и реагирования на инциденты (Computer Security and Incident Response Team), универсальный сборник упражнений для служб реагирования на компьютерные инциденты, проект национальной Стратегии кибербезопасности в рамках Европейского союза.

В целях предоставления национальным государственным органам информации о проблемах и значении создания защиты облачных технологий ENISA в 2013 г. подготовила отчет об инцидентах облачной безопасности (Cloud Security Incident Reporting) с выработкой ряда рекомендаций¹⁷. Так, было указано на необходимость установления немедленного информирования об инцидентах кибератак на облачные технологии.

Страны Европейского союза ведут активную деятельность по разработке и принятию национальных Стратегий кибербезопасности, разрабатываемых на основе рекомендаций, предложенных ENISA. Так, по данным ENISA, к настоящему времени Стратегии кибербезопасности приняли 25 из 28 стран Европейского союза¹⁸. В Швеции, Болгарии и Греции документы еще находятся в стадии разработки. Это также говорит о признаваемой странами - членами Европейского союза высокой важности обеспечения кибернетической безопасности.

Основой национальных стратегий является формирование национального информационного общества, где особое внимание будет уделяться безопасности граждан и защите информационно-телекоммуникационных ресурсов в сети Интернет. Так, Германия, выделяет среди основных целей необходимость предотвращения и уголовного преследования кибератак, создания эффективной системы взаимодействия силовых ведомств. Кроме того, Европейский союз ведет активную подготовку и обучение судей и следователей в области кибербезопасности.

Итак, межгосударственное взаимодействие стран Европейского союза осуществляется на уровне его институтов. Однако это взаимодействие осуществляется в отношении обеспечения кибербезопасности в целом. Созданный в 2013 г. Европейский центр по борьбе с киберпреступностью также основное внимание уделяет киберпреступности. Кибертерроризму отводится лишь роль одного из преступлений в сфере высоких технологий.

Представляется, что такой подход создает ряд ограничений в расследовании и пресечении кибертерроризма. Кибернетические террористические атаки на компьютерные системы могут привести не только к разрушению компьютерных систем, порче или закрытию доступа к компьютерной информации, блокируя и нарушая работу, таким образом, банковских систем или государственных органов. Такие атаки могут нанести также физический вред и привести к человеческим жертвам, если, например, атакованные компьютерные системы связаны с работой атомных электростанций, систем управления полетами, компьютерных систем медицинских учреждений, компьютерных систем, осуществляющих управление военным оружием.

Еще одной особенностью международного кибернетического терроризма является то, что такие преступления, помимо очевидной общественной

опасности, обладают высокой скоростью подготовки и совершения, а значит, с учетом фактора экстерриториальности сети Интернет требуют немедленного реагирования совместными усилиями правоохранительных органов стран мира. А для этого требуется и соответствующее техническое оснащение, и оперативное взаимодействие между правоохранительными органами.

Без создания должной правовой базы, криминализации понятия кибернетического терроризма, создания комплексного подхода по обеспечению безопасности в борьбе с кибертерроризмом невозможно эффективное сотрудничество в этой области.

Очевидна необходимость выработки единого документа, который бы определил понятие международного кибернетического терроризма и механизм осуществления межгосударственного взаимодействия в борьбе с ним.

Нельзя сказать, что опыт, приобретенный Европейским союзом, не является существенным. Международный кибернетический терроризм представляет собой новое явление. Международное сообщество еще не успело выработать единое понимание по этому вопросу. Однако актуальность угроз, которые несет использование кибертехнологий террористами, выявляет высокую необходимость скорейшего его разрешения. К сожалению, сегодня наиболее эффективная деятельность в проработке вопросов межгосударственного сотрудничества осуществляется на региональном уровне. Однако полученный опыт требует детального изучения и применения в деятельности как отдельных государств, так и всего международного сообщества. Знания и опыт, накопленные Европейским союзом, играют не последнюю роль в достижении глобальной международной безопасности.

¹ Goldsmith J. (2013) How Cyber Changes the Laws of War. *The European Journal of International Law*, vol. 24, 1, pp. 130-131.

² Координатор ЕС считает, что АЭС Бельгии могут угрожать кибератаки // РИА новости. 26.03.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160326/1397664506.html>.

³ Абдурахманов М.И., Баршиполец В.А., Манилов В.Л. Военная безопасность России : слов.-справ. / под общ. ред. В.Л. Манилова. Москва, 2000. С. 325.

⁴ Договор о киберпространстве - Конвенция или Протокол Организации Объединенных Наций о кибербезопасности и киберпреступности. Подготовлено Стейном Шельбергом. Справочные документы, полученные от отдельных экспертов // Двенадцатый Конг-

ресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Сальвадор, 12-19 апр. 2010 г.) : сб. документов / сост.: А.Г. Волеводз, С.М. Тарасенко, В.А. Ализаде. Т. 2. Москва, 2011. С. 274-275.

⁵ Голубев В. Кибертерроризм как новая форма терроризма / Центр исследования проблем компьютерной преступности. URL: http://www.crime-research.org/library/Gol_tem3.htm.

⁶ Singer P.W., Friedman A. (2014) *Cybersecurity and Cyberwar*. New York, pp. 77-85.

⁷ Вишневецкий К.В., Трофименко С.В. О терминах “борьба” и “противодействие” в уголовно-правовой лексике // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 225-230.

⁸ Зигмунд О.А., Петровский А.В. Кибер- и интернет-преступность в Германии и России: возможности сравнительного исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 180-188.

⁹ German Criminal Code / European Commission. Available from: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/criminal_code_germany_en_1.pdf.

¹⁰ Computer Misuse Act 1990. *The National Archives*. Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/section/1>.

¹¹ Громов Е.В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, Нидерландах, Польше) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 32.

¹² Criminal Code of the Netherlands. *The European Judicial Training Network (EJTN)*. Available from: http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf.

¹³ Cyberterrorism - the use of Internet for terrorist purposes. Council of Europe, December 2007, p. 119.

¹⁴ Ibid, p. 161.

¹⁵ Regulation (EC) No 460/2004 of the European Parliament and of the Council of 10 March 2004 establishing the European Network and Information Security Agency. *EUR-Lex*. Available from: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32004R0460:EN:HTML>.

¹⁶ Mission and Objectives // European Union Agency for Network and Information Security. Available from: <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa/mission-and-objectives>.

¹⁷ Cloud Security Incident Reporting. *Sobre ISMS*. Available from: <https://www.ismsforum.es/ficheros/descargas/incident-reporting-for-cloud-computing1392993762.pdf>.

¹⁸ National Cyber Security Strategies. *European Union Agency for Network and Information Security*. Available from: <https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map>.

Поступила в редакцию 04.12.2016 г.

ЭКОНОМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

-

-

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ

© 2017 Герасимова Светлана Витальевна

кандидат экономических наук, доцент

Московский государственный медико-стоматологический университет

имени А.И. Евдокимова

127473, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20/1

E-mail: lanapost@inbox.ru

Изложены результаты исследований по проблеме стратегической конкурентоспособности услуг в условиях макроэкономической и микроэкономической неопределенности. Предложено циклическое прогнозирование тенденций макроэкономической среды для устранения объективной неопределенности. Для устранения субъективной макроэкономической неопределенности рассмотрена стратегия государственного регулирования рынка услуг.

Ключевые слова: услуга, стратегия, конкурентоспособность, инновация, неопределенность.

Проблема оптимизации стратегической конкурентоспособности на рынке услуг имеет существенные особенности анализа и решения. Услуга как вид товара обладает рядом свойств, не поддающихся количественному анализу: нематериальность, субъективность, нескладированность, нестабильность качества и др., т.е. представляет собой объект, содержащий качественную неопределенность. Потребность в услуге также носит нечеткий характер, содержит вариативность, не осознаваемую потребителем. Инновации в сфере услуг потребительски иррациональны. Очевидно, у потребителей отсутствует опыт потребления новых услуг. В большинстве случаев им приходится полагаться на интуицию. Иррациональность в принятии потребительских решений относительно новых услуг носит доминирующий характер. Это свойство полностью согласуется с гипотезой нобелевского лауреата Г. Саймона о неполной рациональности экономических суждений¹. Из данной гипотезы следует, что существует определенный спектр неосознаваемых потребностей. Эти потребности носят потенциальный характер. Их актуализация происходит, как правило, в условиях предложения инновационных услуг. Потребители предъявляют спрос на подобные услуги интуитивно, верифицируя их в процессе потребления. Данная особенность служит обоснованием выбора метода качественной оценки и развития конкурентоспособности услуг. Одновременно с этим следует учитывать лишь частичную осознаваемость долгосрочных целей

спроса и предложения на рынке услуг. Данная особенность, по нашему мнению, является серьезным препятствием к оптимизации рыночных решений, вынуждает применять качественный подход к оптимизации стратегий инновационного развития конкурентоспособности услуг².

Конкурентоспособность на рынке услуг по критерию длительности их цикла целесообразно, по нашему мнению, разделять на оперативно-тактическую и стратегическую. Оперативно-тактическая конкурентоспособность достигается на основе ситуационной оптимизации, т.е. приоритета краткосрочных целей и использования преимущественно маркетинговых мероприятий. Оперативная конкурентоспособность достигается относительно быстро, но сохраняется, как правило, короткий срок; она утрачивается при изменении текущей рыночной ситуации. Для ее удержания требуется ситуационная адаптация к внешней среде. Стратегическая конкурентоспособность рассчитана на долгий срок, предусматривает существенные инновационные изменения в потребительских свойствах услуг и технологиях их предоставления. То есть успехи в стратегической конкуренции на рынке услуг определяются интенсивностью инновационных процессов у конкурирующих фирм, конкурентоспособностью их инновационных проектов как вида управленческих инноваций. Проблема достижения и длительного удержания стратегической конкурентоспособности услуг в условиях неопределенности и высокой динамики изменения внешней среды зак-

лючается в рациональной синхронизации стратегии их инновационного развития с объективными прогнозными траекториями и реактивными инновационными стратегиями внешней среды на макро- и микроуровне.

Применение качественного подхода при оптимизации стратегической конкурентоспособности услуг требует введения некоторой лингвистической шкалы уровней ее стратегической конкурентоспособности, а также временной шкалы продолжительности ее удержания. В общем случае, на интервале стратегической конкурентоспособности услуг возможны неоднократные изменения ее уровня, имеющие различную продолжительность. То есть график уровней стратегической конкурентоспособности представляет собой ступенчатую функцию. Наличие одной ступени означает неизменность целевого уровня конкурентоспособности услуг на всем интервале стратегического управления. Для качественного, словесного описания уровней конкурентоспособности наиболее подходят, на наш взгляд, 3-х или 5-разрядная шкала: (“низкий”, “средний”, “высокий”) или (“низкий”, “ниже среднего”, “средний”, “выше среднего”, “высокий”). Снижение уровня конкурентоспособности связано, как правило, с применением целевым конкурентом реактивной стратегии и с запаздыванием использования эквивалентной стратегии удержания целевого уровня стратегической конкурентоспособности услуг. Переход на более высокий уровень означает эффективность соответствующего плана развития стратегической конкурентоспособности услуг.

В данной работе главным ресурсом для обеспечения стратегической конкурентоспособности услуг принят системно-инновационный подход. Сущность продуктовых инноваций заключается в изменении потребительских свойств услуг в направлении роста их качества. Различают инновации четырех видов: псевдоинновации, имитационные инновации, модифицирующие и базисные инновации. Псевдоинновации предполагают небольшие улучшения потребительских свойств услуг. Они применяются, если есть уверенность в удержании конкурентоспособности или в ситуации отсутствия альтернатив, например, в условиях полного использования инновационного потенциала услуг. Имитационные инновации основаны на копировании лучших образцов услуг. Они требуют приобретения патентов и лицензий, дающих право реализации стратегии лидера рынка.

Инвестиционные затраты в этом случае являются повышенными, но имеет место высокая оперативность нововведений в процессе их коммерциализации. Модифицирующие инновации основаны на максимальном использовании инновационного потенциала услуг. Сумма инвестиций при этом значительно превосходит имитационный подход и требует повышенного срока своей реализации. При исчерпании инновационного потенциала развития услуг фирма переходит на иные инновационные стратегии. Базисные инновации заключаются в создании и коммерциализации совершенно новых услуг, создание которых основано на новейших открытиях и их апробации в системе мирового научно-технического прогресса. Этот вид инноваций является наиболее трудоемким, капиталоемким и длительным по реализации на практике. Долгосрочность процесса коммерциализации ведет к максимальному уровню неопределенности и риска. Однако в случае рыночного успеха возникает возможность приобретения доминирующей конкурентоспособности на долгий срок с высоким уровнем доходности.

В настоящее время продуктовые инновации, как правило, сопровождаются технологическими, ведущими к снижению издержек и, соответственно, повышению уровня ценовой конкурентоспособности, т.е. требуют инновационного развития факторов производства: создания новых материалов и энергоресурсов, техники, переквалификации персонала, нового способа производственно-функционального соединения факторов - новой технологии. Степень технологической инновационности также может быть различной. Технологические псевдоинновации заключаются в небольшом совершенствовании применяемой технологии. Они не являются наукоемкими, предполагают активное использование рацпредложений и интенсификацию труда персонала. Инвестиции имеют краткосрочный характер. Технологические имитационные инновации требуют замены старой технологии на передовую, уже доказавшую свою производственную эффективность, ведут к снижению издержек и росту производительности труда, имеют небольшой срок окупаемости инвестиций. Модифицирующие инновации в технологиях предполагают изменения, предусмотренные при создании и внедрении их первоначальных моделей. Основой таких изменений является рациональное использование созданного инновационного потенциала. В результате модификации технология при-

обретает новые полезные свойства, а факторы производства - новое качество. Существенно возрастает производительность труда с одновременным значимым снижением издержек, что оправдывает повышенный срок окупаемости инвестиций. Базисные технологические инновации основываются на результатах фундаментальных научных исследований и позитивных попытках их практического использования в экономике. Они имеют высокий инновационный потенциал, максимальный риск и потенциально высокую доходность на долгий срок. Общим свойством инновационного развития конкурентоспособности услуг является высокий уровень неопределенности ожидаемых результатов, повышенный риск предпринимательства, отсроченность полезного эффекта, высокие издержки, творческий характер трудовой деятельности, интенсивный рост эффективности продуктов и технологий в перспективе, замедленная окупаемость затрат³.

Конкурентная стратегия фирмы и реактивная стратегия ее целевого конкурента считаются эквивалентными, если после их реализации не происходит изменения уровней конкурентоспособности услуг. Принцип эквивалентности стратегий заключается в необходимости своевременного копирования реактивной стратегии целевого конкурента, так как в противном случае произойдет снижение уровня конкурентоспособности услуг. Принцип опережающих инноваций заключается в рациональном учете инерционности в получении результатов внедрения инноваций. Прогнозирование реактивных инновационных стратегий, выдвижение обоснованных предположений о сроках их выполнения создают возможности сохранения стратегической конкурентоспособности услуг на целевом уровне в течение всего планового периода их конкурентоспособности путем своевременных, опережающих инноваций. Например, если услуга достигла уровня конкурентоспособности "средний" на основе имитационных инноваций, а конкурент наметил применение реактивной стратегии модифицирующих инноваций, то нужно как можно оперативнее применить эквивалентную инновационную стратегию, иначе произойдет потеря стратегической конкурентоспособности услуги.

Применение системно-инновационного подхода в конкурентном анализе рынка услуг заключается в проведении сравнительного анализа влияния реактивных стратегий конкурентов на стра-

тегическую конкурентоспособность конкретных услуг и в определении услуг-аналогов, оказывающих максимальное противодействие установлению и поддержанию целевого уровня их стратегической конкурентоспособности. Организация - производитель подобной услуги именуется целевым конкурентом. Опережающее применение эквивалентной конкурентной стратегии против такого конкурента позволяет сохранить целевой уровень конкурентоспособности услуги на долгий срок. Роль целевого конкурента могут выполнять разные фирмы, сменяющие во времени друг друга в степени наибольшего отрицательного влияния на установленные стратегические цели. Целевой конкурент отличается от остальных высокой инновационной активностью, стремлением стать лидером рынка. Он ведет инвестиционную деятельность на постоянной основе, осуществляет мониторинг используемой фирмой инновационной стратегии, немедленно применяет эквивалентную реактивную стратегию, основанную на новейших достижениях научно-технического прогресса⁴.

Оптимизация стратегической конкурентоспособности услуг представляет собой управленческую инновацию и начинается с установления ее долгосрочных целей с последующим формированием комплексной инновационной стратегии в виде кластера инновационных проектов, синхронизированных по времени таким образом, чтобы при минимальных инвестициях обеспечить длительное сохранение целевого уровня стратегической конкурентоспособности. Кластеризация инноваций по принципу "продукт - технология - менеджмент" позволяет добиться синергетического эффекта в оптимизации стратегической конкурентоспособности услуг в условиях неопределенности внешней среды в процессе их развития. Рассмотрим порядок оптимизации.

На первом этапе следует устранить информационную неопределенность задачи. Для этого необходимо осуществить объективный прогноз тенденций развития внешней среды рынка услуг на микро- и макроуровне. Затем принять обоснованные гипотезы о субъективной составляющей внешней среды на обоих уровнях. Желательно иметь три варианта объективного прогноза и гипотез: пессимистический, оптимистический и минимального риска. Неопределенность полностью устраняется только при пессимистическом сценарии (т.е. при оптимизации по критерию максимального гарантированного результата), осно-

ванном на предположении о наихудшем поведении внешней среды относительно принятой цели. Результатами первого этапа являются: перспективный циклический прогноз ВВП национальной экономики; фазы инновационного цикла; инновационная политика и стратегия государственного регулирования рынка услуг; прогнозная динамика изменения системы предпочтений потребителей; последовательность реактивных инновационных стратегий целевого конкурента.

На втором этапе производится перспективный ситуационный анализ и формирование дерева целей, имеющего двухуровневую иерархическую структуру. На первом (верхнем) уровне определяется стратегическая цель развития конкурентоспособности услуг. Эта цель в основном зависит от достигнутого уровня их конкурентоспособности. Если имеет место “низкий” уровень конкурентоспособности, то стратегическая цель заключается в скорейшем достижении “среднего” уровня конкурентоспособности услуг и его удержании на всем интервале стратегического управления. Если текущий уровень конкурентоспособности является “средним”, то целью оптимизации является удержание достигнутого уровня на всем интервале стратегического управления. По нашему мнению, ставить целью достижение “высокого” уровня конкурентоспособности услуг нецелесообразно, так как это всегда ведет к неоправданному увеличению необходимых инвестиций и возрастанию сроков реализации цели. На втором, нижестоящем, уровне дерева целей определяется комплекс оперативно-тактических целей, достижение которых полностью обеспечивает необходимый уровень стратегической конкурентоспособности услуг в условиях прогнозной динамики конкурентной среды на микро- и макроуровне. На этом уровне формируется множество эквивалентных инновационных проектов с применением принципа опережающих инноваций по критерию минимальных инвестиций.

На третьем этапе производится сравнительный анализ альтернативных инновационных проектов. Результатом третьего этапа является наиболее предпочтительный комплексный инновационный проект развития стратегической конкурентоспособности услуг с наименьшей суммой инвестиций (в динамике), достаточной для его реализации. Главным признаком предпочтительности проекта выступает его эффективность. Эффек-

тивными считаются варианты, не уступающие друг другу по совокупности целевых критериев. Такие варианты не являются доминируемыми, т.е. превосходят другие варианты хотя бы по одному критерию. Наиболее предпочтительный среди них так называемый “неулучшаемый” вариант, в среднем в максимальной степени соответствующий набору стратегических целей. Причем дальнейшая оптимизация по любой из целей всегда ведет к снижению среднего уровня их достижения.

На четвертом этапе производится ресурсное балансирование проекта, т.е. изменение его характеристик с целью установления баланса между инвестиционными потребностями и возможностями. Результатом четвертого этапа оптимизации является ресурсно-сбалансированный комплексный инновационный проект, не имеющий возможности своего улучшения, т.е. обладающий свойством многокритериальной оптимальности.

Таким образом, сущность предложенной методологии качественной оптимизации стратегической конкурентоспособности услуг заключается в проведении анализа конкурентоспособности инновационных проектов. Эвристическое прогнозирование реактивного инновационного проекта целевого конкурента служит основой оптимизации стратегической конкурентоспособности услуг. Результатом оптимизации является комплексный инновационный проект, обладающий свойством конкурентоспособности относительно альтернативного проекта целевого конкурента. Критерием конкурентоспособности инновационного проекта является обеспечение целевого уровня стратегической конкурентоспособности услуг на весь прогнозируемый период.

¹ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Лекция, прочитанная на ежегодной конференции Американской экономической ассоциации в 1977 г.] // ТЕЗИС. 1993. Вып. 3.

² Саймон Г. Новая наука управленческих решений. Нью-Йорк, 1960. С. 50.

³ Герасимова С.В. Инновации как фактор развития конкурентоспособности услуг стоматологических клиник // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2013 г. Тамбов, 2013.

⁴ Гуськова М.Ф., Стерликов П.Ф., Стерликов Ф.Ф. К вопросу оценки бизнеса // Экономические науки. 2016. №9 (142). С. 30-36.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

© 2017 Юрьева Оксана Владимировна

доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

© 2017 Кадников Владимир Андреевич

магистр Высшей школы экономики
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

© 2017 Соловьев Никита Вячеславович

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: oksanavladi@mail.ru, Vkadnikov92@gmail.com, 2361646@mail.ru

Исследуется применение компетентностного подхода в управлении человеческими ресурсами. Рассматриваются разные подходы оценки компетенций, в том числе страновые различия в подходах. Показывается, что подбор и обучение персонала на основе применения компетентностного подхода являются эффективным инструментом управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, компетентностный подход, управление человеческими ресурсами, управление персоналом, эмоциональный интеллект, социальный интеллект.

В условиях современной постоянно меняющейся деловой среды глобализации и повсеместного усиления конкуренции организации сталкиваются с проблемами оптимального использования знаний, навыков и потенциала каждого сотрудника для достижения максимальной производительности и эффективности бизнеса¹. Поэтому качественное управление персоналом становится источником конкурентного преимущества организаций. Традиционно специалисты по управлению персоналом имели относительно ограниченное участие в делах компании, будучи вовлеченными в мероприятия сугубо операционного характера. В современную эпоху организации все чаще рассматривают управление персоналом как уникальный актив, который обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество. Быстро меняющиеся реалии ведения бизнеса с ростом глобализации, демографические изменения рабочей силы, технологические трансформации, рост интеллектуального капитала, бесконечные организационные изменения приводят к повышению значимости управления человеческими ресурсами.

В попытке переосмыслить роль управления человеческими ресурсами в деятельности компаний был выработан компетентностный подход

к управлению человеческими ресурсами. Впервые данный подход был представлен Дэвидом МакКлелландом в 1973 г. Компетенции (профессиональные знания и навыки, а также поведенческие особенности) в рамках данного подхода рассматриваются как предикаторы успешности деятельности конкретного сотрудника².

В англоязычной литературе понятие “компетенция” неоднозначно. С одной стороны, некоторые авторы под компетенциями имеют в виду личные, индивидуальные особенности сотрудника (от англ. “competency”). С другой стороны, многие исследователи за компетенции принимают профессиональные или функциональные навыки и качества (от англ. “competence”). В русском языке понятие “компетентность” соответствует профессиональным компетенциям, тогда как понятие “компетенции” - личным характеристикам.

В литературе нет единого подхода к изучению компетенций: оценка компетенций в рамках управления персоналом в разных странах в силу культурных или традиционных особенностей происходит по-разному.

Учитывая терминологическую и концептуальную путаницу в компетентном подходе, мы анализируем три доминирующих в литерату-

ре подхода, которые развивались относительно независимо друг от друга сначала в США, затем в Великобритании. Противопоставим эти одномерные подходы, а затем рассмотрим типологию компетенций в рамках комплексного подхода.

В США компетентный подход в управлении человеческими ресурсами рассматривает понятие “компетенции” как индивидуальные характеристики сотрудника, его поведенческие особенности. Личностные особенности, в свою очередь, связывают с превосходными характеристиками деятельности сотрудника и высокой мотивацией. Исследование и выявление лидерских характеристик в рамках данного подхода идет от обратного: наблюдаются успешные и эффективные сотрудники, чтобы определить, насколько и за счет чего эти люди отличаются от менее успешных сотрудников. Понятие “компетентность”, таким образом, охватывает навыки за рамками когнитивных способностей - самосознание, саморегуляцию и социальные навыки. В то время как некоторые из перечисленных навыков могут также относиться к классификации личностных характеристик, эти компетенции относят к поведенческим, которые, в отличие от личностных и интеллектуальных, можно развить путем обучения и тренировок³. Такая трактовка понятия стала особенно влиятельной в США: компетенции воспринимаются там как главные характеристики людей, которые причинно связаны с высокой производительностью в работе и исключительными результатами сотрудников.

Более поздние концепции компетенции, появившиеся в США, помимо поведенческих особенностей, включали в понятие “компетенции” стандарты профессии и рабочих процессов, а также профессиональные знания, измеряемые уровнем квалификации⁴. Большинство современных американских работ сфокусированы на функциональных компетенциях, которые зависят от особенностей конкретной позиции, должности. В то время как поведенческий аспект компетентного подхода, развитый МакКлелландом, все еще популярен в США, более широкая концепция компетенций, которая подчеркивает также функциональные навыки и накопленные профессиональные знания, набирает силу.

В британской традиции компетентный подход состоит в рассмотрении преимущественно функциональных навыков сотрудников, а также умения сотрудников соответствовать стандартам профессии. Современные работы расши-

рили концепцию компетенций, включив в это понятие личностные качества сотрудников. Это сделало саму концепцию более универсальной, поскольку сугубо функциональный подход значительно отличается по отраслям, тогда как личностные характеристики успешных сотрудников в целом схожи для компаний из разных отраслей.

Мы утверждаем, что описанные выше концепции компетентного подхода в управлении человеческими ресурсами не дают адекватной комплексной оценки: так или иначе основной акцент делается в сторону сугубо личностных или сугубо профессиональных, свойственных конкретной профессии характеристик. На наш взгляд, именно целостная типология компетенций полезна для системного понимания взаимосвязей знаний, навыков и результатов сотрудников.

Deist and Winterson предложили систему, комплексно оценивающую компетенции по 4 направлениям: абстрактности, оперативности, личностным и профессиональным навыкам:

- компетенции, обязательные для конкретной профессии:

- абстрактные (когнитивные: знания и понимание);

- операционные (функциональные: практические прикладные навыки) компетенции;

- компетенции и навыки, в большей степени связанные с индивидуальной эффективностью сотрудника:

- абстрактные (способность учиться);

- операционные (социальные компетенции, в том числе поведение и отношения)⁵.

Представленная выше компетентностная типология претендует на целостность. Подобные целостные подходы к компетенциям позволяют комплексно оценить соответствие образовательного процесса требованиям профессии, а в случае их несоответствия - адаптировать образование к рабочим стандартам. Помимо этого, многомерные подходы к компетенциям дают возможность синергии между формальным образованием и корпоративным обучением.

Отбор персонала на основе компетенций, личностных и профессиональных, может быть негравитационной задачей. Однако подобная практика должна быть ключевой в управлении персоналом. При подборе персонала необходимо учитывать особенности организационной среды: микроклимат в организации, рабочий контекст. Этот фактор не был учтен в типологии компетенций, представленной

выше, хотя он является одним из важнейших. Boyatzis представил теорию производительности, основанную на концепции компетенций. Согласно теории грамотное управление персоналом должно учитывать индивидуальные особенности сотрудника (навыки, склонности и талант) и профессиональные требования и стандарты в контексте организационной среды, которая включает в себя культуру и внутренний климат в компании, организационную структуру, управленческую систему, политические и экономические аспекты. В случае максимальной интеграции этих трех составляющих можно говорить об идеальном сотруднике⁶.

Помимо отбора по компетенциям, вопрос обучения навыкам также перспективен. Мы не ставим под сомнение тот факт, что профессиональные навыки, знания и практические умения могут быть приобретены в ходе корпоративного обучения и выполнения должностных обязанностей. Наибольший интерес представляет вопрос личностного роста сотрудников, а именно: могут ли взрослые сложившиеся люди развивать и/или приобретать новые личностные качества? Анализ зарубежной литературы (Kanfer and Goldstein, 1991, Morrow et al., 1997, Pascarella and Terenzini, 1991; Winter et al., 1981) показал, что взрослый человек способен развить личностные компетенции. Однако масштаб такого развития невысок: представляющий собой позитивные изменения в поведении сотрудника, вызванные посредством специализированного тренинга, являются значительными только непосредственно после тренинга и пропадают спустя какое-то время. Этот эффект получил название “эффект медового месяца”⁷. Соответственно, теперь вопрос состоит не в возможности приобретения поведенческих или личностных навыков посредством корпоративного обучения и тренингов, а в возможности долгосрочного сохранения этих навыков⁸. Ряд долгосрочных исследований об изменении у людей эмоционального и социального интеллекта, которые, в сущности, отличают выдающихся сотрудников от всех остальных, показал, что произошедшие в ходе тренингов изменения являются долгосрочными или постоянными⁹.

Таким образом, использование компетентностного подхода в управлении человеческими ресурсами позволяет, с одной стороны, привлекать ценные кадры, с другой - выстраивать корпоративное обучение таким образом, чтобы максимально повысить эффективность и результативность сотрудников. Возможность развития личностных качеств, поведенческих навыков и повышения характеристик эмоционального и социального интеллекта необходимо учитывать при планировании обучающих программ и тренингов: согласно исследованиям программы, нацеленные на долгосрочный результат, должны быть долгосрочными сами по себе.

¹ Legge K. (1995) What is human resource management? *Management, Work and Organisations*, pp. 62-95.

² McClelland D. (1973) Testing for competence rather than for “intelligence”. *American Psychologist*, 28 (1), pp. 1-14.

³ McClelland D. (1998) Identifying competencies with behavioural-event interviews. *Psychological Science*, 9 (5), pp. 331-339.

⁴ Cooper K.C. (2000) *Effective Competency Modeling and Reporting*. New York, pp. 26-28; Evers F.T., Berdrow I., Rush J.C. (1998) *The Bases of Competence: Skills for Lifelong Learning and Employability*. New York, pp. 76-78.

⁵ Deist and Winterson “What is competence?” (2005). *Human Resource Development International*, vol. 8, 1, pp. 27-46.

⁶ Boyatzis R.E. (1982) *The Competent Manager: A Model for Effective Performance*. New York, pp. 131-132.

⁷ Campbell J.P. et al. (1970) *Managerial Behavior, Performance, and Effectiveness*. New York, pp. 73-75.

⁸ Юрьева О.В., Шуганова Д.К. Внедрение технологии оценки управленческих компетенций в систему карьерного планирования руководителей образовательных организаций // Современное искусство экономики. 2012. № 6 (8). С. 13-17.

⁹ Boyatzis R.E., Stubbs L., Taylor S. (2002) Learning cognitive and emotional intelligence competencies through graduate management education. *Academy of Management Journal on Learning and Education*, vol. 1, 2, pp. 150-62.

Поступила в редакцию 06.12.2016 г.

ОПТИМИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СБЫТА

© 2017 Кальшненко Валентина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга,
логистики и рекламы

Самарский государственный экономический университет

443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

© 2017 Сталькина Ульяна Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента

Международный институт рынка

443030, г. Самара, ул. Г.С. Аксакова, д. 21

E-mail: v-kalysenko@yandex.ru, lyana@inbox.ru

Рассматриваются условия формирования системы сбыта товаров; дается сравнительная оценка прямого и косвенного сбыта на основе работы дилера и торгового представительства.

Ключевые слова: сбытовая политика, прямой сбыт, косвенный сбыт, дистрибьютор, дилер, торговый представитель.

Какие бы товары ни производило предприятие, одна из главных задач, которые приходится решать сотрудникам отдела сбыта, - это как увеличить объемы продаж, а сотрудникам отдела маркетинга - как занять большую долю рынка. Безусловно, никто не будет оспаривать важность формирования целевого рынка и качественно подготовленного подхода в позиционировании товаров. Но кроме этого, предприятию необходимо сформировать эффективную сбытовую политику.

Сбытовая политика - это взаимодействие собственных производственно-сбытовых, финансовых, организационно-управленческих и других возможностей, с одной стороны, и со спросом - его размерами, динамикой, структурой - на целевом рынке, конкуренцией, с другой стороны.

Сбытовая политика включает комплекс мероприятий не только по формированию спроса и стимулированию сбыта, но и по заключению договоров, поставке, продаже товаров, хранению, транспортировке товаров, инкассации дебиторской задолженности, организационным, материально-техническим и прочим аспектам сбыта. В соответствии с основными принципами сбытовой политики разрабатывается стратегия и тактика сбыта.

В процессе организации сбыта предприятие имеет возможность использовать прямой или косвенный метод и в зависимости от этого сформировать стратегии охвата рынка сбытовыми структурами:

- эксклюзивный сбыт означает, что только один дилер в определенном географическом регионе имеет право продавать товары данного производителя;

- селективный сбыт предполагает, что производитель выбирает определенное число посредников для продвижения своего продукта на данной территории, сформированное с учетом решения задач организации эффективного сбыта;

- интенсивный сбыт подразумевает поиск большого числа посредников для продвижения своего продукта.

Политика в области сбыта существенно отличается в зависимости от того, кто является продавцом - производитель или посредник.

Прямой сбыт используется как на рынках производственного назначения, так и на потребительских рынках, он эффективен:

- если объем прямых продаж оправдывает затраты на их осуществление;

- товар требует высокоспециализированного сервиса, поэтому производители сложного оборудования не прибегают к услугам независимых посредников;

- количество потребителей невелико и они расположены на относительно небольшой территории, а объем поставляемой партии соответствует транзитной норме.

К косвенному сбыту, т.е. использованию посредников, предприятие прибегает в следующих случаях:

- ограниченный перечень ассортиментного предложения производителя потребителю, который, как правило, требует значительно большего товарного разнообразия, что может обеспечить посредник, концентрируя в наличии товары многих товаропроизводителей;

- специализация используемого предприятием-производителем потенциала, прежде всего кадрового (уметь производить и уметь продавать далеко не одинаковые функции);

- необходимость качественного обслуживания потребителей. Посредник, как правило, располагается в местах нахождения потенциальных потребителей, быстрее приспосабливается к их запросам.

При косвенном сбыте возможно формирование как короткой сбытовой (один-два посредника) цепочки, так и длинной, предполагающей нескольких посредников различного уровня. Посредники при косвенном сбыте представлены, как правило, дистрибьюторами и дилерами.

Дистрибьютор - оптовый посредник, который действует на основании договора, заключаемого с производителем, оговаривая перечень условий - объем продаж, размер и условия товарного кредита, размер торговой наценки, планы по охвату дилерской сети, территория работы. Предполагается, что основная функция дистрибьютора не работа с конечными покупателями, а создание на своих складских мощностях запасов товаров, развитие и поддержание дилерской сети. Поэтому к дистрибьюторам предъявляется ряд требований: наличие современного складского комплекса, финансовые возможности для кредитования дилерской сети, квалифицированный кадровый персонал, наличие дилерской сети.

Дилер - оптовый посредник, осуществляющий продажу от своего имени и за свой счет. Основное отличие дилера от дистрибьютора заключается во взаимоотношениях с потребителями, работа дилеров направлена на конечного потребителя. Исходя из такой ситуации при определении целесообразности работы именно с тем или иным дилером дистрибьютор и производитель должны быть уверены в наличии у дилера возможности выхода на целевую аудиторию. На современных рынках при наличии с точки зрения предложения монополистической конкуренции и сложившихся с точки зрения маркетинга рынков

потребителя роль дилеров в работе каналов сбыта значительно возросла, а именно по той причине, что они являются последним звеном между производителем и конечным потребителем. Дилеры, понимая свою значимость, диктуют свои условия. На рынках потребительских товаров сложилась ситуация, когда дилер выбирает дистрибьютора и товаропроизводителя, анализируя предоставляемые условия работы (цены, маркетинговые программы, логистику, финансовую поддержку, переподготовку персонала), а в дальнейшем решает, будет ли он продолжать работу с ними¹.

Сложившаяся ситуация подмечена М.В. Михалюк: «именно стремительное развитие сферы товарного обращения, выход на рынок форматного сетевого ритейла, его активное продвижение в регионы привели к ослаблению устойчивости традиционной бизнес-модели - оптовой дистрибуции, которая стремительно теряет рынок, к развитию прямых продаж»².

Безусловно, на практике могут возникать различные ситуации при формировании сбытовой сети в рамках как прямого, так и косвенного сбыта. Показательным, на наш взгляд, является создание торгового представительства Альметьевской чулочно-носочной фабрики в Самаре под товарной маркой «Носкофф».

Для торговой марки «Носкофф», начавшей свою работу с 2004 г. и находящейся на стадии внедрения, изначально вариант региональных дилеров-посредников был наиболее приемлем и актуален. Основным дилером была выбрана в Самаре крупная оптовая организация ООО «Внештерминал», взявшая на себя функции:

- транспортировка: действия по перемещению товара от места его производства к месту потребления;

- обеспечение доступности товара в количестве, которое соответствует потребностям конечных потребителей;

- хранение, обеспечение доступа к товару покупателям;

- компоновка, формирование блока специализированных и взаимодополняющих товаров, требуемых в разных ситуациях потребления;

- доступ к удаленным и многочисленным группам покупателей (районные центры Самарской области);

Характеристика издержек на организацию прямого сбыта

Орган распределения	Основные статьи издержек на организацию распределения
Отдел сбыта: сбыт через рекламу с последующим приемом заявок по телефону. Возможна доставка товара	Издержки на рекламу (реклама должна выходить непрерывно), приобретение транспорта на доставку (или аренда транспорта)
Отдел сбыта: сбыт посредством обзвона потребителей. Возможна доставка товара	Издержки на представительские, информационные материалы (прайсы, информационные письма, рекламные листки), оплата телефонных переговоров, приобретение или аренда транспорта
Отдел сбыта: сбыт через торговых агентов и коммивояжеров. Возможна доставка товара	Издержки на представительские, информационные материалы, издержки на комиссионные для агентов, возможна оплата автотранспорта (частичная амортизация) агента или коммивояжера
Продажа через собственную розничную сеть (магазин, ларек, лоток, автомашина)	Издержки, связанные с покупкой или арендой магазина, находящегося не на территории предприятия, охрана розничной точки, приобретение автотранспорта
Сбыт через филиалы и представительства	Издержки на организацию филиала или представительства (поиск партнера, аренда помещения, охрана и т.д.), поддержание его деятельности в течение первых 6-12 месяцев
Сбыт через дочерние предприятия	Издержки на организацию дочернего предприятия (есть риск, что оно в дальнейшем может заниматься другой деятельностью)
Оптово-розничная торговля со склада предприятия	Издержки на организацию склада (ремонт, оснащение оборудованием) и его функционирование (штат, охрана и т.д.)
Продажа на ярмарках, аукционах, выставках, биржах	Издержки на аренду торговой площади, оплата услуг брокеров и аукционистов

- создание информационных связей, изучение потребностей рынка (в данном случае знакомство с торговой маркой “Носкофф”).

Как региональному дилеру, фабрике по условиям договора предоставлялся постоянный лимит дебиторской задолженности 250 тыс. руб. Фабрика отпускала товар с -17 % от фабричной цены (скидки для крупных оптовиков). ООО “Внештерминал” отпускал крупным оптовикам +5 % от базовой, мелким оптовикам +10 % от базовой цены. Продав товара на 100 тыс. руб., оптовик имел 22-27 % прибыли. При этом крупный оптовик, получив сумму по увеличенной цене, продавал мелкому оптовику с накруткой от 5 до 10 %. Это влекло за собой увеличение розничной цены. Конечный потребитель получал чулочно-носочные изделия торговой марки “Носкофф” по более высокой цене в сравнении с чулочно-носочными изделиями других российских производителей, что влекло за собой ограниченный объем сбыта. Не выбирался нужный объем для г. Самары и Самарского региона. Закупался ассортимент по усмотрению ООО “Внештерминал”, но не полный номенклатурный ряд фабрики, что вело

к представлению не всего количества ассортимента. Как следствие - малые объемы продаж. “Внештерминал”, являясь независимой структурой, закупал товары на удобные ему суммы. График закупок ежемесячно нарушался.

После двух лет работы, несмотря на определенную результативность, стало ясно, что деятельность ООО “Внештерминал” не соответствовала потенциальным возможностям г. Самары и области. Практически не было увеличения роста продаж, продажи были сосредоточены в основном в Самаре, не были задействованы районы области. Кроме того, имело место формирование имиджа посредника за счет торговой марки и имиджа производителя, учитывая, что производитель осуществлял рекламу изделий в журнале “Цены”. Руководство торгового дома фабрики пришло к выводу, что дальнейшая работа в этом регионе на основе “диктата” дилера ООО “Внештерминал” является для нее тупиковой. Для принятия решения требовалась оценка статей затрат при переходе на прямой сбыт через создание торгового представительства (см. табл. 1).

**Оптимизация инструментов маркетинга при сравнении сбыта
через собственные представительства и дилерскую сеть**

Инструмент маркетинга	Торговое представительство	Дилер (посредник)
Ценовая политика	Единая отпускная цена, стремление к единой розничной цене, умеренная торговая наценка	Дифференциация цен с ориентацией на регион, высокие торговые наценки для розницы
Продуктовая политика	Удержание своего товара на рынке, как правило, активная торговая политика	Выбор ограниченного товарного ассортимента товара
Распределительная политика	Крупные заказы, крупные постоянные посредники или потребители, использование всего ассортимента	Малые объемы заказа, увеличение затрат на обслуживание дилера
Рекламно-имиджевая политика	Продвижение своей торговой марки, формирование имиджа производителя	Формирование имиджа посредника за счет торговой марки и имиджа производителя

Целями создания регионального представительства были:

- обеспечить максимальный ассортимент продукции, доступный в регионе;
- обеспечить достаточное количество товара для удовлетворения спроса;
- помимо каналов сбыта продукции крупным оптовикам, выйти на прямое обеспечение мелко-го опта и розничных продавцов для увеличения максимальной прибыли за счет сокращения объема скидок;
- обеспечить через оптимизацию каналов сбыта доступных конкурентных цен в сравнении с другими производителями;
- увеличить долю рынка, принадлежащую "Носкофф", через больший охват розничных то-

рыми фабрика представляет себя на рынке³ (см. табл. 2).

Представим результаты проведенной реорганизации системы сбыта:

- изменилась система взаимоотношений торгового дома фабрики и представительства;
- представительства находятся в подчинении торгового дома, подчиняются приказам, следуют инструкциям информационных писем и т.д.;
- ведется единая бухгалтерия, ежемесячные отчеты о продажах, проделанной работе за 7 календарных дней;
- осуществляется обсуждение условий заключения договора предоплаты, консигнации, реализации;

3

Система стимулирующих скидок

Система скидок при дилерской системе	Предлагаемая система скидок при системе представительства
От 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб. - 5 %	От 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб. - 3 %
От 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб. - 10 %	От 100 тыс. руб. до 300 тыс. руб. - 5 %
От 200 тыс. руб. и выше - 15 %	От 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб. - 10 %
	От 500 тыс. руб. и выше - 15 %

чек и заключение прямых договоров с национальными магазинами национальных розничных сетей;

- обеспечить получение достоверной и объективной информации о спросе и условия для корректировки производственных процессов.

Для принятия окончательного решения анализировались инструменты маркетинга, с кото-

- сформирована система стимулирующих мероприятий (табл. 3).

Оценивая проведенную реорганизацию, которая позволила в первый же месяц увеличить объем продаж на 4 %, следует отметить необходимость постоянного учета изменяющихся условий на рынке. Маркетинговые и управленческие решения влияют на процесс оптимизации бюджета

та предприятия⁴. В частности, рассматриваемая нами система сбыта как непрерывный процесс требует совершенствования, обоснования и реализации наиболее рациональных форм, методов, способов и путей ее создания (реструктурирования) и развития, рационализации ее отдельных сторон, контроля и выявления “узких мест” на основе непрерывной оценки соответствия системы контроля внутренним и внешним условиям функционирования организации.

¹ Голубин Е.В. Дистрибуция. Формирование и оптимизация каналов сбыта. Москва, 2006. С. 26.

² Михалюк М.В. Перспективные направления и особенности развития цепей поставок многоканального ритейла на потребительском рынке // Экономические науки. 2016. № 4 (137). С. 32-39.

³ Михайлов А.М. Проблемы выбора маркетинговых стратегий на корпоративном уровне // Экономические науки. 2014. № 6 (115). С. 89-93.

⁴ Михайлов А.М., Тойменцева И.А. Влияние маркетинговых и управленческих решений на процесс оптимизации бюджета предприятия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 12. С. 16-19.

Поступила в редакцию 05.12.2016 г.

РЕЗЕРВЫ СНИЖЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ В БУРОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

© 2017 Ладошкин Альберт Иванович

доктор экономических наук, профессор

© 2017 Майорова Ирина Альбертовна

кандидат экономических наук

© 2017 Харитоновна Елена Альбертовна

кандидат экономических наук

Самарский государственный технический университет

443100, Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

E-mail: ladoshehka@mail.ru

Рассматриваются механизмы количественной оценки внутренних резервов снижения затрат на предприятиях нефтедобывающего комплекса и принципы их реализации на примере эффективного использования материальных ресурсов в буровых организациях.

Ключевые слова: резервы, анализ, буровые организации, материальные ресурсы, экономия, стимулирование.

Под резервами снижения затрат на предприятии понимаются неиспользованные возможности сокращения текущих и авансируемых материальных, финансовых и трудовых ресурсов на все виды деятельности.

На практике выделяют два основных направления использования данных резервов:

1) внедрение достижений научно-технического прогресса как главного рычага повышения эффективности производства;

2) устранение всякого рода потерь и нерациональных затрат за счет внутренних организационно-экономических факторов.

С позиции предприятия и в зависимости от источников образования все резервы можно разделить на внешние и внутренние.

Под внешними резервами понимаются общие народно-хозяйственные, а также отраслевые и региональные резервы, например, концентрация капитальных вложений в более перспективных отраслях. Использование внешних резервов положительно отражается на экономических показателях предприятий, но главным источником экономии на них являются внутрипроизводственные (внутренние) резервы.

Под внутренними резервами снижения затрат на предприятии понимаются ожидаемые результаты от внедрения организационно-экономических мероприятий, которые способствуют сокращению производственных издержек. Для прак-

тического использования данных резервов необходимо:

1) количественно оценить их по отдельным направлениям;

2) разработать соответствующие организационно-экономические мероприятия для последующего их внедрения с учетом финансовых возможностей предприятия и прочих ограничений.

Количественная оценка внутренних резервов предприятия производится на основе анализа его производственно-хозяйственной деятельности¹. Основным результатом данного анализа должны быть: сопоставимая постатейная оценка фактически достигнутых результатов по сравнению с плановыми (базовыми) показателями, выявленные причины их несоответствия и необходимая исходная информация для разработки мероприятий по повышению эффективности производства.

Перед проведением анализа пересчитывается сметная стоимость и плановая себестоимость на фактически выполненный объем работ за вычетом из полученной суммы затрат, не предусмотренных сметой.

Сам анализ проводится в несколько этапов. На первом этапе рекомендуется использовать метод элиминирования для учета внешних ценовых факторов в затратах². Например, по статье "Прокат оборудования" затраты рассчитываются по формуле

$$Z_{ПП} = P \cdot T, \quad (1)$$

где T - время проката, сут;

P - расценка, денежных единиц (д.е.) за 1 сут проката.

Из формулы видно, что фактическое изменение затрат по данной статье $\Delta Z_{\text{ПР}}$ может быть вызвано:

а) отклонением фактического времени проката ($T_{\text{Ф}}$) от планового ($T_{\text{ПЛ}}$) - ΔZ_T ;

б) изменением расценок ΔZ_P

$$\Delta Z_{\text{ПР}} = \Delta Z_T + \Delta Z_P, \quad (2)$$

где $\Delta Z_T = (T_{\text{Ф}} - T_{\text{ПЛ}}) \cdot P_{\text{ПЛ}}$;

$$\Delta Z_P = (P_{\text{Ф}} - P_{\text{ПЛ}}) \cdot T_{\text{Ф}}.$$

Значение ΔZ_P не зависит от деятельности предприятия, и поэтому его относим к внешнему фактору. Значение ΔZ_T во многом зависит от деятельности самого предприятия, поэтому на первом этапе относим его к внутренним резервам снижения затрат.

Аналогичный анализ проводится по статье “Материалы”, где в качестве основы используется формула

$$Z_M = \alpha \cdot Q \cdot c, \quad (3)$$

где α - норма расхода материала на единицу продукции;

Q - объем выпуска продукции;

c - стоимость материалов.

Используя метод элиминирования и учитывая корректировку планового объема работ на фактически выполненный, имеем

$$\Delta Z_M = \Delta Z_{\alpha} + \Delta Z_c, \quad (4)$$

где $\Delta Z_{\alpha} = (\alpha_{\text{Ф}} - \alpha_{\text{ПЛ}}) \cdot C_{\text{ПЛ}} \cdot Q_{\text{Ф}}$;

$$\Delta Z_c = (C_{\text{Ф}} - C_{\text{ПЛ}}) \cdot \alpha_{\text{Ф}} \cdot Q_{\text{Ф}}.$$

По остальным статьям затрат на первом этапе анализа с применением метода элиминирования могут быть рекомендованы формулы, представленные в табл. 1³.

Рассмотрим условный пример. Предположим, что предприятие за отчетный период (год) имело следующие показатели (гр. 2, 3, 4 в табл. 2). Для упрощения затраты по статье “Энергия” объединили с затратами по материалам. В гр. 5, 6 табл. 2 приведены результаты расчетов по факторам.

В результате постатейного анализа на первом этапе была дана предварительная оценка внутренних резервов снижения затрат на предприятии.

На втором этапе по каждой статье затрат с применением принципа детализации проводится более углубленный анализ, например, по отдельным видам использованных материалов, оборудования, транспортным средствам и т.д., и выявляются причины перерасхода по ним. На дан-

1

Формулы постатейного анализа

Статья затрат	Расчетная формула	Формулы оценки факторов	
		внешних	внутренних
1. Материалы	$Z_M = \alpha \cdot Q \cdot c$, где α - норма расхода на единицу продукции; Q - объем выпуска продукции; c - цена материала	$\Delta Z_c = (C_{\text{Ф}} - C_{\text{ПЛ}}) \cdot \alpha_{\text{Ф}} \cdot Q_{\text{Ф}}$	$\Delta Z_{\alpha} = (\alpha_{\text{Ф}} - \alpha_{\text{ПЛ}}) \cdot C_{\text{ПЛ}} \cdot Q_{\text{Ф}}$
2. Заработная плата	$\Phi = Ч \cdot З$, где $Ч$ - численность персонала; $З$ - годовая зарплата 1 работника		$\Delta \Phi_{\text{Ч}} = (Ч_{\text{Ф}} - Ч_{\text{ПЛ}}) \cdot З_{\text{ПЛ}}$ $\Delta \Phi_{\text{З}} = (З_{\text{Ф}} - З_{\text{ПЛ}}) \cdot Ч_{\text{Ф}}$
3. Энергия	$Z_{\text{Э}} = \text{Э} \cdot Ц$, где Э - расход энергии; $Ц$ - цена кВт·ч	$\Delta Z_{\text{Ц}} = (Ц_{\text{Ф}} - Ц_{\text{ПЛ}}) \cdot \text{Э}_{\text{Ф}}$	$\Delta Z_{\text{Э}} = (\text{Э}_{\text{Ф}} - \text{Э}_{\text{ПЛ}}) \cdot Ц_{\text{ПЛ}}$
4. Транспорт	$Z_{\text{ТР}} = S \cdot h \cdot a$, где S - пробег, км; h - норма ГСМ на 1 км; a - стоимость ГСМ	$\Delta Z_a = (a_{\text{Ф}} - a_{\text{ПЛ}}) \cdot h_{\text{Ф}} \cdot S_{\text{Ф}}$	$\Delta Z_h = (h_{\text{Ф}} - h_{\text{ПЛ}}) \cdot S_{\text{ПЛ}} \cdot a_{\text{ПЛ}}$ $\Delta S_3 = (S_{\text{Ф}} - S_{\text{ПЛ}}) \cdot h_{\text{Ф}} \cdot a_{\text{ПЛ}}$
5. Прокат оборудования	$Z_{\text{ПР}} = P \cdot T$, где T - время проката; P - расценка	$\Delta Z_P = (P_{\text{Ф}} - P_{\text{ПЛ}}) \cdot T_{\text{Ф}}$	$\Delta Z_T = (T_{\text{Ф}} - T_{\text{ПЛ}}) \cdot P_{\text{ПЛ}}$

Пример постатейного анализа методом элиминирования

Статья затрат	Отчетные показатели			Факторы	
	План	Факт	Δ	внешние	внутренние
1	2	3	4	5	6
1. Материалы	32 000	38 720	+6720	3520	3200
<i>Q</i>	160	160			
<i>a</i>	10	11			
<i>c</i>	20	22			
2. Заработная плата	67 200	67 800	+600		600
<i>Ч</i>	560	565			
<i>З</i>	120	120			
3. Транспорт	600 000	687 960	+87 960	32 760	55 200
<i>S</i>	250	252			
<i>h</i>	120	130			
<i>a</i>	20	21			
4. Прокат оборудования	126000	129150	+3150	2650	500
<i>T</i>	260	265			
<i>P</i>	100	110			
5. Прочие расходы	300 000	320 000	+20 000		20 000
Итого	1 125 200	1 243 630	+118 430	38 930	79500

ном этапе должны учитываться отраслевые особенности деятельности предприятий, принципы взаимоотношения их структурных подразделений с учетом экономических интересов последних. Данный углубленный анализ зачастую носит индивидуальный характер.

В целом, предложенный алгоритм оценки внутренних резервов снижения затрат был апробирован в ряде организаций, осуществляющих строительство скважин. В результате оценки выборочной группы скважин были выявлены внутренние резервы снижения их себестоимости в размере 12 млн руб.

Из приведенной табл. 3 видно, что основные резервы снижения буровых затрат приходятся на материалы.

Исследования показали, что большие возможности снижения затрат на строительство скважин, связанные с материально-техническим

обеспечением объектов, заложены, с одной стороны, в разработке и реализации организационно-экономических мероприятий, направленных на совершенствование транспортно-складского хозяйства⁴ и принципов согласованного взаимодействия структурных подразделений, прямо или косвенно участвующих в строительном процессе⁵.

С другой стороны, снижение данных затрат может быть достигнуто путем рационального использования материальных ресурсов, выделенных на бурение, во взаимосвязи с эффективной природоохранной деятельностью вообще⁶ и в нефтедобывающем регионе в частности⁷.

Экономии на материалах можно получить двойным путем:

1) за счет сокращения их удельного расхода на 1 м проходки скважины;

2) за счет утилизации неиспользованных материалов.

Затраты на бурение

Статья затрат	Отчетные данные, млн руб.			В том числе по факторам	
	план	факт	отклонения	внешние	внутренние
1. Материалы	81	93	+12	+7	+5
2. Заработная плата	11	13	+2		+2
3. Транспорт	32	35	+3	+1	+2
4. Прокат оборудования	58	67	+10	+9	+1
5. Энергия	13	14	+1	+0,5	+0,5
6. Прочие затраты	5	10	+5	+3,5	+1,5
Итого	200	233	+33	+21	+12
Итого внутренние резервы					+12

где C_3 - закупочная цена материала от “внешнего” поставщика с учетом транспортных расходов.

При этом оборотная ведомость для учета материальных ресурсов на складах должна быть дополнена новыми графами (табл. 4).

Таким образом, предложенные рекомендации позволят не только снизить материальные затраты на бурение скважин, но и улучшить экологическую ситуацию в нефтедобывающем регионе.

¹ Савичев П.И. Экономический анализ - орудие выявления внутрихозяйственных резервов. Москва, 2003.

² Организация, планирование и управление предприятиями нефтяной и газовой промышленности : учеб. для вузов / под ред. А.Д. Бренца, А.Е. Тищенко. Москва, 1986.

³ Ладюшкина И.А. Механизм оценки и реализации внутренних резервов снижения себестоимости на

предприятиях нефтедобывающего комплекса. Самара, 2007.

⁴ Денисов В.Т., Ладюшкин А.И. Принципы оптимизации материально-технического снабжения и транспортного обслуживания в региональных нефтедобывающих комплексах // Вестник Академии экономических наук Украины. 2004. № 1 (5). С. 129-131.

⁵ Ладюшкин А.И., Майорова И.А., Харитонова Е.А. Организационные факторы снижения затрат в нефтедобывающем производстве // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 1. С. 60-64.

⁶ Ладюшкин А.И., Денисов В.Т. Оптимизация управленческих решений при реализации проектов природоохранной деятельности // Вестник СамГТУ. 2013. № 1 (7). С. 175-179.

⁷ Ладюшкин А.И., Харитонова Е.А. Повышение эффективности природоохранной деятельности в буровых организациях // Вестник СамГТУ. 2013. № 2 (8). С. 164-168.

Поступила в редакцию 03.12.2016 г.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

Scientific and Information Journal

№ 1
2017

Editorial Council

A.P. Torshin - PhD in Jurisprudence, Chairman of the Editorial Board

E.M. Ashmarina - Doctor of Jurisprudence, Professor, Russian University of Justice, Chief Editor of journal "Economic and Law Issues"

A.G. Lisitsyn-Svetlanov - Doctor of Jurisprudence, Professor, Director of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov - Doctor of Economics, Professor

Iu. V. Golik - Doctor of Jurisprudence, Professor

S.N. Silvestrov - Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

A.V. Meshchero - Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of journal "Economic Sciences"

A.A. Liverovskii - Doctor of Jurisprudence, Professor, Dean of Law Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance (FINEK)

Editorial Board

E.M. Ashmarina - Doctor of Jurisprudence, Professor, Russian University of Justice (Chief Editor of journal "Economic and Law Issues")

O.Iu. Bakaeva - Doctor of Jurisprudence, Professor, Saratov State Academy of Law

V.V. Bolgova - Doctor of Jurisprudence, Professor, Samara State University of Economics, Editorial Secretary

A.A. Pavlushina - Doctor of Jurisprudence, Professor, Director of Law Institute of Samara State University of Economics

A.A. Alekseev - Doctor of Economics, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics

S.A. Mahosheva - Doctor of Economics, Institute of Computer Science and Problems of Regional Management of KBSC of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov - Doctor of Economics, Professor, Samara State University of Economics

V.V. Simonov - Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University

I.A. Shuliatiev - PhD in Jurisprudence, Financial University under the Government of the Russian Federation

Subscription index **70180 (Agency "Rospechat")**

The Certificate of registration of mass media ПИ №ФС 77-31419 from 06.03.2008 is issued by Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection.

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Chief Editor - Doctor of Jurisprudence, Professor **E.M. Ashmarina**
Editorial Secretary - Doctor of Jurisprudence, Professor **V.V. Bolgova**

Editor - *I.N. Loshkareva*
Computer editing and design - *O.V. Egorova*

Founder - LLC "Economic Sciences"
(3-775, Chapaevskii per., Moscow, 125057, Russia)

© Economic and Law Issues, 2017

Issue date 31.01.2017. Format 60x84/8. Offset printing 1000 copies.
Printed signatures 11,16 (12,0). Publisher's signatures 13,33. Order №

Printed by "24 Print" Ltd

Scientific and Information Journal

IN THE NUMBER:

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;

HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Ashmarina E.M. Economic law and neoinstitutionalism	82
Tkachenko S.A. Sub-national integration processes and their impact on the legal system of the Russian Federation	82
Stakhov A.I. About the necessity of modernization of the Russian code of administrative offences in conditions of a developing system of relations of private property	83
Golovushkina N.V. The Concept of Positive Law Enforcement	84
Golovushkina N.V. On the Types of Positive Law Enforcement	85
Khavzhokova M.M., Khavzhokova Z.B., Kokova L.R., Shogenova F.O. On the question of criminal and legal assessment of the criminal lack of medical care	85
Khavzhokova M.M., Khavzhokova Z.B., Beituganova Z.Kh., Zumakulova Z.A. Innocent health care workers	86

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

Koroliova E.Iu. Legal regulation of the procedure of providing housing and communal services to citizens	86
---	----

INTERNATIONAL LAW. EUROPEAN LAW

Masaev M.U. Criteria for applicability of the UNIDROIT convention on international factoring to the specific factoring contracts	88
Dmitrieva V.V. Inter-state cooperation to combat international cyber terrorism on the example of the European Union	88

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMIC THEORY

Gerasimova S.V. Optimization of strategic competitiveness of services in the conditions of economic uncertainty of complex structure	90
Iurieva O.V., Kadnikov V.A., Soloviev N.V. Competence approach in human resource management	91

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

Kalyshenko V.N., Stalkina U.M. Optimization of the distribution system	92
Ladoshkin A.I., Maiorova I.A., Kharitonova E.A. Reserves to reduce material costs in drilling organizations	93

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

ECONOMIC LAW AND NEOINSTITUTIONALISM

© 2017 Ashmarina Elena Mikhailovna
Doctor of Jurisprudence, Professor, academician RANS
Head of the Chair of Legal Support of Economic Activity
Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaia str., Moscow, 117418, Russia
E-mail: elena-mikhaylovna@ya.ru

The article is devoted to analysis of the separate positions of lawful science and of neoinstitutionalism (uniformity and differences).

Key words: economy, law, economic law, institutionalism, neoinstitutionalism, rule-of-law state, economic interest.

References

1. Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. (2015) Economic Law and the economic theory. *Gosudarstvo i pravo*, 1, pp. 57-70.
2. Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. (2016) Economic Law as the science. *Gosudarstvo i pravo*, 3, pp. 54-65.
3. Ershov V.V. (2014) Verhovenstvo Prava - the concept of doktrina? *Rossiyskoe pravosudie*, 6.
4. Ershov V.V., Ashmarina E.M., Kornev V.N. (2015) Economic Law as the mega-branch of Russian Law: its object and the system. *Gosudarstvo i pravo*, 7, pp. 5-16.
5. Ershov V.V. (2009) System of the forms of the Law of Russian Federation. *Rossiyskoe pravosudie*, 1, pp. 305-311.
6. Iakovlev V.F. (2016) Russia - Pravovoe Gosudarstvo. In: *Verhovenstvo Prava and the rule-of-law state: the problem of theory and practice : materials X of international practical-scientific conference (13-16 April 2015 g.)*, Moscow.

Received for publication on 30.11.2016

SUB-NATIONAL INTEGRATION PROCESSES AND THEIR IMPACT ON THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2017 Tkachenko Sergei Alexandrovich
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaia str., Moscow, 117218, Russia
E-mail: tkachenko.s.a.@yandex.ru

Formation of the law - it is a long historical process, which takes a number of steps. The initial step in the complex process of the formation of the legal system acts somehow ideologically expression of integration processes at various levels, through which ensured the coordination of social justified freedom of the individual and the particular interests of the cultural-historical community in which it operates. This approach is developed in this article through the opening of the Sub-national level of formation of legal systems.

Key words: right, legal system, formation of the legal system, the legal origin, integration processes, economic integration.

References

1. Emelianov A.S. (2006) Konstitucionnaya reforma: uridicheskie, politicheskie i ekonomicheskie aspekti ukрупneniy subektov Rossiyskoi Federacii [Constitutional reform: legal, political and economic aspects of enlargement of constituent entities of the Russian Federation]. *Publichno-pravovye issledovaniya*, 1. Ejegodnik Centra publichno-pravovih issledovaniy / gl. Red. A.N. Kozirin. Moscow, pp. 19-39.
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossiyskoi Federacii ot 17 iyuny 1996 № 73-O (1996). *SZ RF*, 31, st. 3837.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossiyskoi Federacii ot 14 iyulya 1997 № 12-P po delu o tolkovanii soderzhashego v chasti 4 snatmi 66 Konstitucii Rossiyskoi Federacii polozeniy o vhojdenii avtonovnogo okruga v sjstav kray, oblasti (1997). *SZ RF*, 29, st. 3581.
4. Jeleznova U., Elovskiy D. (2004) Ust-Ordinci "prodali okrug" ne okonchatelno [Ust-the Horde "sold district" inconclusive]. *Komersant. Vostochnay Sibir*, 90, p. 8.
5. Provalili referendum [Failed referendum] (2000). *Panorama okruga*, 114-115.
6. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2014 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2014]. *Rossiy segodny*. Available from: <http://www.riarating.ru/infografika/20150616/610658857.html>.
7. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2013 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2013]. *Rossiy segodny*. Available from: <http://www.riarating.ru/infografika/20140523/610617608.html>.
8. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2012 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2012]. *Rossiy segodny*. Available from: http://riarating.ru/regions_study/20130610/610567066.html.
9. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2011 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2011]. *Rossiy segodny*. Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2011.pdf.
10. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2010 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2010]. *Rossiy segodny*. Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2011.pdf.
11. Reitingi socialno-ekonomicheskogo pjljjeniy subektov Rossiyskoi Federacii v 2009 godu [Rating of socio-economic status of subjects of the Russian Federation in 2009]. *Rossiy segodny*. Available from: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2009.pdf.
12. Ukрупnenie subektov - tema nadumannay [The enlargement of the subjects - a topic of far-fetched] (2003). *Aginskay pravda*, 9 sent.

Received for publication on 03.12.2016

ABOUT THE NECESSITY OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES IN CONDITIONS OF A DEVELOPING SYSTEM OF RELATIONS OF PRIVATE PROPERTY

© 2017 Stakhov Alexander Ivanovich
Doctor of Jurisprudence, Professor,
Head of the Department of Administrative and Legal Studies
Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaia str., Moscow, 117418, Russia
E-mail: elena-mikhaylovna@ya.ru

The article reveals the existing conflicts and legal uncertainty of the procedural and substantive norms of the Russian code of administrative offences that lead to the need of modernization in a developing system of relations of private property. Put forward a proposal to organize legislative work on the

modernization of the administrative code of the Russian Federation, aimed at ensuring harmonization of the legislation on administrative offenses with the legislation regulating the procedure for state control and supervision bodies of Executive power, and also any other duly authorized administrative-public bodies.

Key words: administrative responsibility of legal entities, administrative responsibility of individual entrepreneurs, manufacture on Affairs about administrative offences, mandatory requirements, control and Supervisory authorities.

Received for publication on 06.12.2016

THE CONCEPT OF POSITIVE LAW ENFORCEMENT

© 2017 Golovushkina Natalia Vladimirovna
Samara State University of Economics
141, Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, Russia
E-mail: vasten@mail.ru

The author attempts to characterise the concept and attributes of positive law enforcement at law, describe the existing approaches to its definition, as well as define its meaning within the system of legal procedures and legal process in general.

Key words: positive law enforcement procedure, positive law enforcement, legal procedure, legal process, judicial process.

References

1. Alexeev S.S. (1975) *Pravo v nashej zhizni* [Law in our Lives]. Sverdlovsk.
2. Bashirova S.G. (2007) *Yuridicheskie procedury v chastnom prave* [Legal Procedures in Private Law]. Thesis <...> Candidate of Juridical Sciences. Kazan.
3. Barishpolskaia T.Iu. (1988) *Grazhdanskie process i procedura: Ponyatie, sluzhebnyaya rol', problemy teorii i praktiki* [Civil Process and Procedure: Concept, Role, Theoretical and Practical Problems]. Author's Abstract <...> Candidate of Juridical Sciences. Tomsk.
4. Pavlushina A.A. (2002) *Teoriya yuridicheskogo processa i ee znachenie dlya razvitiya rossijskoj pravovoj sistemy v perekhodnyj period* [The Theory of Legal Process and its Role in the Development of the Russian Legal System during the Transition Period]. *Vestnik Nizhegorodskogo gos. universiteta Im. N.I. Lobachevskogo*. Seriya "Pravo": Mater. Vseros. Nauch. Konf. "Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v perekhodnyj period". Nizhni Novgorod, 1 (5).
5. Panova I.V. (1998) *Yuridicheskij process* [Legal Process]. Saratov.
6. Protasov V.N. (1991) *Yuridicheskaya procedura* [Legal Procedure]. Moscow.
7. Sokolov T.V. (2014) *Process vs. procedura: sinonimichnye ponyatiya ili razlichnye pravovye yavleniya? (teoreticheskie aspekty)* [Process vs. Procedure: Synonyms or Different Legal Concepts? (Theoretical Aspects)]. *Yuridicheskie zapiski*, 2.
8. Soldatova O.E. (2014) *Yuridicheskij process (teoretiko-pravovoj aspekt)* [Legal Process (Theoretical and Legal Aspect)]. Thesis by Candidate of Juridical Sciences. Cheliabinsk.
9. On Purchase of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities: Federal Law No. 223-FZ dated 18 July 2011 (2011). *Official Gazette*, issue 30 (p. I), art. 4571.
10. On the Contract System in the Purchase of Goods, Works, and Services for Public and Municipal Needs: Federal Law No. 44-FZ dated 5 April 2013 (2013). *Official Gazette*, issue 14, art. 1652.

Received for publication on 06.12.2016

ON THE TYPES OF POSITIVE LAW ENFORCEMENT

© 2017 Golovushkina Natalia Vladimirovna
Samara State University of Economics
141, Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, Russia
E-mail: vasten@mail.ru

The article dwells upon the types of positive law enforcement. The author defines positive law enforcement, considers its various classification criteria, analyses the importance of the classification for the study of general theoretical problems of positive law enforcement.

Key words: Legal process, legal procedure, positive law enforcement, positive law enforcement procedure, types of positive law enforcement procedures.

References

1. Bashirova S.G. (2007) *Yuridicheskie procedury v chastnom prave* [Legal Procedures in Private Law]. Thesis <...> Candidate of Juridical Sciences. Kazan.
2. The Theory of Legal Process (1985). Ed. V.M. Gorshenev. Kharkiv.
3. Pavlushina A.A. (2012) *Teoriya yuridicheskogo processa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya* [The Theory of Legal Process: Results, Issues, Prospects]. Germany.
4. Protasov V.N. (1993) *Teoreticheskie osnovy pravovoj procedury* [Theoretical Basics of the Legal Procedure]. Thesis <...> Candidate of Juridical Sciences. Moscow.

Received for publication on 06.12.2016

**ON THE QUESTION OF CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT
OF THE CRIMINAL LACK OF MEDICAL CARE**

© 2017 Khavzhokova Margarita Muhamedovna
© 2017 Khavzhokova Zalina Borisovna
PhD in Jurisprudence, Associate Professor
© 2017 Kokova Liana Ruslanovna
PhD in Jurisprudence, Associate Professor
© 2017 Shogenova Fatima Olegovna
PhD in Economics, Associate Professor
Kabardino-Balkar State University
173, Chernyshevski str., Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia
E-mail: mkhavzhokova@mail.ru, rado10101@rambler.ru, Shogenova75@mail.ru, vettik.k@mail.ru

This article is devoted to analysis of the most important and controversial issues of criminal-legal assessment of lack of medical care to the patient. Particular attention is paid to qualifying criminally wrongful acts of medical workers.

Key words: health, medical care, criminal omission, criminal responsibility.

Received for publication on 05.12.2016

INNOCENT HEALTH CARE WORKERS

© 2017 Khavzhokova Margarita Muhamedovna

© 2017 Khavzhokova Zalina Borisovna

PhD in Jurisprudence, Associate Professor

© 2017 Beituganova Zalina Khazhmuratovna

© 2017 Zumakulova Zarema Ahmatovna

PhD in Jurisprudence, Associate Professor

Kabardino-Balkar State University

173, Chernyshevski str., Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia

E-mail: mkhavzhokova@mail.ru, rado10101@rambler.ru, beituganova7890@gmail.ru,

musukova_malika@mail.ru

Analyses of the application of non-criminal harm to the life and health of the patient during medical intervention. Special attention is paid to the problem of a proper understanding of the term “medical error”.

Key words: doctor, patient, life, health, injury, medical mishap, medical error.

Received for publication on 05.12.2016

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW**LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE OF PROVIDING HOUSING AND COMMUNAL SERVICES TO CITIZENS**

© 2017 Koroliova Ekaterina Iurievna

Smolensk institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economic

21, Normandie-Niemen str., Smolensk, 214030, Russia

E-mail: ekaterina_ket@list.ru

One of the problems that hinder high quality provision of housing and communal services are the shortcomings of legislative regulation of this process. The article discusses the features of interaction between supplier and consumer of housing and communal services in the framework of the contractual relationship. Given the existing shortcomings of legal regulation of this type of relationship.

Key words: housing and communal services, consumer, contractor, quality of services.

The contractor will undertake the provision of public services consumer in accordance with the conditions of the contract between them the contract. Of services by the contractor under the contract, depending on the method of home management can be a management company, homeowners association or directly to the resource supplying organization. Under the terms of the contract, the contractor agrees to provide to the consumer all types of housing and communal services in accordance with established standards indicators of quality and the consumer, in turn, undertakes to accept and pay these services in full. The interaction between the contractor and the consumer of housing services, along with the contract, regulated by Rules of granting of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and houses approved by the resolution of the RF Government 06.05.11 No. 354.

The rules for the provision of utility services (Chapter X) establishes the order of the consumer and the contractor in case of granting of utilities of inadequate quality. The consumer, in the event of

problems with the supply of utility services is obliged to notify in an emergency-dispatcherskaya service contractor is responsible for notifying the contractor lies with the consumer. If the corresponding signal is not received, the contractor is not able to react to the situation. In the case of incomplete and untimely payment by the consumer of utilities (within two months p. 118 Chapter XI of the Rules), the contractor has the right to terminate their provision. However, the limitation or suspension of the contractor to provide utilities, may lead to violation of the rights to receive utility services by consumers, fully meeting the obligation (clause 121 of the Rules). Therefore, this rule does not apply.

Applicable law in some detail issues were addressed by provision of public services (quality, order, price). But the consumer also acquires services from the contractor either directly from the organization, requirements to which are established by the Rules of technical operation of housing fund. The calculation of the fee for this service, the contractor will undertake on their own and then negotiate the fare with the consumer. But the consumer is not always a clear mechanism for the calculation of fees for this service (e.g., elevator maintenance, garbage collection). The legal order of the statement of charges for services at the General meeting of apartment owners is not practically enforced. Insufficiently regulated by law in the collection of funds for the implementation of the overhaul of the building: the authorities force the owners to deposit funds in a citywide major repair fund instead of enabling the creation of such funds for each house separately.

The insufficient legal regulation of the procedure of granting housing-utilities to consumers creates a problem of ensuring the rights of consumers for services that meet the quality requirements.

References

1. O predostavlenii kommunal'nyh uslug sobstvennikam i pol'zovatelyam zhilyh pomeshchenij v mnogokvartirnyh domah i zhilyh domov: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 06.05.11. № 354 (2011) [About provision of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential houses (together with the Rules of granting of utilities to owners and users of premises in apartment buildings and houses): the RF Government decree № 354 06.05.11]. *Rossijskaya gazeta = The Russian newspaper*, 116.

2. Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 №188-FZ (red. ot 28.12.2016) (s izm. i dop. vstup. v silu s 01.01.2017) [Housing code of the Russian Federation from 29.12.2004 №188-FZ (2005) (ed. from 28.12.2016) (Rev. and additional joined. effective from 01.01.2017)]. *Rossijskaya gazeta = The Russian newspaper*, 1.

3. GOST R 51617-2014. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Usługi zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva i upravleniya mnogokvartirnymi domami. Kommunal'nye uslugi. Obshchie trebovaniya", utv. Prikazom Rosstandarta ot 11.06.14. № 544-st. Dokument opublikovan ne byl [GOST R 51617-2014. National standard of the Russian Federation. The services of housing and communal services and management of apartment buildings. Utilities. General requirements", approved. By the order of Rosstandart on 11.06.14. No. 544-article. The Document was not published].

4. Ob utverzhdenii Pravil sodержaniya obshchego imushchestva v mnogokvartirnom dome i pravil izmeneniya razmera platy za sodержanie i remont zhilogo pomeshcheniya v sluchae okazaniya uslug i vpolneniya rabot po upravleniyu, sodержaniyu i remontu obshchego imushchestva v mnogokvartirnom dome nenadlezhashchego kachestva i (ili) s pereryvami, prevyshayushchimi ustanovlennuyu prodolzhitel'nost': postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.08.06 № 491 [About approval of Rules of content of common property in an apartment house and rules of change of the amount of payment for the maintenance and repair of premises in case of rendering of services and execution of works management, maintenance and repair of common property in an apartment house of inadequate quality and (or) with breaks, exceed the duration of the resolution of the Government of the Russian Federation No. 491 dated 13.08.06 (2006)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF = Meeting of the legislation of the Russian Federation*, 34, art. 3680.

5. Ob utverzhdenii "Metodicheskikh ukazaniy po raschetu stavok platy za najm i otchislenij na kapital'nyj remont zhilyh pomeshchenij, vklyuchaemyh v stavku platy za sodержanie i remont zhil'ya (tekhnicheskoe obsluzhivanie), municipal'nogo gosudarstvennogo zhilishchnogo Fonda: prikaz Ministroya RF ot 02.12.96 №17-152. Dokument opublikovan ne byl [On approval of the "Methodological

guidelines for the calculation of payment rates for employment and contributions for capital repairs of residential premises included in the rate of payment for the maintenance and repair of housing (maintenance), municipal public housing: the order of the Ministry of the Russian Federation No. 17-152 from 02.12.96. The document was not published].

6. O voprosah predostavleniya kommunal'nyh uslug i sodержaniya obshchego imushchestva v mnogokvartirnom dome: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.16 № 1498 [On the provision of utilities and maintenance of the common property in an apartment house: the Russian Federation Government resolution № 1498 from 26.12.16 (2017)]. *Rossiyskaya gazeta = The Russian newspaper*, 6.

Received for publication on 14.01.2016

INTERNATIONAL LAW. EUROPEAN LAW

CRITERIAS FOR APPLICABILITY OF THE UNIDROIT CONVENTION ON INTERNATIONAL FACTORING TO THE SPECIFIC FACTORING CONTRACTS

© 2017 Masaev Magomed Usmanovich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaia-Kudrinskaia str., Moscow, 125993, Russia
E-mail: masaevml@rambler.ru

This article is dedicated to issues related with the criteria's for applicability of the UNIDROIT Convention on International Factoring to the specific factoring contracts.

Key words: factoring, UNIDROIT Convention on International Factoring, financing under assignment of a monetary claim.

Received for publication on 01.12.2016

INTER-STATE COOPERATION TO COMBAT INTERNATIONAL CYBER TERRORISM ON THE EXAMPLE OF THE EUROPEAN UNION

© 2017 Dmitrieva Vera Vladimirovna
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaia str., Moscow, 117218, Russia
E-mail: dmitrieva-vv@list.ru

The differences of international cyberterrorism from other types of computer crimes were analyzed in the article. The definition of international cyberterrorism was defined. There were given the basic forms of interstate cooperation between the countries of the European Union to combat international cyberterrorism. The evaluation of the effectiveness of such cooperation was presented.

Key words: terrorism, international terrorism, international cyber terrorism, cyberterrorism, cybercrime, European Union, interstate cooperation, fight against cyberterrorism.

References

1. Abdurahmanov M.I., Barishpolec V.A., Manilov V.L. (2000) *The military security of Russia*. Dictionary. Ed. V.L. Manilova. Moscow.

2. Vishneveckij K.V., Trofimenko S.V. (2013) O terminah "bor'ba" i "protivodejstvie" v ugolovno-pravovoj leksike. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, 3, pp. 225-230.
3. Golubev V. Kiberterrorizm kak novaja forma terrorizma. *Centr issledovanija problem komp'juternoj prestupnosti*. Available from: http://www.crime-research.org/library/Gol_tem3.htm.
4. Gromov E.V. (2006) Razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva o prestuplenijah v sfere komp'juternoj informacii v zarubezhnyh stranah (SShA, Velikobritanii, Niderlandah, Pol'she). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 11 (62), pp. 30-35.
5. Dogovor o kiberprostranstve - Konvencija ili Protokol Organizacii Ob#edinennyh Nacij o kiberbezopasnosti i kiberprestupnosti. Podgotovleno Stejnom Shjol'bergom. Spravochnye dokumenty, poluchennye ot otdel'nyh jekspertov (2011). In: *The twelfth Congress of the United Nations about crime prevention and criminal justice* (Salvador, 12-19 April 2010) a Collection of documents / compilers: A.G. Volevodz, S.M. Tarasenko, V.A. Alizade, vol. 2, Moscow, pp. 271-281.
6. Zigmund O.A., Petrovskij A.V. (2015) Kiber- i internet- prestupnost' v Germanii i Rossii: vozmozhnosti sravnitel'nogo issledovanija. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika*, 4 (34), pp. 180-188.
7. Koordinator ES schitaet, chto AJeS Bel'gii mogut ugrozhat' kiberataki. *RIA novosti*. 26.03.2016. Available from: <http://ria.ru/world/20160326/1397664506.html>.
8. Cloud Security Incident Reporting. *Sobre ISMS*. Available from: <https://www.ismsforum.es/ficheros/descargas/incident-reporting-for-cloud-computing1392993762.pdf>.
9. Computer Misuse Act 1990. *The National Archives*. Available from: Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/section/1>.
10. Criminal Code of the Netherlands. *The European Judicial Training Network (EJTN)*. Available from: http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf.
11. Singer P.W., Friedman A. (2014) *Cybersecurity and Cyberwar. What everyone needs to know*. New York.
12. Cyberterrorism - the use of Internet for terrorist purposes. Council of Europe, December, 2007.
13. German Criminal Code. *European Commission*. Available from: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/criminal_code_germany_en_1.pdf.
14. Goldsmith J. (2013) How Cyber Changes the Laws of War. *The European Journal of International Law*, vol. 24, 1, pp. 129-138.
15. Mission and Objectives. *European Union Agency for Network and Information Security*. Available from: <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa/mission-and-objectives>.
16. National Cyber Security Strategies. *European Union Agency for Network and Information Security*. Available from: <https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/nccs-map>.
17. Regulation (EC) No 460/2004 of the European Parliament and of the Council of 10 March 2004 establishing the European Network and Information Security Agency. *EUR-Lex*. Available from: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32004R0460:EN:HTML>.

Received for publication on 04.12.2016

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMIC THEORY**OPTIMIZATION OF STRATEGIC COMPETITIVENESS OF SERVICES
IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC UNCERTAINTY OF COMPLEX STRUCTURE**

© 2017 Gerasimova Svetlana Vitalievna
PhD in Economics, Associate Professor
Moscow State University of Medicine and Dentistry
20/1, Delegatskaia str., Moscow, 127473, Russia
E-mail: lanapost@inbox.ru

In article results of researches on a problem of strategic competitiveness of services in the conditions of macroeconomic and microeconomic uncertainty are stated. Methodologies of optimization G. Simon's hypothesis of limited rationality of economic decisions is assumed as a basis. The methodology of high-quality optimization of innovative development of strategic competitiveness of services is given. Cyclic forecasting of tendencies of the macroeconomic environment for elimination of objective uncertainty is offered. For elimination of subektivny macroeconomic uncertainty the strategy of state regulation of the market of services is considered. Microeconomic uncertainty is eliminated on the basis of assumptions of the jet strategy of target competitors. Object of optimization is the synchronized complex of innovative projects of development of strategic competitiveness of services.

Key words: service, strategy, competitiveness, innovation, uncertainty.

References

1. Simon H.A. (1993) Rationality as Process and as Product of Thought [Lecture at the annual conference of the American economic Association in 1977]. *THESIS*, 3.
2. Simon H.A. (1960) *The New Science of Management*. New York, p.50.
3. Gerasimova S.V. (2013) Innovacii kak faktor razvitiya konkurentosposobnosti uslug stomatologicheskikh klinnik [Innovations as factor of development of competitiveness of services of dental clinics] In: *Nauka i obrazovanie XXI veke: sbornik nauchnih trudov Mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii 30.09.2013 = Science and education in the XXI century: The collection of scientific works on materials of the International scientific and practical conference 30.09.2013*. Tambov.
4. Guskova M.F., Sterlikov P.F., Sterlikov F.F. (2016) K voprosy otsenki biznesa [To a question of business assessment]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 9 (142), pp. 30-36.

Received for publication on 06.12.2016

COMPETENCE APPROACH IN HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

© 2017 Iurieva Oksana Vladimirovna
Associate Professor of Department of Human Resources Management
Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremliovskaia str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia
© 2017 Kadnikov Vladimir Andreevich
Saint-Petersburg State University
7-9, Universitetskaia nab., Saint-Petersburg, 199034, Russia
© 2017 Soloviev Nikita Viacheslavovich
Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremliovskaia str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russia
E-mail: oksanavladi@mail.ru, Vkadnikov92@gmail.com, 2361646@mail.ru

This article discusses how to use the competency approach to human resource management. We consider different approaches evaluating competencies, including country differences in approach. It is shown that the selection and training of staff on the basis of competence-based approach is an effective HR management tool. In our opinion it is a holistic competence typology is useful for understanding the relationship of the system of knowledge, skills and staff outcomes. Thus, the use of competency approach to human resource management allows on the one hand to attract valuable employees, on the other hand - to build a corporate training so as to maximize the efficiency and productivity of employees.

Key words: competency, competence, competence approach, human resources management, emotional intelligence, social intelligence.

Recruitment on the basis of competence, personal and professional, may be a non-trivial task. However, this practice should be a key in personnel management. In the selection of personnel must take into account features of the organizational environment: climate in the organization, the working context. In addition to the selection of competency, a matter of learning skills as promising. We do not put into question by the fact that the skills, knowledge and practical skills can be acquired in the course of corporate training and performance of official duties. Of greatest interest is the question of personal growth of employees, namely: whether the existing adult humans develop and / or acquire new personality? The analysis of foreign literature (Kanfer and Goldstein, 1991, Morrow et al, 1997, Pascarella and Terenzini, 1991;.. Winter et al, 1981) showed that an adult is able to develop personal competencies. However, the scale of the development is low: representing a positive change in the behavior of the employee caused by the specialized training, are significant only immediately after the training and disappear after some time. This effect is called "honeymoon effect". Accordingly, the question now is not possible by purchasing or personal behavioral skills through corporate education and training, and the possibility of long-term conservation of these skills. Several long-term studies on changes in people's emotional and social intelligence, which, in essence, is distinguished by outstanding employees from all others, showed that the changes have taken place in the course of training are *dolgochnymi* or permanent. Thus, the use of competency approach to human resource management allows on the one hand to attract valuable employees, on the other hand - to build a corporate training so as to maximize the efficiency and productivity of employees. The possibility of development of personality traits, behavioral skills, and enhance the characteristics of emotional and social intelligence *neobhomo* consider when planning educational programs and training: according to research programs aimed at long-term results should be long-term in itself.

References

1. Deist, Winterson (2005) What is competence? *Human Resource Development International*, vol. 8, 1, pp. 27-46.
2. Boyatzis R.E. (1982) *The Competent Manager: A Model for Effective Performance*. New York.

3. Boyatzis R.E., Stubbs L., Taylor S. (2002) Learning cognitive and emotional intelligence competencies through graduate management education. *Academy of Management Journal on Learning and Education*, vol. 1, 2, pp. 150-62.
4. Campbell J.P. et al. (1970) *Managerial Behavior, Performance, and Effectiveness*. New York, NY.
5. Cooper K. C. (2000) *Effective competency modeling & reporting: a step-by-step guide for improving individual & organizational performance*. Amacon.
6. Evers F.T., Berdrow I., Rush J.C. (1998) *The Bases of Competence: Skills for Lifelong Learning and Employability*. New York.
7. Legge K. (1995) What is human resource management? *Management, Work and Organisations*, pp. 62-95.
8. McClelland D. (1998) Identifying competencies with behavioural-event interviews. *Psychological Science*, 9 (5), pp. 331-339.
9. McClelland D. (1973) Testing for competence rather than for 'intelligence'. *American Psychologist*, 28 (1), pp. 1-14.
10. Iur'eva O.V., Shigapova D.K. (2012) Vnedrenie tekhnologii ocenki upravlencheskih kompetencij v sistemu kar'ernogo planirovaniya rukovoditelej obrazovatel'nyh organizacij [Iurieva O.V., Shigapova D.K. Introduction of technology of the assessment of administrative competences in system of career planning of heads of the educational organizations]. *Sovremennoe iskusstvo ehkonomiki = Contemporary Art Economy*, 6 (8), pp. 13-17.

Received for publication on 06.12.2016

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

OPTIMIZATION OF THE DISTRIBUTION SYSTEM

© 2017 Kalysenko Valentina Nikolaevna

PhD in Economics, Associate Professor, Professor of Department of marketing,
logistics and advertising
Samara State University of Economics
141, Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, Russia

© 2017 Stalkina Uliana Mikhailovna

PhD in Economics, Associate Professor of Department of Management
International Market Institute
21, G.A. Aksakova str., Samara, 443030, Russia
E-mail: v-kalysenko@yandex.ru, lyana@inbox.ru

Conditions of formation of a distribution system of goods are considered, a comparative assessment of direct and indirect sale on the basis of work of the dealer and the trade mission is given.

Key words: marketing policy, direct sale, indirect sale, distributor, dealer, sales representative.

References

1. Golubin E.V. (2006) *Distribution. Formation and optimization of sales channels*. Moscow, p. 26.
2. Mikhaliuk M.V. (2016) Perspective trends and characteristics of the supply chains of multi-channel retailers in the consumer market. *Economic Sciences*, 4 (137), pp. 32-39.

-
3. Mikhailov A.M. (2014) Problems of choice of marketing strategies at the corporate level. *Economic Sciences*, 6, pp. 89-93.
 4. Mikhailov A.M., Toimentseva I.A. (2015) The impact of marketing and management solutions to optimize the company's budget process. *Bulletin of the Samara State University of Economics*, 12, pp. 16-19.

Received for publication on 05.12.2016

RESERVES TO REDUCE MATERIAL COSTS IN DRILLING ORGANIZATIONS

© 2017 Ladoshkin Albert Ivanovich

Doctor of Economics, Professor

© 2017 Maiorova Irina Albertovna

PhD in Economics

© 2017 Kharitonova Elena Albertovna

PhD in Economics

Samara State Technical University

244, Molodogvardeiskaia str., Samara, 443100, Russia

E-mail: ladoshka@mail.ru

Discusses the mechanisms of quantitative assessment of internal reserves of decrease in expenses at the enterprises of mining complex and the principles of their implementation on the example of the effective use of material resources in drilling organizations.

Keywords: reserves, analysis, drilling of the organization, material resources, savings, incentives.

Received for publication on 03.12.2016

**Как правильно подготовить статью
в “Вопросы экономики и права” на персональном компьютере**

Материал статьи представлять *на электронную почту* x12345@bk.ru в программе Word (файл с последним вариантом статьи). Статью должны сопровождать сведения об авторе с указанием полных имени и отчества, ученой степени, ученого звания, места работы или учебы и его почтового адреса на русском и английском языках, e-mail. Необходимы аннотация и ключевые слова (не более 7) на русском и английском языках. Обязателен список библиографических ссылок в конце статьи.

Набор текста

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **14 пт**
абзацный отступ 0,5 см (устанавливать
через окно “Абзац”, **не пробелами
и не табуляцией**)
межстрочный интервал “полуторный”

Набор таблиц

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **13 пт**
линейки внешние (рамка) 1,5 пт
линейки внутренние 0,5 пт

Набор формул

в редакторе формул
все символы прямым шрифтом

Набор ссылок на литературу (сноски)

размещение в конце статьи
(меню “Вставка” подменю “Сноска”)
тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **12 пт**

Рисунки (графики, диаграммы)

в редакторах Word, Excel - **только черно-белые**

! Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)

! Использовать стиль “Normal” или шаблон “Обычный”

*При нарушении требований к оформлению материалов
рукописи не публикуются!*

Анализ тенденций регионального развития Республики Казахстан

© 2015 Вечкинзова Елена Анатольевна
кандидат экономических наук, доцент
Центрально-Казахстанский университет “МГТИ-Лингва”
470061, Республика Казахстан, г. Караганда, пр. Бухар-Жырау, д. 12
E-mail: mail@mail.ru

Анализ динамики ВРП Республики Казахстан за 1998-2007 гг. проведен в контексте обеспечения устойчивости развития регионов. В этой связи динамика экономического развития оценивалась системой индикаторов, что позволило выявить сущность происходящих процессов в регионах и определить наиболее целесообразные направления государственного регулирования, обеспечивающие устойчивый экономический рост.

Ключевые слова: регион, экономический рост, специфика развития, система индикаторов, государственное регулирование.

(Текст статьи)
Литература

1 ...
2 ...

THE ANALYSIS OF TENDENCIES OF REGIONAL DEVELOPMENT OF REPUBLIC KAZAKHSTAN

© 2015 Vechkinzova Elena Anatolievna
PhD in Economics, Associate Professor
Central Kazakhstan University "MGTI-Lingua"
12, Bukhar-Zhyrau pr., Karaganda, Republic Kazakhstan, 470061
E-mail: mail@mail.ru

The analysis of dynamics of the Total Regional Product of Republic Kazakhstan for 1998-2007 is lead in a context of maintenance of stability of development of regions. In this connection dynamics of economic development was estimated by system of indicators that has allowed to reveal essence of occurring processes in regions and to define the most expedient directions of state regulation providing steady economic growth.

Key words: region, economic growth, specificity of development, system of indicators, state regulation.

(Расширенный реферат)
References

1.
2.
...

For entries
